

**Абылай хан атындағы
ҚазХҚжәнеӘТУ
ХАБАРШЫСЫ
ИЗВЕСТИЯ
ҚазУМОиМЯ
имени Абылай хана**

ISSN 2411 - 8745

**«ФИЛОЛОГИЯ ҒЫЛЫМДАРЫ»
сериясы
1 (36) 2015
серия
«ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ»**

© *Научный журнал «Хабаршысы-Известия» ҚазУМОиМЯ имени Абылай хана* серия «Филологические науки» Акционерного общества «Казахский университет международных отношений и мировых языков имени Абылай хана» зарегистрирован в Комитете связи, информатизации и информации Министерства по инвестициям и развитию Республики Казахстан. Регистрационное свидетельство № 15195-Ж от 10.04.2015 г.

Главный редактор

Кунанбаева С.С.

*доктор филологических наук, профессор,
член-корреспондент НАН РК*

Ответственный редактор

Таирбекова Л.Н., д.филол.н., профессор

ҚазУМОиМЯ им. Абылай хана, Алматы, Казахстан

Члены редакционной коллегии

Акишина Т., профессор,

Университет Южной Калифорнии, Лос-Анджелес, США

Рысалды К.Т., д.филол.н., профессор,

ҚазУМОиМЯ им. Абылай хана, Алматы, Казахстан

Бердичевский А.Л., д.пед.н.

Институт международных экономических связей Айзенштадта, Айзенштадт, Австрия

Солдатенкова Т., профессор,

Лёвенский католический университет, Лёвен, Бельгия

Исабеков С.И., д.филол.н., профессор,

ҚазУМОиМЯ имени Абылай хана, Алматы, Казахстан

Синячкин В.П., профессор,

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

Асанова Г.С., PhD,

ҚазУМОиМЯ имени Абылай хана, Алматы, Казахстан

Рецензенты

Кульгильдинова Т.А., д.пед.н., профессор,

ҚазУМОиМЯ им. Абылай хана, Алматы, Казахстан

Есеналиева Ж.Ж., д.филол.н., доцент,

ҚазУМОиМЯ им. Абылай хана, Алматы, Казахстан

Республика Казахстан

050022, г. Алматы,

ул. Муратбаева, 200

+7(727) 292 03 84 (вн. 3230)

Редакционная коллегия

Ответственный

за выпуск тиража

начальник «ИПЦ»

Есенгалиева Б.А.

Выпускающий редактор,

компьютерная верстка

Кынырбеков Б.С.

Подписано в печать 18.03.2015 г.

Формат 60x84 1/8

Объем 27,8 п.л. Заказ № 857.

Тираж 100 экз.

Отпечатано в типографии «ИПЦ»

ҚазУМОиМЯ имени Абылай хана

МАЗМҰНЫ СОДЕРЖАНИЕ

Кунанбаева С.С.	Слово к читателю	4
-----------------	------------------------	---

1 ТАРАУ

ЗАМАНАУИ ДИСКУРСТАҒЫ ШЕТ ТІЛДІК ЛИНГВОМӘДЕНИЕТТАНУДЫҢ КОНЦЕПТУАЛДЫ МОДЕЛІ

РАЗДЕЛ 1

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ИНОЯЗЫЧНОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛО- ГИИ В СОВРЕМЕННОМ ДИСКУРСЕ

Парашук В.Ю.	Коммуникативный кодекс как концептуальная модель (На материале англоязычных лингвокультур)	6
Науменко Л.П.	Субординационный концепт “risk” в современном англоязычном бизнес-дискурсе	16
Кабдргалинова С.Б.	Риторический вопрос и его структурно-семантические особенности	38
Таирбеков Б.Г.	Стереометрические модели вокализма в системе близкородственных языков	44
Гиздатов Г.Г.	Теория медиальности в западной практике (итоги визита швейцарского ученого в КазУМОиМЯ имениАбылайхана)	52
Бакумова Ю.А.	Место лингвокультурологии среди лингвистических дисциплин	60
Баданбеккызы З., Султан Ж.	The role of behavioural objectives in foreign language teaching	

2 ТАРАУ

ТІЛДІК ҚҰРЫЛЫМ СТРАТИФИКАЦИЯСЫ

РАЗДЕЛ 2

СТРАТИФИКАЦИЯ ЯЗЫКОВОЙ СТРУКТУРЫ

Кабдргалинова С.Б.	Қазақ және ағылшын тілдеріндегі сұраулы сөйлемдердің қатысымдық-прагматикалық аспектісі	66
Есеналиева Ж.Ж.	Ұлттық мінез-құлық және ұжымдық танымның негізгі ерекшеліктері	77
Ожерельева А.В.	Иделогемы как метафорические концепты в политическом дискурсе	84
Барабаш Е.С.	Le concept de l'honneur dans la conscience française	95

Қуанышбаева А.Н.	Types of speech compression while interpreting political discourse into Kazakh language	100
Фоминых К.И.	Особенности процесса идентификации современных англоязычных неологизмов	109
Ожерельева А.В.	Опыт изучения концепта «государство» в политическом дискурсе: анализ различных подходов	122
Бакумова Ю.А.	Символика чисел в китайской культуре	132
Ешмаханова А.Б.	Газетный диалогический жанр в политическом дискурсе: итоги трансформации	141
Садыкова Р.К.	Парсы тілінің әлеуметтік лингвистикалық ерекшеліктері	150

3 ТАРАУ

ҒЫЛЫМИ АУДАРМА АЯСЫНДАҒЫ ЗЕРТТЕУЛЕР

РАЗДЕЛ 3

ИССЛЕДОВАНИЯ В ОБЛАСТИ НАУЧНОГО ПЕРЕВОДА

Асанова Г.С., Сарниязова С.	Особенности перевода научных текстов (На материале научной статьи Стивена Хоккинга «Представление о Вселенной»)	156
Амандықова Г.Я. Скендинова Ж.	Аударма эквиваленттігіне когнитивті зерттеу	173
Кабдрғалинова С.Б.	Когнитивті лингвистика және аударматану ғылымдарының сабақтастығы	179
	Structural-Semantic and Communicative-Pragmatic Peculiarities of Kazakh Sentences with Question Words and their Translated Equivalents	184
	Труды ученых Казахстана	192
	Требования к статьям, представляемым в «Известия КазУМОиМЯ имени Абылай хана»	213

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЮ

Уважаемые коллеги!

Первый выпуск 2015 года, продолжающий серию «Филологические науки» научно-теоретического издания «Известия Казахского университета международных отношений и мировых языков имени Абылай хана», как и прежние выпуски, рассчитаны на широкий круг читателей и представляют собой сборники трудов по различным направлениям филологических наук.

В статьях обсуждается языковедческая и переводческая тематика. Таковы, с одной стороны, статьи Ю.А. Бакумовой «Место лингвокультурологии среди лингвистических дисциплин», К.И. Фоминых «Особенности процесса идентификации современных англоязычных неологизмов». С другой стороны, исследованиям в сфере теории и практики переводческого дела посвящены статьи к.ф.н. Г.Я.Амандыковой о когнитивном подходе и эквивалентности перевода, А.Б. Ешмахановой о специфике перевода англоязычных газетных текстов, А.Н. Куанышбаевой - о компрессии при переводе политического дискурса в казахском языке, магистранта второго года обучения Ж.Скендировой о взаимосвязи когнитивной лингвистики и науки о переводе.

Специфический интерес вызывают статьи Ю.А.Бакумовой «Символика чисел в китайской культуре», Г.Г.Гиздатова в статье «Теория медиальности в западной практике (итоги визита д.ф.н., профессора Цюрихского университета (Швейцария) Ольги Бурениной-Петровой в КазУМОиМЯ имени Абылай хана)», д.ф.н., доцента Ж.Ж.Есеналиевой «Национальное поведение и особенности коллективного сознания».

Статьи журнала выходят на казахском, русском, английском, французском, турецком, китайском, корейском и других языках. Объектом изучения стали данные около 10 типологически несхожих и генеалогически родственных языков. Изыскания касаются различных ярусов стратификации языковой структуры: статья проф. Б.Г.Таирбекова «Стереометрические модели вокализма в системе близкородственных языков», статья к.ф.н. С.Б. Кабдргалиевой об особенностях вопросительных предложений в казахском и английском языках.

Материалы этих выпусков связаны с актуальными поисками в мировой лингвистической науке. Эту особенность отражают статьи Е.С. Барабаш «Концепт «честь» во французском сознании», А.Б.Ешмахановой «Газетный диалогический жанр в политическом дискурсе: итоги информации», А.В. Ожерельевой «Опыт изучения концепта «государство» в политическом дискурсе: анализ различных подходов»

Заслуживают внимания научно-методические разработки, изложенные в статьях З. Баданбеккызы в соавторстве с Ж. Султан, излагающие проблему роли межкультурного отношения в иноязычном образовании.

Как всегда, содержание сборников серии «Филологические науки», составляют работы, подготовленные в КазУМОиМЯ имени Абылай хана, научные статьи, подготовленные в иных образовательных и научных центрах нашей республики и в республиках ближнего и дальнего зарубежья. Вызывают интерес работа к.ф.н. С.Б.Кабдргалиновой из Международного университета информационных технологий в Алматы «Риторический вопрос и его структурно-семантические особенности» другие её статьи, а также две работы из ближнего зарубежья – статья доцента Института филологии Киевского национального университета имени Тараса Шевченко к.ф.н. Л.П. Науменко «Субординационный концепт «risk» в современном англоязычном бизнес-дискурсе» и статья доцента Кировоградского государственного университета имени Владимира Винниченко к.ф.н. В.Ю. Паращук «Коммуникативный кодекс как концептуальная модель (На материале англоязычных лингвокультур)», магистранта второго года обучения ЦАУ «Интерпретация образа главного героя в переводах Дж.Д. Сэлинджера «Над пропастью во ржи».

Наконец, отрадно отметить уникальную многосоставность авторского коллектива сборников. В этом коллективе – вся вузовская иерархия: профессорско-преподавательский состав (профессора, доценты, доктора и кандидаты наук), магистранты и докторанты, бакалавры и студенты – старшекурсники.

Органическая связь и целенаправленная преемственность научных поколений – гарантия дальнейшего развития Казахского университета международных отношений и мировых языков имени Абылай хана - инновационно ориентированного вуза международно-адаптированного типа, каким он позиционируется в качестве флагмана иноязычного образования в Республике Казахстан.

**Кунанбаева С.С.,
главный редактор научного журнала «Известия КазУМОиМЯ»,
д.филол.н., профессор, член-корреспондент НАН РК**

1 ТАРАУ
ЗАМАНАУИ ДИСКУРСТАҒЫ ШЕТ ТІЛДІК
ЛИНГВОМӘДЕНИЕТТАНУДЫҒ КОНЦЕПТУАЛДЫ МОДЕЛІ

РАЗДЕЛ 1
КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ИНОЯЗЫЧНОЙ
ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ В СОВРЕМЕННОМ ДИСКУРСЕ

УДК 81`42: 811.111

Паращук В.Ю., к.ф.н., доцент,
Кировоградский государственный университет
имени Владимира Винниченко,
Кировоград, Украина
E-mail: valparashchuk@gmail.com

КОММУНИКАТИВНЫЙ КОДЕКС
КАК КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ
(НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ЛИНГВОКУЛЬТУР)

Вербальная коммуникация как целенаправленный процесс создания, передачи и интерпретации сообщения средствами языкового кода осуществляется в форме коммуникативного процесса, который имеет сложный, динамический характер, представляет собой континуум, в идеале – бесперебойное взаимодействие коммуникантов. При этом коммуникативный процесс возможно смоделировать таким образом: *коммуниканты* вступают в *вербальный контакт* средствами языкового и неязыковых *кодов* относительно *референта*, продуцируя *сообщение* в соответствии с их коммуникативными *интенциями*, для реализации которых используются определенные *коммуникативные ресурсы* (стратегии и тактики); предметно-знаковым носителем такого сообщения выступает *дискурс*, интерпретируемый с учетом *контекста*.

Ключевые слова: коммуникация, лингвокультура, концептуальная модель, коммуникант

В формуле коммуникативного взаимодействия, приведенной выше: “коммуниканты (адресант, адресат), контакт, референт, код, сообщение, коммуникативные ресурсы”, именно *контакт*, по нашему мнению, выступает в качестве фона, гиперфрейма, процесса, в рамках которого разворачивается действие других компонентов коммуникативного акта [1, p.13]. Под *вербальным контактом* понимаем фрагмент коммуникативного процесса, ограниченный началом и концом вербальной интеракции двух/или больше коммуникантов на пересечении осей времени и места (в определенном месте в определенное время), в течение которого они осуществляют обмен речевыми действиями, направленный на достижение поставленной коммуникативной цели. Наиболее важные результаты в исследовании разных аспектов вербального контакта: правила структурирования вербальной интеракции, реплицирование, молчание, прекращение говорения, одновременное говорение нескольких коммуникантов, нарушение передачи коммуникативных ролей, – были предметом изучения с позиций школы конверсационного анализа (conversation analysis, CA) (см. работы: G. Beattie; Harvey Sacks et al; C. Goodwin; M. McLaughlin и др.). Однако коммуникативный кодекс как модель принципа успешного коммуникативного действия, на наш взгляд, еще не получил исчерпывающего освещения.

Цель этой статьи состоит в описании концептуальной модели взаимодействия коммуникантов в рамках вербального контакта, которая представляет как они структурируют, мониторят, координируют и интерпретируют свои речевые действия. В качестве объекта анализа выступает коммуникативный кодекс (КК) англоязычных лингвокультур, а предмет изучения составляет совокупность компонентов, его составляющих и закономерно связанных друг с другом в единое целое.

Специфика речевого поведения в рамках вербального контакта находят разное определение в специальной литературе: *коммуникативный кодекс* (Н.Д.Арутюнова; Л.Г.Викулова; Е.В.Клюев; Е.В.Падучева), *законы/постулаты коммуникативного поведения* (И.А.Стернин), *принципы и постулаты речевого общения* (М.А.Иванова), *речевые конвенции* (Дж. Остин), *речевой этикет* (В.Е.Гольдин; Н.И.Формановская; И.А.Стернин). Исследователи, так или иначе рассматривающие это понятие, не придерживаются единой точки зрения на соотношение понятий *закон, постулат, принцип, максима, правило речевого поведения*. Детальный анализ их содержания и размежевание находим в работе Г.А.Копниной [2, p. 38-47]. Мы полагаем, что понятие *коммуникативный кодекс* может выступать гиперонимом для вышеперечисленных понятий.

В общем виде *коммуникативный кодекс* определяется как *система принципов (основных правил деятельности), регулирующих поведение*

коммуникантов в ходе коммуникативного акта [3, p.121; 4, p. 32]. Дефиниция КК, сформулированная Е.В.Клюевым, гласит: „Коммуникативный кодекс представляет собой сложную систему принципов, регулирующих речевое поведение обеих сторон в ходе коммуникативного акта и базирующихся на ряде категорий и критериев [1, p. 112]. Сравнительный анализ определений КК, представленных в литературе, позволил установить, что, главным образом, он понимается как совокупность основных правил речевого поведения в ходе коммуникативного акта. На наш взгляд, такая интерпретация несколько упрощает суть исследуемого понятия. Если считать вербальный контакт эргатической системой (от греч. *ergates* действующее лицо, деятель), другими словами, сложной системой управления вербальной интеракцией говорящими, то КК целесообразно представить в виде образно-концептуальной модели, т.е. совокупности представлений коммуниканта о реальном и прогнозируемом состоянии вербальной интеракции и эргатической системы в целом, о системе ценностей и оценок, о стандартных (нормативных) способах текстопорождения и речевого поведения.

КК как общая концептуальная модель взаимодействия коммуникантов в рамках вербального контакта представляет текстопорождение и речевое поведение, совершаемые для достижения определенной коммуникативной (речевой) цели, в соответствии с конвенциональной нормой. Другими словами, следование КК как модели принципа действия во время вербального контакта призвано обеспечить „конвенциональный порядок” (норму) в процессе интеракции, и в конечном итоге добиться искомой коммуникативной цели. Таким образом, с одной стороны, КК коррелирует с речевой нормой, с другой стороны, – с риторическими предписаниями/ коммуникативными качествами хорошей речи.

Во второй половине XX ст. многие исследователи определяют речевую норму в аспекте интегрального подхода как „общепринятое представление культурных носителей языка о закономерностях его функционирования, отраженное в узусе и сформулированное в виде прагматических правил – речеповеденческих и текстовых [4, p.263].

Поддерживая идею существования множественности норм и следуя пониманию речевой нормы как части онтологической нормы, Г.А.Копнина выделяет следующие ее разновидности, регулирующие: содержательную сторону речи; композиционное и логическое построение речи; словесное оформление речи; соответствие речи ситуации общения (ситуационно-речевые нормы) [4, p. 263]. Каждый вид норм предполагает свою шкалу для оценки общения, в целом, и речи, в частности: логично/нелогично, точно/неточно, уместно/неуместно, ясно / неясно и т.п. [4]. Эта шкала коррелирует как с прагматическими правилами текстопорождения и речевого поведения, так и с коммуникатив-

ными качествами хорошей речи. Учитывая вышесказанное, подчеркнем, что КК как модель принципа успешного коммуникативного действия или экспланаторный инструмент неуспешного действия базируется на нормах и риторических ценностях (коммуникативных качествах хорошей речи) лингвокультуры.

В содержательном плане КК как образно-концептуальная модель включает постоянные и переменные (оперативные) компоненты. К постоянным компонентам, которые функционируют во время любого вербального контакта, относим *критерии* (от греч. *kriterion* – признак, на основании которого производится оценка; мерило), *принципы* (от лат. *principium* – начало, основа устройства или действия; основоположные правила, регулирующие текстопорождение и речевое поведение в условиях вербального контакта), *постулаты* (от лат. *postulatum* – требование, условие, допущение, в силу каких-либо соображений принимаемое” без доказательства; частные принципы речевого общения) и *механизмы* (от греч. *mēchos* – средство, способ; последовательность стадий процесса, деятельности). К переменным компонентам КК относим влияние на речевое поведение коммуниканта таких факторов: степень владения языковым кодом, индивидуальный коммуникативный опыт, умения реализовывать нормативные предписания к речевой деятельности на практике, социальные характеристики и т.п.

Постоянные компоненты КК в нашем перечне: *критерии*, *принципы*, *постулаты*, *механизмы*, составляют открытый список, не являются однопорядковыми и связаны отношением «от более общего к частному». Наиболее общим компонентом КК считаем оценку коммуникантами валидности (меры соответствия) вербального контакта, при условии его сознательности и преднамеренности, т.е. как планируемого / управляемого обмена коммуникативными / речевыми действиями. Для этого коммуниканты используют два критерия [1, р. 115]: 1) *критерий истинности* (“картины действительности”, вербализуемые партнером-коммуникантом, как минимум не искажены, т.е. у него правильное либо характерное большинству представление об окружающем мире), и 2) *критерий искренности* (“картины мира”, репрезентируемые говорящим, на самом деле отображают его отношение к действительности). Коммуниканты, постоянно нарушающие эти критерии, т.е. (не)осознанно искажающие объективную информацию об окружающем мире и/или продуцирующие неискренние сообщения, подвергают риску вербальный контакт, в результате чего они могут приобрести негативную коммуникативную репутацию лгуна, фантазера, на слово которых нельзя положиться и т.п.

Во время вербального контакта коммуниканты решают две глобальные задачи: взаимно оперируют информацией и создают атмосферу по-

ложительного взаимодействия между собой. Если исходить из того, что наиболее существенные для передачи информации коммуникативные качества речи англоязычных лингвокультур охватывают информативность, правдоподобность, логичность, правильность/точность, ясность, то их реализация во время вербального контакта регулируется *Принципом Кооперации* (ПК) Г.П. Грайса. Суть ПК передается цитатой: *Твой коммуникативный вклад на данном шаге диалога должен быть таким, какого требует совместно принятая цель (направление) этого диалога* [5, p.222].

ПК представляет собой единство четырех постулатов, называемых Грайсом *категориями*, которые определяют вклад коммуникантов в объединяющую их речевую ситуацию: категория полноты информации (*твое высказывание должно содержать информации не больше и не меньше, чем требуется для выполнения поставленных коммуникативных целей*), категория качества информации (*старайся, чтобы твое высказывание было истинным, т.е. не говори того, что считаешь ложным, и то, для чего у тебя нет достаточных оснований*), категория отношения / релевантности (*не отклоняйся от темы, говори по существу*) и категория способа (*выражайся ясно, избегай непонятных выражений, будь краток и организован*) [5, p. 222-223].

Оценивая в целом положительно попытку Г.П. Грайса объяснить, как англоязычные коммуниканты взаимно оперируют информацией, обратим внимание на аспекты ПК, вызвавшие критические замечания: определенную национально-культурную ограниченность этого принципа, ведь разные культуры по-разному оценивают понятия правды/истинности, информации, манеры общения [6, p.193], например, европейское понимание истины как абсолютной правды имеет относительную ценность для некоторых лингвокультур Юго-Восточной Азии по сравнению с социальной гармонией в тех ситуациях, где следует выбирать между правдой и конфликтом. Кроме этого, действие постулатов Грайса ограничено ситуациями неконфликтного вербального взаимодействия, а также в практике они часто нарушаются говорящими, и поэтому считаются несколько идеализированными [4, p. 50-51].

Еще одним важным компонентом КК, отображающим специфику поддержания взаимоотношений коммуникантами во время вербального контакта, считаем *Принцип Вежливости* (ПВ), который получил разные интерпретации в литературе (см. работы Р. Лакофф, Дж. Лича и др.). Наиболее удачной, по нашему мнению, попыткой раскрыть действие ПВ считаем работу П. Браун и С. Левинсона [6], которые использовали понятие “лица (face)” Е. Гоффмана. Вежливость в англоязычных культурах связывается, главным образом, с сохранением “лица” (face) – культурно обусловленного позитивного общественного имиджа гово-

рящего (public self-image) [2, p. 4-5], который не испытывает преград в своих речевых действиях [7, p. 60]. Концепт “лица (face)” в азиатских культурах понятийно связан с «честь» (honour). Согласно теории Браун и Левинсона, концепт “лицо” охватывает два типа желаний (face wants), свойственных всем говорящим и осознаваемых ими: 1) желание „позитивного лица (positive face-wants), т.е. говорящий желает быть позитивно оцененным собеседником, которому высказывается заинтересованность во время вербального контакта; и 2) желание «негативного лица» (negative face-wants)”, когда говорящий хочет свободы речевых действий и невмешательства собеседника в его намерения. В соответствии с этим, выделяются позитивная, негативная, непрямая вежливость и отсутствие вежливости в форс-мажорных ситуациях [7, p. 61].

Выбор терминов *позитивный* и *негативный* подвергся критике в связи с тем, что позитивный ассоциируется с хорошим, а негативный – с плохим, что в данном случае некорректно. Р. Сколлон и С. Сколлон предложили называть позитивную вежливость *заинтересованностью* (involvement), а негативную – *невмешательством* /независимостью (independence) [1, p. 48]. Они также указали на специфическую черту “лица” – *парадоксальность*, а именно: в любой точке вербального контакта заинтересованность и невмешательство следует актуализировать одновременно, т.е. говорящий должен находить способ вербально выражать заинтересованность в партнере-коммуниканте и в то же время гарантировать ему независимость. Если один партнер демонстрирует слишком много заинтересованности, то другой может воспринять это как угрозу своей независимости, и, наоборот, чрезмерное предоставление независимости может быть понято как отсутствие заинтересованности.

Анализ исследований [6; 8], посвященных проблеме диалогической интеракции, дал возможность выделить важные *механизмы* взаимодействия коммуникантов, которые также относим к постоянным компонентам КК: *механизм обмена коммуникативными ролями* (turn-taking), по Г.Саксу и др.; *механизм структурирования разговора* (adjacency pairs), *механизм преференции* (согласования между компонентами смежной пары, preference); *механизм устранения коммуникативных проблем* (repair), связанных с оперированием языковым кодом.

Общепризнанно, что неформальный разговор/диалог осуществляется как серия обменов репликами между коммуникантами, при этом роли говорящего (адресанта, А1) и слушающего (адресата, А2) меняются по определенным правилам и в результате общих усилий коммуникантов. А1 и А2 обязаны придерживаться правил передачи репликовых шагов или взятия репликового шага (turn-taking), руководствуясь конвенциями лингвокультуры [5, p.130]. Для англоязычных лингвокультур характер-

рен такой механизм передачи репликовых шагов в неформальном общении: 1) смена говорящих; 2) один говорящий говорит во время репликового шага; 3) одновременное говорение (*overlapping*) нескольких коммуникантов возможно, но оно кратковременно; 4) переход от одного репликового шага к другому без долгих пауз и одновременного говорения. Причем “золотым” правилом считается: *No gaps, no overlaps* (Избегай длительного молчания между репликами (*gaps*) и одновременного говорения (*overlaps*)).

Механизм структурирования разговора является интерпретативным средством, которым пользуются коммуниканты в определенной точке вербального контакта для предположения, каким образом будет разворачиваться разговор в дальнейшем. Две последовательные реплики разных говорящих, где первая реплика А1 требует определенной следующей реплики А2, называются *смежной парой* (диалогическим единством, *adjacency pair*) [7, р. 303]. Фактически, смежная пара представляет собой двухкомпонентное образование из двух последовательных реплик А1 и А2, связанных содержанием – первая часть смежной пары / ПЧСП обуславливает продуцирование (частично) предсказуемой второй части / ВЧСП. В идеале эти части должны продуцироваться последовательно, одна за другой, в связи с чем они и называются смежной парой. Простые (двухкомпонентные) смежные пары признаются большинством исследователей основной структурной единицей речевого общения.

Именно смежные пары создают механизм последовательного структурирования разговора, котрому свойственны такие особенности [8, р. 39-40]: 1) последовательное продуцирование двух коммуникативных действий; 2) коммуникативные действия реализуются двумя разными говорящими; 3) первая и вторая части смежной пары секвенциально организованы, ПЧСП обуславливает следование ВЧСП, например, типичной будет употребление вопроса перед ответом, а не наоборот; 4) части смежной пары – категоризованы: любой ПЧСМ соответствует конечное число определенных типов ВЧСП, например, приглашение требует его принятия или отказа, а не приветствия.

Не все потенциальные ВЧСП имеют одинаковый статус желательности их реализации соответственно ПЧСП: они маркированы, и, как минимум, существует одна наиболее желательная и одна наименее нежелательная ВЧСП. В процессе актуализации смежной пары действует так называемый *механизм преференции* (согласования между компонентами смежной пары, *preference*), сущность которого состоит в том, что смежные пары выявляют предпочтение к структурной согласованности между своими (двумя) компонентами, например: – А1 *Давайте сделаем перерыв?* А2 – *С удовольствием!* Так для просьбы желательной ВЧСП будет согласие выполнить ее, а нежелательной – отказ и т.п.

Такая направленность на согласование вовсе не означает, что говорящие не могут выражать несогласие. Несогласованность, т.е. использование менее желательной ВЧСП, часто требует от А2 подбора специальных речевых действий типа извинения, объяснения причины и т.п. [1, p.53]. Продуцирование нежелательной ВЧСП для А2 возможно вычислить по таким признакам: 1) удлиненной паузе перед ВЧСП; 2) маркерам неуверенности перед ВЧСП; 3) наличием других речевых актов перед ВЧСП, например: – А1 *Ты бы хотела пойти на концерт сегодня вечером?* А2 *–Ну, я не знаю, у меня так много работы, я не могу!* (нежелательная ВЧСП); ср.: А2 – *Конечно!* (желательная ВЧСП). Желательные альтернативы реализуются репликами с простой синтаксической структурой, более краткой паузой, отделяющей ее от ПЧСП.

Во время вербального контакта возможны проблемные ситуации: неправильный выбор слов, оговорки, трудности понимания на слух и т.п. В связи с этим коммуниканты используют *механизм исправления ошибок (repair)* [8, p.57, 61], который включает четыре алгоритма: 1) самоиницированное-самоисправление (исправление ошибки инициирует и исправляет А1); 2) самоисправление А1, инициированное А2 (исправление ошибки инициирует А2, а исправляет свою ошибку А1); 3) исправление, инициированное А1, а осуществленное А2; 4) исправление ошибки А1, инициированное и осуществленное А2. Считается, что самоиницированное-самоисправление – наименее губительное речевое действие для вербального контакта, а инициирование и исправление ошибок других – наиболее. Говорящие, часто использующие последний алгоритм, получают репутацию нетактичного собеседника и всезнайки [8, p.318].

Таким образом, коммуникативный кодекс лингвокультуры представляет собой сложную модель, охватывающую представления коммуникантов, как управлять речевой деятельностью во время вербального контакта. Содержание коммуникативного кодекса включает критерии, принципы, механизмы, применение которых позволяет коммуникантам обмениваться речевыми действиями в соответствии с нормами текстопорождения и речевого поведения, принятыми лингвокультурой.

Список литературы

- 1 Scollon R., Scollon S. Intercultural communication: a discourse approach. – 2nd edition. – Malden, MA: Blackwell Publishers Ltd., 2001. – 316 p.
- 2 Копнина Г. А. Риторические приемы современного русского языка. Опыт системного описания: Монография. – 2-е изд., стер. – М.: ФЛИНТА, 2012. – 576 с.
- 3 Ключев Е. В. Речевая коммуникация. – М.: Рипол классик, 2002. – 315 с.

4 Atkinson J. M., Heritage J. Structures of social action: studies in conversation analysis. – Cambridge: Cambridge University Press, 1984. – 412 p.

5 Грайс Г.П. Логика и речевое общение. – Новое в зарубежной лингвистике (Лингвистическая прагматика). – М.: Прогресс, 1985. – С. 221-223.

6 Brown P., Levinson S. Politeness: some universals in language usage. – Cambridge: Cambridge University Press, 1987. – 345 p.

7 Clyne, Michael. Inter-cultural communication at work: cultural values in discourse. – Cambridge: Cambridge University Press, 1994. – 250 p.

8 McLaughlin M. L. Conversation: How Talk is Organized. – Beverly Hills, CA, London: Sage Publications, 1984. – 295 p.

Парашук В.Ю., ф.ф.к., доцент,

Владимир Винниченко атындағы Киров мемлекеттік университеті,
Кировоград қ., Украина, valparashchuk@gmail.com

**Коммуникативтік кодекс концептуалды модель ретінде
(ағылшын тілді лингвомәдениет материалдары негізінде)**

Мақалада коммуникативтік кодекс концептуалды модель ретінде қандай да бір коммуникативтік мақсатқа жету жолындағы лингвомәдениетті тілдік тұлғалардың вербалды коммуникация ауқымындағы мәтінтудырудың нормативтік тәсілдері туралы және тілдік іс-әрекеті жөніндегі көзқарасын қалыптастыратындығы жан-жақты қарастырылған.

Коммуникативтік кодекс мазұнын құрайтын компоненттер: вербалды қырым-қатынастың шынайылық өлшемдері және қырым-қатынасқа түсушілер арасындағы шынайылық сәйкестіктерінің өлшемдері; қырым-қатынасты сақтау барысындағы коммуниканттардың сыпайылық және қоғамдастық өлшемдерінен, реплика алмасу мен тілдік әрекеттерден, дұрыс қырым-қатынас жасау мен жіберілген қателіктерді жоюдан құралады, сондақ-ақ мақалада коммуникативтік кодекске ұлттық-мәдени ерекшелік тән екендігі айтылады.

Parashuk V. Yu.,
c.ph.sc., associate professor, Kirov state university
named after V. Vinnichenko,
Kirovograd, Ukraine

**Communicative code as a conceptual model
(on the basis of English linguocultural materials)**

The communicative code (CC) as a conceptual model embodies the perception of lingua-culture members which they apply to normative ways of text-generating and speech behavior aiming at achieving their communicative goals during the verbal contact. The CC content consists of the following components: the criterion of truth and the criterion of sincerity for the verbal contact validity assessment by the speakers; the Cooperative Principle and the Principle of Politeness used for mutual operation of information and building relations; turn-taking, adjacency pairs, preference and repair mechanisms used for understading of verbal interaction structuring, speech act exchange, monitoring of verbal contact unfolding, and error correction. The CC components correlate with both the norms of speech behavior and communicative qualities of good speech. The CC components display culture-specific features.

УДК 811.111'371

Науменко Л.П., к.ф.н., доцент,
Институт филологии, Киевский национальный
университет имени Тараса Шевченко,
Киев, Украина, e-mail: v-naumenko@voliacable.com

СУБОРДИНАЦИОННЫЙ КОНЦЕПТ «RISK» В СОВРЕМЕННОМ АНГЛОЯЗЫЧНОМ БИЗНЕС-ДИСКУРСЕ

Статья посвящена анализу концепта «риск» в качестве субординационного концепта основного концепта "предприятие", который организует концептосферу современного делового английского дискурса. Исследованы производные, словообразования и тексты, содержащие слово «риск», а также его семантические связи с другими возможными словами концепта. Представлена разработанная структура концепта, включающая семантику и смыслы (центральные / семантические ядра), образы и схематические компоненты. Материалом исследования послужили специальные и энциклопедические словари по экономике и бизнесу, словари синонимов и антонимов, тезаурусы, бизнес-публикации на интернет-сайтах ведущих британских и американских компаний, в частности, жанровые формы *Business Plan, Annual Report*.

Ключевые слова: концепт, субординация, бизнес-дискурс, деловой английский дискурс, экономика и бизнес

Как утверждают В.Л. Иващенко и Р. Ленекер, макроконцепты / суперконцепты распадаются на более дробные образования – суб- / мини-концепты, которые, в свою очередь, продуцируют более мелкие концепты [1, p.146; 2, p.45]. Базовый концепт “enterprise” также генерирует концепт нижнего уровня категоризации – субконцепт “risk”. *Целью* анализа является разработка архитектоники концепта “risk” и его вербального представления в современном англоязычном бизнес-дискурсе. *Задачи* включают выявление ментальных составляющих концепта “risk” и их вербальных коррелятов, моделирование его схематических структур, а также поиск номинатора в бизнес-дискурсе, изучение его дистрибутивных, словообразовательных и текстотворческих возможностей, выявление первинного значения (этимона). *Материалом* исследования послужили специальные и энциклопедические словари по экономике и бизнесу, словари синонимов и антонимов, тезаурусы, бизнес-публикации на интернет-сайтах ведущих британских и американских компаний, в частности, жанровые формы *Business Plan, Annual Report*.

Субконцепт “risk” в профессиональном плане рассматриваем как такой, что входит в понятийную сферу базового концепта “enterprise”, определяет один из его смысловых центров и связан с ним смысловыми связями. Анализ осуществляем за процедурами, разработанными в статье *Критерії виділення ключових концептів сучасного англомовного бізнес-дискурсу* [3, р.197-205].

В эпоху экономических преобразований и нестабильности мировой экономики такие концепты, как “риск” и “экономический кризис” все чаще привлекают внимание современных исследователей. В частности, фреймовому анализу этих концептов посвящен раздел *Перелічення як засіб репрезентації економічних концептів “ризик” і “економічна криза”* в диссертации М. Ю. Антоновой, где автор определяет узлы лексической цепи и составляющие акциональных фреймов концептов по специальным лексикографическим источникам и материалам годовых финансовых отчётов *Bank of America* за 1998-2007 гг. Акциональный фрейм концепта “риск” представляют: *risk analysis / анализ рисков, risk assessment / оценка рисков* и *risk management / управление рисками*, а перечисление определяется как фактор актуализации слотов фрейма [4, р.10-14].

Концепту “risk” в наивной англоязычной картине мира на материале фразеологического фонда языка посвящена диссертация Н. М. Ефимовой, в которой под риском понимается вид деятельности в ситуации неопределённости и необходимости выбора, результат которого не полностью прогнозируемый. В работе разрабатывается когнитивная модель ситуации риска за прототипичным сценарием с несколькими этапами: этап 1) сила F каузирует ситуацию, опасную для субъекта S, который должен решить эту ситуацию с помощью пары антиномий / альтернатив (в форме субфреймов): *despair* або *hope (challenge)*; этап 2) эмоциональная реакция S – E соотносится с одной из бинарных оппозиций; этап 3) оценка последствий с двумя субфреймами – “поражение” или “успех”; этап 4) деятельная реакция S – A реализуется в субфреймы – “принятие решения о действии” либо “отказ от ситуации риска”; 5) потенциальная развязка D продуцирует субфреймы – “поражение” или “победа”. Идиоматические высказывания, которые иллюстрируют субфреймы модели, подбирались на базе единой архисемы “опасность” и разделялись за ключевыми метафорами: “риск – война”, “риск – азартная игра”, “риск – охота”, “риск – борьба со стихией”, “риск – выход из убежища навстречу опасности”, базовой для которых является метафора “риск – игра” [5, р.435-445].

Как свидетельствуют проанализированные работы, концепт “risk” в основном изучается с позиций фреймового анализа и метафоризации общеупотребительного понятия в идиоматике английского языка. Такие

компоненты концепта, как понятийно-смысловой, образно-оценочный и схематический, а также их репрезентация в бизнес-дискурсе остаются вне поля зрения современных исследователей, что и составляет *предмет* наших студий.

Методика анализа концепта “company” разработана с учётом методологии концептуального анализа в трудах В.Л.Иващенко, С.А.Жаботинской, Р.Ленекера, В.А.Масловой, З.Д.Поповой, М.В.Пименовой, Ю.С.Степанова [1-2; 6-10]. При наработке методики анализа ключевыми вопросами являются: разработка структуры концепта; определение языковых средств его номинации; способ моделирования структурных компонентов; процедура анализа концепта (в языке или дискурсе).

Исходя из природы профессиональных концептов бизнеса, тяготеющих к рационально-логическому, объективному представлению знаний об окружающем мире, хотя и не лишенных эмоционально-ценностных и образных компонентов, их архитектуру можно представить в таких ментальных структурах: [термино] понятие, смысловые центры / семантические ядра, образы-картинки / гештальты, Я-схемы, образы-прототипы, образы-стереотипы, образы-антропосимволы, фреймы / сценарии предпринимательской деятельности. Таким образом, в составе профессиональных бизнес-концептов присутствуют: *понятийный компонент*, представленный [термино] понятием, *смысловой компонент* (смысловые центры / семантические ядра), *образный компонент* (образ-картинка / гештальт, образ-стереотип, образ-прототип), *символический компонент* (антропосимвол), *оценочный компонент* (оценочный стереотип), *схематический компонент* (Я-схемы, фреймы, сценарии).

К наименованиям концепта бизнес-дискурса относим: термины и общеупотребительные слова в их терминологическом значении, их дериваты в форме номинативных единиц (существительных, прилагательных, глаголов и наречий), их свободные сочетания (атрибутивные, объектные, предикативные, адвербиальные), устойчивые словосочетания и идиомы, профессиональные и номенклатурные названия профессий, должностей, компаний, товаров / услуг, названия жанровых форм и рубрик, прецедентные имена ведущих бизнесменов-практиков и теоретиков бизнеса, названия бизнес-теорий, моделей и процедур, деловые жаргонизмы и перифразы, слоганы компаний, профессионально маркированные паремии (поговорки, крылатые фразы, общеизвестные максимы, авторские изречения, аллюзии), пропозициональные структуры (высказывания, речевые акты), фрагменты жанровых форм, описывающие концепт.

Разрабатывая модель концепта “company”, применяем принцип *описания-моделирования* (термин В. Л. Иващенко), который предполагает описание понятийной парадигмы концепта, его смысловой организации, разработку образной составляющей, объективируемой в оценочном и социальном стереотипах, построение акционального фрейма на базе выявленных когнитивных признаков.

Для выявления понятийного объёма концепта “risk” применяем метод словарных дефиниций лексемы *risk* за специальными словарями: “risk – possible harm or chance of danger, loss or damage” [11, p.160]; “risk – the possibility of loss or damage, esp. of money or property” [12, p.366], “risk – a probability or threat of damage, injury, liability, loss or any other negative occurrence that is caused by external or internal vulnerabilities, and that may be avoided through preemptive action” [13], которые выявляют такие признаки понятия, как: “probability”, “harm / damage”, “loss”, “danger”.

Среди возможных наименований концепта “risk” в словаре синонимов и антонимов находим ближайшие слова-синонимы слова *risk*: *danger* (опасность), *hazard* (шанс, риск, опасность), *jeopardy* (опасность, риск), *liability* (ответственность, *pl.* обязанность, задолженность), *peril* (опасность, риск), *uncertainty* (неуверенность), *venture* (рискованное мероприятие, спекуляция) [14]. Вне внимания оставляем стилистически маркированные названия (*inform. stab, wager, exposedness, liableness, shot in the dark; coll. plunge; sl. flyer / flier*), а также такие, которые непосредственно не относятся к бизнесу (*accident, contingency, fortuity, gamble, openness*). Синонимические связи между вербализатором *risk* и другими вероятными названиями концепта обусловлены присутствием семы “risk” в значениях и дефинициях слов: *hazard* (“risk, danger”) [13, p.395], *venture* (“business or commercial activity / deal which involves a risk”) [11, p.322; 12, p.468], с другими синонимами он связан опосредованно через общие семантические значения “injury / harm, loss, danger”. Возможные наименования концепта *danger, hazard, jeopardy, peril, uncertainty* не находят отображения в специальных словарях деловой лексики (за исключением словосочетания *danger money* для обозначения терминологизованного понятия), и следовательно, не актуальны для бизнес-коммуникации. Термин *liability* имеет специализированное значение, характерное для сферы финансов и менеджмента, о чём свидетельствуют пометы в словарях: *liability, law/fin.* – “responsibility to settle a debt or make good a loss or damage”; *management*, “a person or thing that brings loss rather than gain”) [12, p.232]. Лексема *venture*, которая имеет и общеупотребительные (“act of behavior involving danger”), и терминологические значения (“undertaking in which there is a risk”) [13, p.953], охватывает более узкий объём понятия, чем слово *risk*, хотя встречаются

контексты с их параллельным употреблением: *risk capital / venture capital*. Таким образом, доминантой синонимического ряда является лексема *risk*, которую и считаем вербализатором этого концепта.

Деривационный потенциал номинатор концепта *risk* выявляет в форме существительного *riskness*, глагола *to risk*, прилагательных *risking*, *riskless*, *risky*; словообразовательный потенциал – в композитах *risk-averse*, *risk-aversion*, *risk-free*, *risk-taker*, *risk-taking*; дистрибуционный потенциал – в свободных словосочетаниях: *additional risk*, *attendant risk*, *bad risk*, *commercial risk*, *common risk*, *considerable risk*, *environmental risk*, *extra risk*, *financial risk*, *genuine risk*, *good risk*, *great risk*, *high risk*, *human risk*, *inherent risk*, *low risk*, *major risk*, *obvious risk*, *operational risk*, *physical risk*, *possible risk*, *potential risk*, *principal risks*, *real risk*, *serious risk*, *significant risk*, *slight risk*, *small risk*, *technological risk*, *(un)acceptable risk*, *business risk*, *disaster risk*, *expectation risk*, *insurance risk*, *key risks*, *outcome risks*, *production risk*, *safety risk*, *security risk*, *transaction risk*, *decision-making risk*, *calculated risk*, *increased risk*, *reduced risk*, *without risk*, *risk assessment*, *risk capital*, *risk factor*, *risk group*, *risk management*, *risk reduction*, *risk associated with*, *risks involved*, *cost of risks*, *degree of risk*, *element of risk*, *evaluation of risks*, *increase in risk*, *identification of risk*, *level of risk*, *reduction in risk*, *types of risks*, *to avoid a risk*, *to bear a risk*, *to decide to risk*, *to divert a risk*, *to identify risks*, *to run a risk*, *to share a risk*, *to take a risk* и др.; устойчивых словосочетаниях: *at risk*, *at one's own risk*, *to put smb at risk*, *to risk it*, *to spread one's risks*, *risk losing smth*, *risks and benefits / awards*, *to risk life and limb*, *to risk a stab in the back* (подставлять спину под удар); клишированных фразах – *all risks* (страх. “от всех рисков”), *at consignee's risk* (“на риск товарополучателя”), *at owner's risk* (“на риск собственника”), *risk for own account* (“риск под собственную ответственность”), *risks and perils of the sea* (страх. “морские риски в опасности”); паремиях – *Biggest profits mean grave risks*, *He who doesn't risk a penny doesn't make a peso*, *No risk, no gain*, *The riskier the road, the greater the profit*; афоризмах известных бизнесменов: *The biggest risk is not taking any risk... In a world that changing really quickly, the only strategy that is guaranteed to fail is not taking risks* (Mark Zuckerberg), *People who don't take risks generally make about two big mistakes a year. People who do take risks generally make about two big mistakes a year* (Peter Drucker), *Take calculated risks. That is quite different from being rash* (George S. Patton), *Well private money can take risks in a way that government money often isn't willing to* (Bill Gates); максимах: “*If you wish to cut your risks you should go for shares which yields higher than average*” (Investors Chronicle).

Словосочетания, выявленные в бизнес-контекстах составляют: *basic risk*, *capital risk*, *creative risk*, *delivery risk*, *diversifiable risk*, *incidental*

risk, marine risks, pure risk, social risk, social and political risks, (non)systemic risk, total risk, exchange rate risk, extra-market risk, interest rate risk, information technology / IT / IT-related risk, liquidity risk, (non)market risk, payment system risk, prudent risk, reinvestment risk, settlement risk, downside risk, upside risk, a lot of risk, controlling risk, measuring risk, managing risk, refinancing risk, underwriting risk, consumer-related risk, market-related risk, risk associated with, risk appetite, risk attitude, extent of risk, group of risks, kind of risk, qualification of risk, risk of disruption, risk of failure, to cover the risks, to have a risk, to mitigate risks, to monitor risks, to rank risks, to report on risks, established risk policy, group's risk profile, (group's) risk management system, risk neutral person, risk perception, risk tolerance, risk-increasing investment, risk-taking spirit, risk seeking, risk sharing, risk emerges, risk carries, risk exposure, risk limits, risk of a disaster at sea, to keep an eye on risk.

Выбор вербализатора – лексемы *risk* среди других возможных номинаторов концепта обусловлен высокой частотностью её употребления в бизнес-дискурсе, значительными дистрибутивными возможностями, текстотворческим потенциалом, коммуникативной релевантностью и актуальностью. Текстотворческий потенциал вербализатора концепта *risk* выявляет в названиях деловых документов: *Derivative Risk Statement (DRS)* та рубрик: *Risk Factors* (Sears AR 2009), *Risk Management, Risk and the Board of Directors, Enterprise-Wide Risk Management* (SABMiller AR 2009), *Concentration of Credit Risk, Financing and Market Risk*, (J & J AR 2012), *Financial Risks and Treasury Management, Interest Rate Risk Management, Foreign Currency Risk Management* (TESCO AR 2005), *Financial Risk Outlook* (FSA BP 2009/10), *Quantitative and Qualitative Disclosures about Market Risks* (Delphi AR 2003), *Risk Factors, Risk and Uncertainties, Operational Risks, Risk Factors, Development and Financing Risks, Technology, Information Protection and Privacy Risks, Other Risks* (Marriott AR 2011).

Подтверждением статуса лексемы *risk* как номинатора концепта является её теоретическое осмысление в научных трудах по экономике и бизнесу, о чём свидетельствуют такие названия: *Risk Theory / Theory of Risk, Hawley's Risk Theory of Profit, Theory of Pure Risk Management, Theory of Enterprise Risk Management*; назви моделей та методів ведення бізнесу: *CRAMM Methodology, Mehari's risk assessment methodology, audit risk model, factor analysis of information risk, risk analysis, risk analysis method, risk assessment method, risk-benefit analysis, risk management method, risk / reward ratio, probability model risk, value-at-risk model (VaR), Factor VaR, Long-term VaR, Marginal VaR, Shock VaR, Probabilistic Risk Assessment technique (PRA)*; формулы расчёта бизнес-деятельности с элементами риска: *Risk = (probability of the accident occurring) x (ex-*

pected loss in case of the accident); $Risk = \sum (\text{probability of the accident occurring}) \times (\text{expected loss in case of the accident})$; For all accidents

$$Risk = IR \times CR \times DR.$$

Смысловые центры / семантические ядра концепта “risk” выделены методом когнитивной интерпретации лексических единиц – репрезентантов концептов в результате анализа лексикографических статей из специальных словарей [11-13] и жанровых форм бизнес-дискурса *Annual Report* и *Business Plan*: “risk is danger” (риск – опасность), “risk is boldness” (риск – смелость), “risk is gain” (риск – приобретение), “risk is loss” (риск – убыток).

Смысловой центр “**risk is danger**” репрезентуют словосочетания: *subject to risks, vulnerable to risks, risk of disruption*; научные дефиниции: “Risk is the probability or threat of quantifiable damage, injury, liability, loss, or any other negative occurrence that is caused by external or internal vulnerabilities” [14]; пропозиционные структуры: *Unfortunately both of these activities are also potentially vulnerable to risks which prevent their final objectives being achieved* (С. Е. Nash), *We are subject to financial risks related to our international operations, including exposure to foreign currency fluctuations* (Avon AR 2012); фрагменты деловых документов: *The risks and uncertainties are not the only ones we face. Additional risks and uncertainties not presently known to us may also negatively impact our business* (Sears AR 2010).

Смысловой центр “**risk is boldness**” репрезентуют словосочетания *risk seeking, risk-taking, risk-taking spirit, risk appetite, taste for risk, willingness to take risk*; профессионально маркированные паремии: *Boldness in business is first, second, and third thing*; высказывания известных бизнесменов: *Risk-taking is a part of entrepreneurial life; A willingness to take risks can give an entrepreneur a competitive edge* (V. Thompson), *Don't think, however, that we have lost our taste for risk. We remain prepared to lose \$6 bn in a single event, if we have been paid appropriately for assuming that risk* (Berkshire Hathaway AR 2006).

Смысловой центр “**risk is gain**” репрезентуют профессионально маркированные паремии: *Biggest profits mean grave risks, He who doesn't risk a penny doesn't make a peso, No risk, no gain, The riskier the road, the greater the profit*; научные дефиниции: “Risk management is a practical technique for establishing and maintaining profitability of enterprises” [14]; высказывания экспертов бизнеса: *However, like all high risk businesses, it is attractive to entrepreneurs because some practices can provide a quick and highly profitable return on investment; High risk industries provide significant opportunities for high and rapid returns on investment* (С. Е. Nash); *It's just what some business plans are more risky than others, but those are*

usually the ones with the most to gain; If you don't take a lot of risk, you're probably not going to have a lot of gain (D. Maio).

Смысловый центр “**risk is loss**” репрезентуют словосочетания: *drawback of a risk, risk of failure, lost profits*; научные дефиниции: “Risk is the potential loss (undesirable outcome) resulting from a given action, activity and/or inaction. Potential losses themselves may also be called ‘risks’” [14]; высказывания известных бизнесменов: *Expanding a business to a second store or another country carries the risk of failure and lost profits; Excessive risk-taking can destroy a business and its owner's credit, finances and personal life; The obvious drawback of a risk is failure that costs something – money, time with family, credit, perhaps even the business (V. Thompson); отдельные пропозиции: *Our objective is to reduce the risk of loss arising from default by parties to financial transactions* (TESCO AR 2005).*

Образная составляющая концепта “risk” проявляется в образных эпитетах, метафорических и метонимических переносах как признаках дальнейшей концептуализации понятия. Лексема *risk* употребляется с эмоционально окрашенными (*terrible risk, foolish risk*) и образными эпитетами: *grave risk, poor risk*, в форме стертых (*high / low risk*), антропоморфных *sound risk*, напр.: *Good planning and meticulous financial management can help an entrepreneur to determine which risks are sound and which are not* (V. Thompson), и когнитивных метафор: *to face risk, to rank risks, to run away from risk, risk emerges, risk interrupts, risk kills, risk works out*, напр.: *Right now, many businesses are running away from risk as fast as they can; Ultimately, how much risk you take depends on you. Not only your personal preferences, but also your knowledge of the potential risk and your ability to survive financially if the risk doesn't work out (D. Maio), Entrepreneurs have to have a risk-taking spirit, because not taking risks can kill a business before it gets off the ground (V. Thompson). Атрибутивные определения с лексемой *risk*, могут придавать и негативную, и позитивную оценку этому понятию, как напр., *terrible risk, foolish risk, grave risk, poor risk* (эмоциональная негативная оценка) или *good risk, low risk, minimum risk, much / a lot of risk, reduced risk, slight risk, small risk, sound risk, upside risk / bad risk, big risk, considerable risk, downside risk, great risks, high risk, increased risk, serious risk, significant risk, substantial risk* (логическая позитивная / негативная оценка), напр.: *Risk includes not only “downside risk” but also “upside risk” (returns that exceed expectations) (A. Damodaran); Taking risk can help you to expand your horizons and learn new things. Taking that risk gives you a chance to try it out. Risk can be a good thing when done right, if you risk all your resources on one thing, you won't have anything else to risk if it goes poorly (D. Maio). Иногда обе оценки присутствуют в одном контексте: *Financial risk is often defined as the unexpected variability or volatility of returns, and this would include both***

potential better than expected as well as worse than expected returns. References to negative risk below should be read as applying to positive impacts or opportunity (e.g. for “loss” read “loss or gain”) unless the context precludes this interpretation [14].

Схематическая составляющая концепта “risk” воплощаются в акциональном фрейме, вершиной которого является название *risk*, слотом-актантом “*experiencer of risk*” (экспириэнсер риска), слотами-сирконстантами: “*risk factors*” (факторы риска), “*risk management*” (управление рисками), “*outcome of risk*” (последствия риска) и в предметном фрейме со слотами: “*character of risk*” (характер риска), “*quality of risk*” (качество риска), “*measure of risk*” (мера риска), “*cost of risk*” (стоимость риска), “*duration of risk*” (продолжительность риска). Структура концепта “*risk*” имеет две схемы. В случае акционального фрейма – это схема каузации: “КТО-ТО-экспириэнсер (*risk-taker*) попадает под действие ЧЕГО-ТО (*risk factors*) с ЦЕЛЬЮ противодействия (*risk management*), получая ЧТО-ТО-фактитив (*outcome of risk*)”, которая визуализируется в рисунке 1.

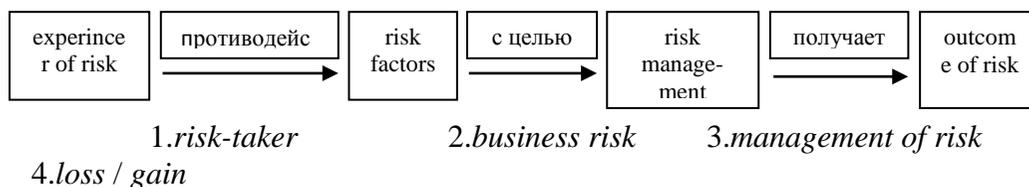

Рис. 1. Акциональный фрейм концепта “risk” со схемой каузации

Акциональный фрейм концепта “*risk*” со схемой каузации включает такие слоты. Слот-актант 1 “**experiencer of risk**” заполняют лексема *risk-taker*, атрибутивные синтагмы *businessman’s risk*, *consumer’s risk / consumer-related risk*, *contractor’s risk*, *issuer risk* (риск имитента), *manufacturer’s risk*, *producer’s risk*, *tenant’s risk*, *underwriting risk* (риск аутрайдеров), *vendor’s risk*, *risk perception*, *risk tolerance*, *risk-taking spirit*, *risk seeking*, *risk sharing*; предикативные синтагмы *to avoid a risk*, *to bear a risk*, *cannot / could not risk*, *dare not risk*, *to avoid a risk*, *to bear a risk*, *to decide to risk*, *to divert a risk*, *to have a risk*, *to run a risk*, *to share a risk*, *to take a risk*, *not want to risk*, *would not risk*, *be prepared to risk*, *be willing to risk*, стали вирази *at one’s own risk*, *to keep an eye on risk*, *risk it*, *risk losing smth*, *risk life and limb*, *to risk a stab in the back*.

Слот-сирконстант 2 “**risk factors**” заполняют словосочетания со словом *risk*, обозначающие внешние причины и обстоятельства, которые несут в себе угрозу риска для деловой активности: *business risk*, *commercial risk*, *commodity risk*, *credit risk*, *credit portfolio risk*, *default risk*, *decision-making risk*, *equity market risk* (фондовый ризик), *exchange*

rate risk, financial risk, fire risk, foreign exchange risk, health risk, inflation risk, insurance risk, investment risk, legal risk, market / market-related risk, merger risk, mortgage risk, mortality risk, operational risk (риск некомпетентных действий), production risk, property risk, regulatory risk (риск смены законодательства), risks from non-traditional activities, risk of loss, sea risk, tax risk, technological risk, trading risk, transaction risk, trading risk, transfer risk; научные обобщения: Risk in business arose from product obsolescence, a sudden fall in prices, superior substitutes, natural calamities or scarcity of certain crucial materials (F.B.Hawley); пропозициональные структуры: The main financial risks faced by the Group relate to the risk of default by counterparties to financial transactions (credit risk) and fluctuations in interest and foreign exchange rates (TESCO AR 2005), рубрики деловых документов: Risk Factors – Our ability to conduct business, particularly in international markets, may be affected by political, legal, tax and regulatory risks. Our international operations are subject to risks inherent in conducting business abroad, including, but not limited to, the risks of adverse currency fluctuations, currency remittance restrictions and unfavorable social, economic and political conditions (Avon AR 2012).

Слот-сирконстант 3 “**risk management**” заполняют словосочетания со словом *risk*: *risk management / management of risk, enterprise-wide risk management, risk management process, (group) risk management system, controlling risk, managing risk, to control risks, to eliminate risk, to minimize risk / minimization of risk, to mitigate risks, to monitor risks, back-up capabilities, contingency measures, preventive measures, purchase of insurance, hedging market-risk positions; пропозициональные структуры: The one-day holding period is based on the assumption that market-risk positions can be liquidated or hedged within one day (Chevron AR 2008); фрагменты деловых документов: Managing business risk to deliver opportunities is a key element of all our business activities Key features of the group’s system of risk management are management processes in place to mitigate significant risks to an acceptable level Key features of the systems of internal control are minimization of operating risk by using appropriate infrastructure, controls, systems and people throughout the businesses (SABMiller AR 2009).*

Слот-сирконстант 4 “**outcome of risk**” заполняют слова *loss / gain, downsizing*; словосочетания: *failure to achieve business objectives, collapse in business (activity), decrease in trade, reduced revenues; пропозициональные структуры: The risk management system is designed to manage, rather than eliminate, the risk of failure to achieve business objectives (SABMiller AR 2009); The company uses a Value-at-Risk model to estimate the potential loss in fair value on a single day from the effect of adverse changes in market conditions on derivative instruments held or issued (Chevron AR 2008).*

Предметный фрейм концепта “risk” включает качественную схему: ЧТО-ТО (*risk*) есть ТАКОЙ (характер – *additional risk, basic risk*, качество – *bad risk, good risk*, мера – *great risk, low risk*, стоимость риска – *estimated risk*, продолжительность риска – *constant risk*), которая визуализируется в рисунке 2:

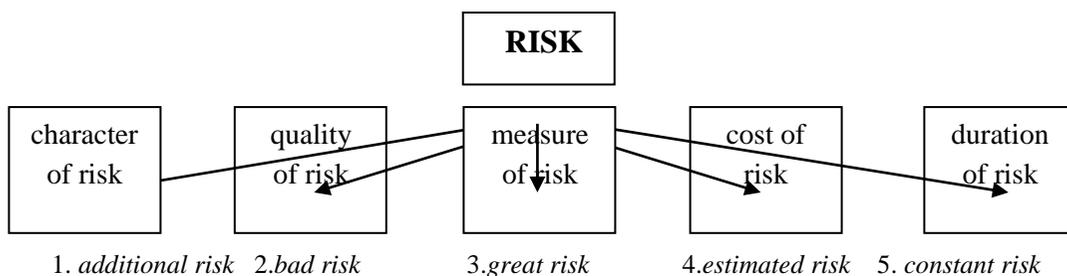

Рис.2. Предметный фрейм концепта “risk” с качественной схемой

Предметный фрейм концепта “risk” с качественной схемой включает такие слоты. Слот 1 “**character of risk**” заполняют словосочетания со словом *risk*, определяющие его характер: *additional risk, attendant risk, basic risk, calculated risk, collective risk, common risk, conditional risk, expectation risk, extra risk, genuine risk, group risk, incidental risk, inherent risk, main risk, key risk, major risk, obvious risk, overall risk, possible risk, potential risk, principal risk, pure risk, real risk, relative risk, serious risk, specific risk, standard risk, strategic risk* и др.

Слот 2 “**quality of risk**” заполняют словосочетания со словом *risk*, определяющие его качественные признаки: *bad risk, good risk, poor risk*.

Слот 3 “**measure of risk**” заполняют словосочетания со словом *risk*, определяющие его меру: *riskless, riskness, risk-free, big risk, calculated risk, considerable risk, great risks, high risk, increased risk, limited risk, low risk, a lot of / much risk, minimum risk, reduced risk, serious risk, significant risk, slight risk, small risk, substantial risk, risk limits, risk reduction / without risk, degree of risk, level of risk, range of risk, increase in risk, to increase risk, to measure risk, to minimize risk, to rank risks, to reduce risk*.

Слот 4 “**cost of risk**” заполняют словосочетания со словом *risk*, определяющие его стоимость: *estimated risk, assessment of risk / risk assessment, cost of risk, evaluation of risk / risk evaluation, value of risk, to assess risk, to estimate risk, to evaluate risk*.

Слот 5 “**duration of risk**” заполняют словосочетания со словом *risk*, которые указывают на его продолжительность или временной параметр: *constant risk, current risks, long-term risk, permanent risk, short-term risk*.

В результате проведенного анализа архитектуру субконцепта “risk” можно представить в виде четырехкомпонентного рисунка 3:

акциональный предметный образные метафоры оценные
фрейм фрейм эпитеты номинации

⌘ ↓ ↓ ⊃ “risk is danger” “risk is boldness” “risk is gain” “risk is loss”

Рис. 3. Архитектоника субконцепта “risk”

Заключение

Таким образом, концепт “risk” является субконцептом по отношению к базовому концепту “enterprise” и входит в его понятийно-смысловую парадигму. Понятие “risk”, лежащее в его основе, имеет такие признаки: “probability”, “harm / damage”, “loss”, “danger”. Деривационный потенциал лексема *risk* проявляет в форме существительного *riskness*, глагола *to risk*, прилагательных *risking*, *riskless*, *risky*; словообразовательный потенциал – в композитах *risk-averse*, *risk-aversion*, *risk-free*, *risk-taker*, *risk-taking*; дистрибутивный потенциал – в свободных и устойчивых словосочетаниях, бизнес-клише, афоризмах известных бизнесменов; текстотворческий потенциал – в названиях деловых документах и их рубрик, научных теориях и трудах по экономике и бизнесу. Смысловая организация концепта проявляется в смысловых центрах / семантических ядрах “risk is danger”, “risk is boldness”, “risk is gain”, “risk is loss”. Образная составляющая концепта отслеживается в образных эпитетах с лексемой *risk*, в форме стертых, антропоморфных и когнитивных метафор, в оценных номинациях с лексемой *risk*. Схематическая составляющая выявляется в акциональном фрейме со схемой каузации и в предметном фрейме с качественной схемой.

Список литературы

1 Іващенко В.Л. Концептуальна репрезентація фрагментів знання в науково-мистецькій картині світу (на матеріалі української мистецтвоз-

навчої термінології): Монографія. – Київ: Видавничий Дім Дмитра Бураго, 2006. – 328 с.

2 Langacker R.W. Cognitive Grammar. A basic introduction. – New York: Oxford University Press, 2008. – 427 p.

3 Науменко Л. П. Критерії виділення ключових концептів сучасного англomовного бізнес-дискурсу // Мовні і концептуальні картини світу: Зб. наук. пр. – У 4-х част. – Київ, 2012. – Вип. 42. – Ч.1. – С. 197-205.

4 Антонова М. Ю. Перелічення як засіб репрезентації концептуальної інформації в англomовному економічному дискурсі: автореферат ... канд. філол. наук, 10.02.04. – К.: Логос, 2012. – 20 с.

5 Ефимова Н.Н. Риск // Антология концептов / Под ред. И.И. Карасика, И.А. Стернина. – М.: Гнозис, 2007. – С. 435-445.

6 Жаботинская С.А. Концепт / домен: матричная и сетевая модели // Культура народов Причерноморья. – 2009. – № 168. – Т.1. – С.254-259.

7 Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику: Учеб. пос. – М.: Флинта, Наука, 2004. – 296 с.

8 Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика: Учеб. пос. – М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. – 314 с.

9 Пименова М.В., Кондратьева О.Н. Концептуальные исследования: Учеб. пособие. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2011. – 176 с.

10 Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 824 с.

11 Dictionary of Business / Ed. by P.H. Collin. – Teddington: Peter Collin Publ., 1997. – 331 p.

12 Oxford Dictionary of Business English / Ed. by A.Tuck, M.Ashby. – Oxford: Oxford University Press, 2002. – 493 p.

13 Business Dictionary. – Режим доступа URL: <http://www.businessDictionary.20000terms.com>. - (дата обращения: 15.02.2015).

14. Risk // Wikipedia, the free encyclopedia. - URL: <http://en.wikipedia.org> - (дата обращения: 16.03.2015).

Науменко Л. П., ф.ғ.к., доцент,
филология институты, Тарас Шевченко атындағы
Киев ұлттық университеті, Киев қ., Украина

**Заманауи ағылшынтілді іскери дискурстағы
«risk» субординациялық концепт**

Мақалада қазіргі ағылшын бизнес-дискурсындағы негізгі «enterprise» концептісін құрайтын субординациялық «risk» концептісі жан-жақты талданады. Оның атауыштық, сөзтудырушылық, мағынаайырушылық, сөзжасамдық қабілеті мен өзге де осыған қатысты атаулармен мағыналық байланысы талданады.

«Risk» концептісінің мағынылық, семантикалық (мағыналық орталығы/семантикалық өзегі), образды және сызбалық (акционалдық және заттық фреймдік) компоненттері құрастырылды.

Naumenko L.P., c.ph.sc., associate professor,
philology institute, Kiev state university named after
T.Shevchenko, Kiev, Ukraine

Subordinate concept “risk” in modern English business discourse

The paper is devoted to the analysis of the concept “risk” as a subordinate concept of the basic concept “enterprise” which organizes the conceptual sphere of the contemporary business English discourse. The derivative, word-building, text-composing potentials of the word risk have been studied, as well as its semantic links with other possible names of the concept. The structure of the concept including its semantic notional, sense (sense centers / semantic kernels,) imagery and schematic (action and thing frames) components have been developed.

УДК 811.111:811.512

Кабдргалинова С.Б., к.ф.н.,
Международный университет информационных технологий,
Алматы, Казахстан, ksaniyah@mail.ru

РИТОРИЧЕСКИЙ ВОПРОС И ЕГО СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

Лингвистическая природа риторического вопроса, выразительного коммуникативно-прагматического элемента, очень характерного для устного разговорного стиля языка, может быть исследована как отдельно, так и в процессе исследования вопросительных предложений в языках. Риторический вопрос также интересен как один из специфических с семантической или логической точки зрения вид вопросительных предложений. В этом и заключается актуальность исследований в данном направлении.

Если вопросительные предложения являются объектом таких грамматических, а точнее, синтаксических лингвистических исследований, то круг исследований риторического вопроса может быть гораздо шире, чем просто вопросительного предложения, затрагивая такие области как психолингвистика, лингвистика текста, дискурс, риторика, ораторское мастерство и т.д.

Ключевые слова: психолингвистика, лингвистика текста, дискурс, риторика, ораторское мастерство

Своеобразие природы риторических вопросов всегда привлекает внимание как отечественных казахстанских, так и зарубежных исследователей языка. Касательно исследований вопросительного предложения в казахском языкознании был сделан обзор таких работ, включающих и риторические вопросы. С точки зрения структурно-семантического содержания «Грамматика казахского языка» представляет следующую классификацию вопросительных предложений: 1) открытый вопрос; 2) альтернативный вопрос; 3) риторический вопрос; 4) побудительный вопрос [1, с.665]. Если в открытом вопросе необходимая информация о каком-либо предмете, личности, количестве, качестве, местонахождении, времени и т. д. отсутствует, то в альтернативном вопросе данный предмет называется, есть предположение о чем-либо, присутствует альтернативное значение, которое передается при помощи вопросительных частиц. В самом названии побудительные вопросы лежат смысл того, что целью данного типа вопросительных предложений является побуж-

дение к действию, передаваемое грамматически при помощи переходного глагола будущего времени и вопросительных частиц, или же вопросительного слова с переходным глаголом будущего времени. В ходе проведения анализа работ относительно вопросительного предложения выявлено, что наибольший интерес из числа названных типов вопросительных предложений составляет риторический вопрос.

В «Современном казахском языке» подвергается анализу смысловое содержание вопросительных предложений, при этом они классифицируются как собственно-вопросительные, ответно-вопросительные, риторическо-вопросительные, побудительно-вопросительные [2, с.110-113]. Проводится изучение вопросительных предложений во вторичных функциях, исследуемой является природа риторического вопроса [3, с.228]. В «Сравнительной грамматике тюркских языков», наряду с упоминанием исследований Орхоно-енисейских памятников, проведенных С.Е. Маловым, упоминается проведение учеными анализа риторических, прямых и других видов вопросов [4, с.160-164].

Вопросительные предложения с семантической точки зрения подразделяются на истинный, встречный, риторический вопрос, вопрос-сомнение, вопрос-удивление и т.д. [5, с.9-12]. Проводя исследование вопросительных предложений, функционально выполняющих роль восклицательных предложений, отдельные ученые анализируют лексико-грамматические признаки вопросительности, интонационные отличительные черты этих предложений. Они называют их переходно-вопросительными и отмечают их графическое оформление восклицательным знаком. При этом указывается на их сходство с риторическими вопросами. Ученые подчеркивают необходимость теоретических исследований модальности вопросительного предложения, встречного вопроса, повторного вопроса, риторического вопроса и других вопросов [6, с.34-37]. Высказывается мнение, что с коммуникативной точки зрения вопросительные предложения делятся на общий, альтернативный, риторический, побудительный [7, с. 27-34].

Определяя функциональное значение вопросительных предложений, исследователи выделяют два вида вопросительных предложений: открытый вопрос и риторический вопрос [8, с.102; с.153-154]. По выражаемой мысли основными являются открытый, встречный, риторический вопрос и вопрос-сомнение. Отмечается, что они характерны для ежедневного общения, часто используются в литературном языке, в особенности в языке художественной литературы [9, с.16-20].

Одни авторы делят вопросительные предложения с коммуникативной точки зрения на нейтральные и модально-окрашенные. Нейтральные включают истинный вопрос, формальный вопрос, риторический вопрос, вопрос с альтернативой, переспрос с целью уточнения. Модаль-

но-окрашенные – вопрос-удивление, вопрос-сомнение, вопрос-подтверждение, вопрос-побуждение, вопрос-предположение [10, с.138-146]. Другие ученые классифицируют их по коммуникативным функциям: собственно вопросительные, риторические, вопросительно-побудительные [11, с.205-207]. Вместе с тем третьи, исследуя функциональную природу и семантико-стилистические особенности вопросительных предложений, рассматривают их с коммуникативной точки зрения, и делят их на семь типов: открытые, альтернативные, модальные, определительные, встречные, риторические, побудительные. Сопоставляя эти виды предложений в разговорном, художественном и научном стиле, автор делает вывод, что вопросительные предложения чаще всего встречаются в разговорном стиле [12]. Отдельные исследователи рассматривают вопросительные предложения на материале языка газет как риторические вопросы, вопросно-ответные конструкции и др. [13, с.91-101]. Дж. Курме рассматривает природу вопросительных местоимений, их использование в риторических и косвенных вопросах [14, р.21-22].

И.В. Арнольд отмечает возможность употребления синтаксических структур, включая вопросительные предложения, в несвойственных им денотативных значениях и с дополнительными коннотациями. Она подчеркивает, что риторический вопрос выражает эмфатическое утверждение [15, с.205]. Проблеме риторического вопроса посвящена работа Л.Н. Бучацкой, в которой определяется соотношение обычных вопросительных предложений и риторических вопросов, в ней также отмечается, что характеризуя риторические вопросы с логической точки зрения, последние не содержат вопроса о неизвестном в отличие от обычных вопросительных предложений [16, с.3]. Что касается исследований в английском языке, то Д. Кристал в «Кембриджской энциклопедии английского языка» отдельно рассматривает разделительные вопросы, восклицательные вопросы и риторические вопросы [17, р.218].

В «Грамматике английского языка» В.Л.Каушанская и другие отмечают, что общие вопросы, являющиеся риторическими вопросами, не требуют никакого ответа, являясь утверждениями, выражающими какие-либо эмоции [18, с. 222-223].

С точки зрения логической характеристики риторические вопросы в отличие от других типов вопросительных предложений не содержат запроса о новой информации, а выражают мысль, в которой что-то утверждается или отрицается, являясь, таким образом, суждением. Суждение, выраженное риторическим вопросом, гораздо экспрессивнее, ярче, выразительнее, то есть более эмфатично. Эта большая степень эмфазы создается за счет вопросительной формы риторического вопроса. В работе «Предложения типа (Yes, I do) в английском языке» [19, с.10] автор пи-

шет о том, что эмфазой является подчеркнута категорическая оценка говорящим отношения содержания высказывания к действительности, выражающая уверенность говорящего в соответствии содержания высказывания определенным связям и отношениям объективной действительности. Итак, по мнению отдельных лингвистов, риторический вопрос, имея все формальные признаки вопросительных предложений, выражают не вопрос, а утверждение. Эти особенности вопросительного предложения нашли свое теоретическое обоснование в русле психолингвистических исследований. По утверждению следующего исследователя [20, с. 23] вопрос и вопросительное предложение являются двумя разными категориями. Вопрос – это разновидность речевого действия, разновидность общения посредством речи, а вопросительное предложение – это форма фиксации мысли. Вопросительное предложение может передавать информационный поиск или такие речевые действия, как недоумение, просьба, предположение.

Как речевое действие, вопрос может выражаться в нескольких мыслительных (логических) структурах, которые различаются по форме запроса и ответа. Отмечая эту особенность вопросительных предложений, А.И. Смирницкий [21, с.258] писал, что целевая направленность вопросительных предложений состоит в том, чтобы «вызвать ответ, соотносенный с вопросом». С этой же точки зрения, Л.С.Бархударов и Д.А.Штелинг [22, с.275] делят вопросительные предложения, как выражающие общий, специальный и альтернативный вопросы. Другие авторы [23, с.206] с учетом содержательных признаков вопросительных предложений выделяют: 1) собственно вопросительные предложения, 2) риторические предложения, 3) вопросительно-побудительные предложения. В работе «Английская грамматика» риторический вопрос также рассматривается как особый тип вопросов, отмечая, что и общие, и специальные вопросы могут служить риторическими вопросами, и что по форме и интонации риторический вопрос полностью совпадает со стандартными типами вопросительных предложений [24, с.15].

В казахстанской отечественной и зарубежной лингвистической литературе риторические вопросы рассматриваются как разновидность вопросительных предложений, т.к. проблема риторических вопросов неотделима от проблемы вопросительного предложения. Но при этом подчеркиваются его особенности: вопрос, выражающий суждение, утверждение, имеющий денотативное значение и дополнительные коннотации. Появление риторических вопросов в тексте художественной литературы обусловлено желанием говорящего либо оказать на слушателя эмоциональное воздействие, либо выразить свое отношение к высказываемому. Аффективная сторона сообщения в риторическом вопро-

се превалирует над стороной логической. Говорящий, ставя риторический вопрос, в то же время требует от слушателя ответной реакции.

Риторические вопросы в авторской речи художественного произведения используются для усиления внимания читателя и, как и любые вопросы, повышают экспрессивность речи, кроме того, они являются одним из основных средств выражения отношения автора к описываемым явлениям и фактам действительности. Риторические вопросы в ораторской речи и в монологической речи служат средством эмоционально – волевого воздействия на читателя. Ниже мы приводим примеры из английской переводной версии романа М.О. Ауэзова «Путь Абая»:

I have committed no crime. Why should I abase myself? That light-headed pair did a rash thing, of course. But if the Bokenshi intend to break their old friendship with us because of this and to disgrace the spirit of our ancestors by murdering us, then where is their sense of honour? If they are so anxious to disgrace us, then what are we waiting for?

В диалогической речи использование риторических вопросов придает ей большую доходчивость и выразительность. Риторические вопросы в диалогической речи являются средством передачи экспрессивно-окрашенной реакции говорящего на сказанное. Необходимо отметить, что в диалогической речи чаще встречаются риторические вопросы со структурой простого предложения. Риторические вопросы, часто употребляемые в качестве диалогических реплик, по своей структуре и лексическому наполнению приближаются к разговорным трафаретным выражениям, в которых, по словам Виноградова В.В. [25, с.205], «стертость экспрессивного значения противоречит риторической приподнятости словесного отбора». Например:

Have you ever seen an official who didn't accept bribes?

Surely there was nothing on earth stronger than the word?

Таким образом, риторические вопросы в лингвистической литературе представлены как разновидность вопросительных предложений. В художественной литературе в авторской речи появление риторического вопроса обусловлено желанием оказать на читателя эмоционально – волевое воздействие, или выразить свое отношение к фактам действительности и описываемым явлениям.

Вышеприведенные примеры свидетельствуют о том, насколько ярко и доходчиво переданы мысли и эмоциональное состояние персонажа романа М. Ауэзова «Путь Абая», насколько экспрессивно ярко окрашена его речь, что является подтверждением того, что сущность риторического вопроса заключается в его усиленном воздействии на читателя. Это воздействие имеет логический и эмоциональный характер. Логическая функция зависит от формы риторического вопроса, т.к. в форме вопроса скрыто содержание ответа. Положительная форма вопроса

предполагает отрицательное содержание, отрицательная форма риторического вопроса, наоборот, предполагает положительное содержание. Таким образом, риторический вопрос по структуре полностью совпадает с вопросительными предложениями, но, рассматривая данную языковую единицу с логической коммуникативной точки зрения, выясняется факт, что риторический вопрос несет гораздо большие функциональные особенности нежели просто вопросительное предложение. Необходимо также подчеркнуть, что риторический вопрос является предложением, вопросительным по структуре, передающим определенное сообщение. Между тем, риторический вопрос представляет собой противоречие между формой (вопросительная структура) и содержанием (значение сообщения), и в этом его особенность.

Исследования риторического вопроса, как одной из функционально нетипичной формы вопросительного вопроса, могут иметь продолжение с различных лингвистических, психолингвистических ракурсов, позиций, точек зрения.

Список литературы

- 1 Қазақ грамматикасы. Фонетика, сөзжасам, морфология, синтаксис. – Астана, 2002. – 665 б.
- 2 Балақаев М.Б. Современный казахский язык. Синтаксис. – Алматы, 1959. – С. 110-113.
- 3 Әбуханов С., Әбілқаев А. Қазақ тілі. Лексикология, фонетика, морфология, синтаксис. – Алматы, 1960. – 228 б.
- 4 Нұрмаханова Ә.Н. Түркі тілдерінің салыстырмалы грамматикасы. – Алматы, 1971. – 160-164 бб.
5. Балақаев М., Қордабаев. Қазіргі қазақ тілі грамматикасы. – Алматы, 1971. – 9-12 бб.
- 6 Нұрмаханова Ә. Н., Жүніспекова К. Қазақ тіліндегі сөйлемдердің интонациясын оқыту мәселелері. – Алматы, 1979. – 34-37 бб.
- 7 Әміров Р.С. Ауызекі сөйлеу тілінің синтаксистік ерекшеліктері. – Алматы, 1983. – 27-34 бб.
- 8 Бектуров Ш., Мерғалиев М. Қазақ тілі. – Алматы, 1994. – 102, 153-154 бб.
- 9 Балақаев М., Сайрамбаев Т. Қазіргі қазақ тілі. – Алматы, 2004. – 16-20 бб.
- 10 Туркбенбаев Н.У. Об интонации вопросительных предложений. Институт языкознания. Фонетика казахского языка.– Алматы, 1963. – Т. 1. – С. 138-146.
- 11 Турсунов Д., Хасанов Б. и др. Сопоставительная грамматика русского и казахского языков. – Алма-Ата, 1965. – С. 205-207.

12 Джусакинова Ш.Қ. Қазақ тіліндегі сұраулы сөйлемнің табиғаты мен стилистикалық ерекшеліктері: филолог.ғыл.канд. автореф.: 10.02.06. – Алматы, 1994. – 26 б.

13 Таткенова А.Т. Функционально-прагматический аспект экспрессивно-синтаксических конструкций в казахском и английском языках (на материале языка газет): дис. канд. филолог. наук: 10.02.20. – Алматы, 2003. – С. 91-101.

14 Curme G. Parts of Speech and accidence. – Washington DC: Health and Company, 1935. – P. 21-22.

15 Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка. – Л., 1973. – С. 205.

16 Бучацкая Л.Н. Риторические вопросы и их стилистическое использование в стиле художественной речи и в публицистическом стиле. – М., 1965. – С. 3.

17 Crystal D. The Cambridge Encyclopedia of the English Language. – Cambridge: Cambridge University Press, 1995. – P. 218.

18 Каушанская В.Л. и др. Грамматика английского языка. – Л., 1967. – С. 222-223.

19 Васильева И.Б. Предложения типа (Yes, I do) в английском языке. – Л., 1965. – С. 10

20 Жинкин Н.И. Вопрос и вопросительное предложение // Вопросы языкознания. – 1955. – № 3. – С. 23.

21 Смирницкий А.И. Синтаксис английского языка. – М., 1968. – С. 258.

22 Бархударов Л.С., Штелинг Д.А. Грамматика английского языка. – М., 1960. – С. 275.

23 Турсунов Д., Хасанов Б., Ислямов А., Бейсенбаева К., Ищанов К. Сопоставительная грамматика русского и казахского языков. – Алматы, 1967. – С.206.

24 Кобрина Н.А., Корнеева П.В. Английская грамматика. Синтаксис. – Ленинград, 1986. – С. 15

25 Виноградов В.В. О языке художественной литературы. – М., 1959. – С. 205.

Кабдрғалинова С.Б., ф.ғ.к.,
халықаралық ақпарат технологиялары университеті,
Алматы, Қазақстан (e-mail: ksaniyabah@mail.ru)

Риторикалық сұрақ және оның құрылымдық-семантикалық ерекшеліктері

Мақалада риторикалық сұрақ грамматикалық және мағыналық жағынан қаралған, зерттеушілердің әр түрлі көз қарастары берілген. Сұраулы сөйлемдермен тікелей байланысты болуы анықталған. Егер сұрақ сөйлегенде қолданылса, сұраулы сөйлем жазылған бетінде іске асады.

Егер анықтау сөйлемдер осындай грамматикалық, синтаксистік лингвистикалық зерттеулер жатса, онда зерттеулер ауқымы риторикалық сұрақтар психоллингвистика, мәтін лингвистика, дискурс, риторика, шешендік т.б. сияқты аумақтарына әсер жай ғана анықтау сөйлемде қарағанда әлдеқайда көп болуы мүмкін.

Kabdrgalinova S.B., c.ph.sc.,
International information technologies university,
Almaty, Kazakhstan

A rhetorical question and its structural and semantic peculiarities

The article deals with the scientists' points of view concerning rhetoric question. In general, giving different classifications of interrogative sentences, the researchers shared the ideas about the nature of rhetoric question being closely connected with interrogative sentences but from the communicative point of view they are used to influence the reader/listener.

If you are the subject of interrogative sentences such grammatical, or rather, syntactic linguistic studies, the range of studies rhetorical question can be much more than just an interrogative sentence, affecting such areas as psycholinguistics, text linguistics, discourse, rhetoric, oratory, etc.

УДК 81, 8

Таирбеков Б.Г., д.ф.н.,
 профессор кафедры общего языкознания
 КазУМОиМЯ имени Абылай хана,
 Алматы, Казахстан

СТЕРЕОМЕТРИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ ВОКАЛИЗМА В СИСТЕМЕ БЛИЗКОРОДСТВЕННЫХ ЯЗЫКОВ

В статье сопоставлены казахские и азербайджанские монофтонги, т.е. однозвучные гласные фонемы, а не двузвучия-дифтонги и трезвучия-трифтонги. Поэтому не рассмотрены казахский дифтонгоид [w], обозначающийся графемой *у*, и подобная ему азербайджанская фонема [w], обозначающаяся графемой *v* – она присуща ряду говоров (в том числе казахскому говору) азербайджанского языка, обнаруживающих сходные черты с казахским языком. Сейчас во многих тюркоязычных странах с возрастающим размахом обсуждаются вопросы единения тюркских народов, в связи с чем укрепляется тяга к глубокому сравнительно-сопоставительному изучению всех тюркских языков. Этой цели, надо надеяться, послужит и данное сообщение.

Ключевые слова: графема, фонема, система, вокализм, модель, дихотомия, оппозиция, коррелят

Эти заметки суть сжатое изложение узловых положений части давней ненапечатанной работы «Тюркский вокализм. Стереометрические модели». Напомним для верности понимания: стереометрические – значит объемные, в отличие от планиметрических – плоскостных, модели – некие подобия чего-либо, система – нечто целое, состоящее из частей, а вокализм – совокупность гласных фонем, т.е. по емкому определению И.А.Бодуэна де Куртене, обобщенных представлений об этих звуках; отсюда: фонология – учение о фонемах или звукопредставлениях, в отличие от фонетики – учения о звуках речи).

Фонетические изыскания в конечном счете сводятся к преобразованию (трансформации) слышимого в видимое (изображение, рисунок, и т.п.), составлению перечня данных в определенном порядке - таблицы, сделав ее наглядной и обозримой. Таково табеллярное разграничение представлений о гласных звуках путем их соотносительного (коррелятивного) противопоставления (опозиции) на основе парных (дихотомических) различительных (дифференциальных) признаков: гласные «верхнего подъема» - «нижнего подъема», «переднего ряда» - «заднего

ряда», «огубленный гласный» - «неогубленный гласный» и проч. [2]. Как, с точки зрения соизмеримости языков (8), соотносятся казахские и азербайджанские звукопредставления?

В вокализме казахского (кыпчакско-ногайского) и азербайджанского (огузо-сельджукского) языков, входящих, по установившейся классификации (подразделению), в западно-хуннскую ветвь есть схожие особенности, не свойственные вокализму более чем 25 других языков как западно-хуннской, так и восточно-хуннской ветвей тюркской языковой семьи [3].

В казахской системе вокализма 9 монофтонгов, обозначаемых графемами (буквами) *а, ә, е (э), о, ө, ы, і, ұ, ү*. См. их табellarное подразделение [3]:

Таблица 1. Казахские монофтонги

	Негубные		Губные	
	широкие	узкие	Широкие	Узкие
Задний ряд	а	ы	о	ұ
Передний ряд	ә, е (э)	і	ө	ү

Стало быть, из девяти казахских фонем четыре – заднего ряда (две широкие – нижнего подъема: негубная *а*, губное *о*; две узкие – верхнего подъема: негубное *ы*, губное *ұ*) и пять – переднего ряда (три широкие – нижнего подъема: губные *ә, е(э)*, губное *ө*; две узкие – верхнего подъема: негубное *і*, губное *ү*).

В азербайджанской системе вокализма тоже 9 монофтонгов, обозначавшихся (в Азербайджанской ССР) графемами (буквами) *а, ә, е (э), о, ө, ы, и, ұ, ү*. См. табellarное подразделение [3,с.67]:

Таблица 2. Азербайджанские монофтонги

	Негубные			Губные	
	ә	е (э)	и	ө	ү
Переднего ряда					
Среднего ряда			ы		
Заднего ряда	а			о	у

Стало быть, из девяти азербайджанских фонем тризаднего ряда (одна широкая – нижнего подъема: *а*; одна полуширокая – среднего подъема: губное *о*; одна узкая – верхнего подъема: губное *у*), одна среднего ряда (узкое негубное *ы*), пять – переднего ряда (одна широкая – нижнего подъема: негубная *ә*; две полуширокие – среднего подъема: негубное *е (э)*, губное *ө*; две узкие - верхнего подъема: негубное *и*, губное *ү*).

Естественны, в силу генеалогической общности (семейного родства) и типологического единства (одинаковости устройства) казахского и азербайджанского языков, количественное совпадение и качественная близость систем монофтонгов. Это можно показать, развернув в универсальную (всеобъемлющую) модель известнейший кардинальный (основополагающий) треугольник Л.В.Щербы для системы гласных фонем [10].

Ниже, на развернутых в универсальные плоскостные модели кардинального треугольника гласных (слева – казахских, справа – азербайджанских монофтонгов) положение фонемы указывает ряд и подъем, а круглые скобки означают ее огубленность (лабиальность):

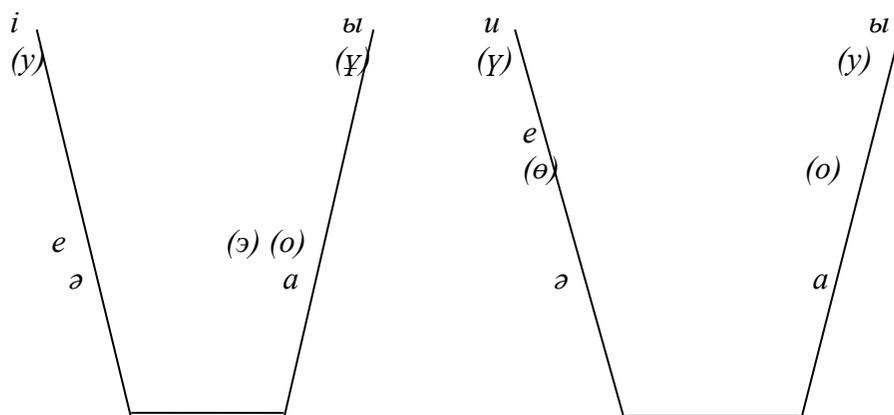

Рис.1. Плоскостные модели

Однако фонология, в отличие от фонетики, нуждается не в «планиметрии», а в «стереометрии». Построение фонологической модели требует перехода от плоскости в объемность, коли признаков классификации фонем не два, а по меньшей мере, три. Объемная (стереометрическая) модель дает возможность, по сравнению с плоскостной (планиметрической) моделью, более точно отобразить свойства фонем и отношения между ними, более доказательно судить об истинности этих свойств и отношений, более полно выявить их неизвестные до того свойства и отношения, более просто объяснить те из них, которые, хотя и достаточно хорошо известны, но далеко недостаточно объяснимы [2].

Вот как выглядят, с учетом иных фонологических исследований, усеченные и «кардинальные пирамиды», выстроенные в пространстве кардинальных треугольников («кардинальные трапеций»); слева – казахская, справа – азербайджанская модели вокализма.

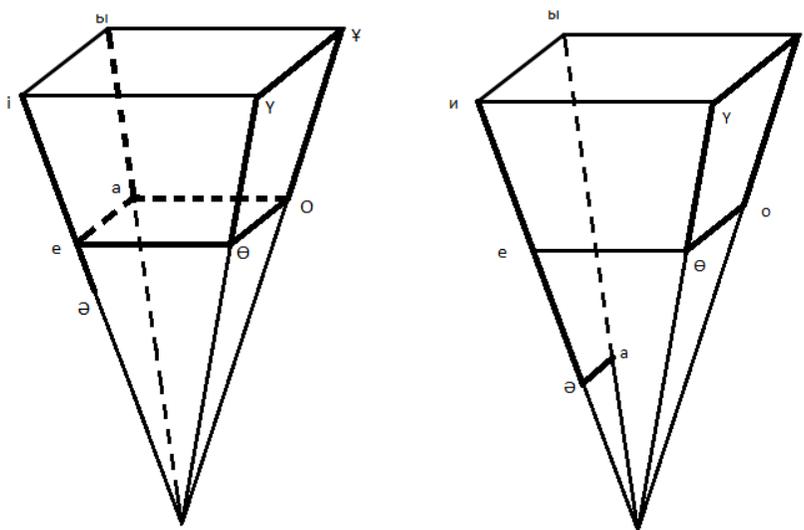

Рис.2. Объёмные модели

Налицо оппозиции, отчетливо коррелирующие по каждому из трех дифференциальных признаков. Таковы (опуская обычные в таких случаях примеры корреляции путем подбора соответствующей пары слов) следующие противопоставления.

1. По вертикальному положению языка (его подъему вверх и опусканию вниз вместе с нижней челюстью), иначе - по раствору челюстей:

- в казахской модели – гласные узкие и гласные широкие (*i-e*, *ə*; *ы-a*; *ү-ө*; *у-о*);

- Остается добавить: на основе арабских заимствований в азербайджанской системе вокализма с давних пор утвердились долгие (пронгированные) корреляты монофтонгов (*a-a:*), (*ə-ə:*), (*e-e:*), (*u-u:*), (*ö-ö:*), (*y-y:*); три последние из них (после небрежной замены системы письма в Азербайджанской республике новотурецкой латиницей) надо бы обозначать графемами *i:* (<*u*), *ö:* (<*ö:*), *u:* (<*y:*). Однако долгота фонем (их длительность), будучи связана с «четвертым в азербайджанской модели – гласные верхнего, среднего, нижнего подъема (*u-e-ə*), гласный верхнего подъема и гласный нижнего подъема (*ы-a*), гласный верхнего подъема и гласный среднего подъема (*ү-ө*; *у-о*).

2. По горизонтальному положению языка (его продвижению вперед и оттягиванию назад):

- в казахской модели – гласные переднего и гласные заднего ряда (*i-ы*; *e, ə-a*; *ү-ұ*; *ө-о*);

- в азербайджанской модели – гласные переднего и гласные заднего ряда (*и-ы, ә-а, ү-у, ө-о*).

3. По положению губ (их растягиванию в улыбке и вытягиванию трубочкой):

- в казахской модели – гласные негубные и гласные губные (*и-у; е-ө; ы-ұ; а-о*);

- в азербайджанской модели – гласные негубные и гласные губные (*и-ү, е-ө, ы-у*).

Остается добавить: на основе арабских заимствований в азербайджанской системе вокализма с давних пор утвердились долгие (пролонгированные) корреляты монофтонгов (*а-а:*), (*ә-ә:*), (*е-е:*), (*и-и:*), (*о-о:*), (*у-у:*); три последние из них (после небрежной замены системы письма в Азербайджанской республике новотурецкой латиницей) надо бы обозначить графемами *i*: (<и), *ö* (<о:), *u*: (<у:). Однако долгота фонем (их длительность), будучи связана с «четвертым измерением» – временем, не может быть представлена в трехмерной – пространственной модели.

Примечание: одинаковость набора фонем азербайджанского и казахского вокализма предстанет сполна наглядным, если обозначить некоторые различные графемы посредством общепринятой единой системой МФТ (в этом случае [*i*] – это каз. *i* и азерб. *u*; [*u*] – это каз. *ұ*, и азерб. *ү*).

Стереометрические модели гласных для различных укладов тюркской речи, впервые предложены Г.П.Мельниковым, в работе которого приводится, кстати, само по себе поучительное изложение попыток создания фонологических моделей, но без учета подлинных звуковых (акустических) и произносительных (артикуляционных) свойств [5]. Несколько позже построена совмещенная стереометрическая модель азербайджанского и русского вокализма [6].

Сейчас во многих тюркоязычных странах с возрастающим размахом обсуждаются вопросы единения тюркских народов, в связи с чем укрепляется тяга к глубокому сравнительно-сопоставительному изучению всех тюркских языков [7]. Этой цели, надо надеяться, послужит и данное сообщение.

Список литературы

1 Бодуэн де Куртене И.А. Избранные работы по общему языкознанию. – М., 1963.

2 Реформатский А.А. Дихотомическая классификация дифференциальных признаков и фонематическая модель языка. – М., 1969.

3 Баскаков Н.А. Тюркские языки (Общие сведения и типологическая характеристика) // Языки народов СССР. В 5-ти томах. Том 2. Тюркские языки. –М., 1966.

4 Щерба Л.В. фонетика французского языка. Очерк французского произношения в сравнении с русским. Изд. 6-е. – М., 1957.

5 Мельников Г.П. Объемные геометрические модели в пространстве физических характеристик для анализа статистических и динамических свойств фонологических систем (Урало-алтайский вокализм и перебой башкирско-татарских гласных). – М., 1965.

6 Таирбеков Б.Г. К характеристике представлений о звуках в азербайджанском и русском языках // Русский язык и литература в азербайджанской школе». – 1978. - № 11 (355).

7 Кыдырбекулы Д.Б. Проблемы издания тюркских языков в перспективе интеграции тюркских наций // Матер. науч.-практ. конф. «Проблемы менеджмента образования в эпоху глобализации в современном Казахстане». – Алматы, 2010.

8 Солнцев В.М. О соизмеримости языков // Принципы описания языков мира. – М., 1976.

Таирбеков Б.Н., ф.ғ.д.,
жалпы тіл білімі кафедрасының профессоры,
Абылай хан атындағы қазХҚжәнеӘТУ,
Алматы, Қазақстан

Туыстас тілдер жүйесіндегі вокализмнің стереометрикалық модельдері

Бұл мақалада қазақ және азербайжан монофтонгтары, яғни екі дыбысты дифтонгтар мен үш дыбысты трифтонгтар емес, бір дыбысты дауысты фонемалар салғастырыла зерттелген. Сондықтан у графемасымен белгіленетін қазақ трифтонгоды [w] және соған орай и графемасымен белгіленетін азербайжан фонемасы [w] қарастырылмаған. Оған сай (қазақ тілімен қарастырғанда) азербайжан тілінің қазақ тіліне ұқсас сөйлеу реті бар.

Tairbekov B.G., d.ph.sc.,
professor of general linguistics chair, Kazakh Ablai khan UIR&WL,
Almaty, Kazakhstan

Stereometric vowel system model in closely related language system

This article compares the Kazakh and Azerbaijani monophthongs, i.e. monotonous vowels and diphthongs, but not double pronounce-and-triphthongs triads. Therefore there is no consideration of Kazakh diphtongoid [w], that denoted in grapheme y, and similar Azerbaijani phoneme [w], that denoted the grapheme v - it is inherent in a number of dialects (including Kazakh speaking) of the Azerbaijani language, exhibiting similarities with the Kazakh language.

УДК 81'1, ББК 81

Гиздатов Г.Г., д.ф.н.,
профессор кафедры международных коммуникаций
КазУМОиМЯ имени Абылай хана,
Алматы, Казахстан (e-mail gizdat@mail.ru)

ТЕОРИЯ МЕДИАЛЬНОСТИ В ЗАПАДНОЙ ПРАКТИКЕ (ИТОГИ ВИЗИТА ШВЕЙЦАРСКОГО УЧЕНОГО В КазУМОиМЯ ИМЕНИ АБЫЛАЙ ХАНА)

В статье представлен аналитический обзор курса лекций доктора филологических наук, профессора Цюрихского университета (Швейцария) Ольги Бурениной-Петровой – сама панорама современного состояния гуманитарных наук в европейском контексте. Особое внимание уделено системно представленной лектором теории медиальности, теории культурной антропологии и принципам интермедиального анализа в современной филологической традиции.

В данном информационном обзоре также обозначена роль современных медиальных средств в перестройке структур восприятия и познания, показано методологическое значение западной традиции для казахстанской исследовательской практики, выявлены возможные перспективы совместных научных проектов.

Ключевые слова: медиадискурс, принципы интермедиального анализа, теория медиальности

С 6 по 10 апреля 2015 года в Казахском университете международных отношений и мировых языков имени Абылай хана состоялся цикл лекций известного европейского семиотика, литературоведа Ольги Буруниной-Петровой на тему «Современная западная филологическая наука: направления, стили, тенденции» (Цюрихский университет, Швейцария) Визит профессора Цюрихского университета оказался возможным в рамках программы «Привлечение зарубежных ученых в вузы Казахстана».

Современные европейские школы, теория медиальности, интермедиальность в культуре и ее отражение в науке – тот круг теоретических и практических проблем, который был представлен слушателям курса (филологам, культурологам, журналистам) вузов Казахстана.

Имя и работы западного ученого – теоретика литературы и культуры – известны не только в западных странах, но и на всем постсоветском пространстве. Широкая панорама современного состояния гуманитарных наук в европейском контексте предстала от самого участника, организатора и инициатора теоретических исследований в Швейцарии и Германии.

Думается, что приглашенный исследователь, представляющий также Констанскую семиотическую школу [1;2;3], ее цикл лекций, предложенный для нашего вуза мастер-класс и книги помогут преодолеть явно существующий кризис в гуманитарных областях науки Казахстана. Проведенный цикл занятий для казахстанских ученых отличался двумя значимыми аспектами. Во-первых, мы услышали о самых новых и не очень нам известных тенденциях в гуманитарных науках, все это было дано в авторском осмыслении. Пожалуй, несомненным достоинством данного курса была системность представления современных научных теорий. Особенно отчетливо для гуманитариев прозвучала в ретроспективном изложении теория медиальности и теория культурной антропологии нашего времени. Многие исследователи, работающие в наши дни именно в этом направлении (А.Флакер, О.Ханзе-Лёве, Ю.Мурашов, Г.Гюнтер и др.) предстали концептуально емко и точно.

Объективности ради заметим, что сейчас казахстанские социологи, политологи и даже филологи пытаются обозначить как реалии нашего транзитного периода, давно изучено и обозначено и продолжает быть актуальным для западных культурологов и семиотиков. Другой вопрос, почему этот уже состоявшийся европейский научный контекст сознательно «не видят» наши молодые и не столь ученые? И почему наши новоиспеченные доктора PhD предпочитают пересказ российских ана-

литических обзоров двадцатилетней и более давности? Наверно, это больше риторические вопросы [4].

Попробуем кратко обозначить впечатляющую тематику лекций Ольги Бурениной-Петровой:

- Европейские научные школы и формы дискурса;
- Принципы интермедиального анализа и трансфера;
- Интермедиальность в культуре и ее отражение в науке и другие.

Поясним, текстом (и соответственно материалом научной рефлексии) является в подобном рассмотрении все: не только традиционные собственно печатные и литературные образчики, но и театр, кино и перформансы, ряд бесконечен. Замечу, это действительно очень западный исследовательский подход, обладающий методологической и реальной практической значимостью. Этот же подход близок к научным исследованиям и тематике НИПЛ КазУМОиМЯ «Когнитивные и лингвокультурологические проблемы межкультурной коммуникации». Об этом говорили участники дискуссионно прошедшего круглого стола, проведенного в рамках запланированного визита лектора. Из ключевых вопросов круглого стола, на которые пытались ответить его участники, отметим следующие:

- как язык существует в современном медиальном пространстве?
- методологическая база какого научного направления в этом случае может оказаться практически результативной?

Еще одно методическое замечание. Статья ли, научный проект ли, подготовленные на подобном материале и в таком же аспекте рассмотрения, могут претендовать на то, чтобы быть услышанными в западном контексте или хотя бы быть принятыми к публикации. Это тоже было одним из направляющих ориентиров для многочисленных слушателей прочитанного курса. Вернемся к содержанию представленного визитером курса.

Современные медиальные средства – уже не только нейтральные средства передачи информации, они своей способностью к трансформации, своими перформативными, экспрессивными и символическими возможностями, своими конкретными формами проявления сами участвуют в процессе выявления смысла. Более того, «современные масс-медиа особенно интенсивно апеллируют к эмоциональной, аффективной стороне человека, участвуют, таким образом, в перестройке структуры восприятия и познания», - так прогностически оценивает место СМИ в современном мире другой представитель Констанской семиотической школы [5]. Подобный подход может быть распространен и на другие «продукты» медиальной сферы. Этот же подход, на наш взгляд, позволяет избежать штампов в мировосприятии и текстоорождении. В любом раскладе анализ медиального пространства в конкретно рассмат-

риваемой стране невозможен вне обозначения хотя бы в общих чертах самого ментального пространства и национальных ценностей, которые находятся во взаимозависимости от всего названного.

Другой вопрос, как подчеркивают казахстанские политологи и социологи: «Внутри самого государства пока не создано единого культурного и даже ментального пространства, которое могло бы сформировать общие для всех национальные ценности» [6].

Традиционно и скорее всего, по-прежнему справедливо считается, что население Казахстана достаточно «погружено» в советскую идеологию. Постсоветскость действительно стала смыслом и символом нынешней казахстанской власти. Объяснение последнего также очевидно: «Нельзя забывать, что как конкретный ресурс, который был непосредственно прожит, как часть объемного опыта, только советский опыт является тем плацдармом, от которого Казахстан отталкивается при выборе самоидентификационных ориентиров после обретения независимости» [6].

Российские исследователи также отмечают, что массовое сознание и поведение россиян мало изменилось, и они мало чем отличаются от «*homo soveticus*»: «Кристаллизация культурно-политических сил России находится на начальной стадии. Это проявляется как в аполитичности значительной части граждан, политико-правовом когнитивном вакууме в массовом сознании, так и в незрелости, неустойчивости большинства политических партий, объединений, ассоциаций» [7].

Впрочем, Россия последнего времени демонстрирует нечто иное. Лучше всего это обозначать как следствие манипулирования общественным мнением и как следствие этого – приобретенное в последний год россиянами «туннельное мышление». На субъективный взгляд автора, последнее всегда отличало советскую идентичность.

Поясню данную мысль «местным» примером – контентом и стилистикой, например, телеканала КТК (казахстанский аналог НТВ). Из очевидно выраженного: создание ложной многозначительности, симулякров, нонселекции – именно этот канал дает стандартизацию восприятия произошедшего. Реальность перестает быть таковой, а на смену ей приходит игра. Это уже заметили специалисты: «В Казахстане постмодернистская эстетика активно используется в медийной масскультуре (клиповая поэтика), наблюдаются ее приметы в перекосе развлекательных шоу и программ, в тяготении выдавать за публицистику события частного значения, причем без типизации, обобщения, социального анализа и комментариев, но с усиленным лжепублицистическим пафосом субъективизма» [8].

Безусловно, в современных казахстанских медиареалиях смешалось все. Вновь знакомая советская симулятивность и ее новое казахстанское

воплощение, в котором означающие так же далеки от реальности, как и прежние советско-интернационалистические. В частности, ситуация в казахском медиадискурсе с возвратом к традиционной массовой ментальности напоминает социалистическую коммуникацию 30-х годов прошлого столетия. Произошла только подмена советских штампов на национальные, но не более. Западный славист Юрий Мурашов по несколько иному случаю так определяет суть социалистической коммуникации: «Общества с неразвитой социальной институционализацией и ментальной интернализацией письма под влиянием новых электроакустических коммуникативных возможностей так называемой «вторичной устности» склонны отказываться от дифференцированного анализа семантических связей, основанных на письменных характеристиках абстракции, формализации и саморефлексии, в пользу непосредственной коммуникации, ориентирующейся на непосредственность и тотальность в понимании смысла» [9, с. 167].

Но на смену этому приходит и нечто новое. Положение ван Дейка, согласно которому мы понимаем текст только тогда, когда понимаем ситуацию, о которой идет речь, относится к любому медиальному продукту. Отсюда следует то, что «модели ситуаций» необходимы нам в качестве основы интерпретации текста: «Важнейшим компонентом процессов построения и восприятия текстов является осмысление стоящих за ними социальных ситуаций и их когнитивная репрезентация» [10].

В любом раскладе внешне ориентированный человек сложился и в нашем обществе, он и создает, и он же потребляет медиапродукцию. Быть может, поэтому в последнее время в казахстанской массовой культуре, также, как и в российской последних пяти лет, наблюдаемы риторические принципы и приемы манипулирования массовой аудиторией (рекламные тексты, пропагандистские компании и т.п.) с суггестивными принципами речевой терапии. На сегодняшний день можно предположить о действенном и не всегда позитивном влиянии постсоветских мифологических реконструкций далекого и относительно недавнего прошлого на сознание становящегося казахстанского общества.

Антропология зрелища и самой культуры казахстанского потребителя, медиализация культуры еще только ждут своих вдумчивых исследователей.

Логическим завершением курса и ее «интермедиальным» украшением, как отметили и сами слушатели, стала заключительная лекция, посвященная феномену цирка. В основе концепции Ольги Бурениной-Петровой гениально простое положение – способ постижения человека и культуры с помощью цирка. Динамическое равновесие как способ постижения социальной стабильности и социальной гармонии – это то,

что цирк дал миру. Жизнь на колесах не знает центра. Циркач существует до тех пор, пока находится в движении. Примечательна мысль автора книги о том, что цирк всегда был вне государства и против государства. Все это представлено и в последней работе исследователя «Цирк в пространстве культуры» [4]. Выбор последней темы был определен запросами самой слушательской публики. Феномен цирка анализировался со всех возможных сторон: семиотическом, историческом и междисциплинарном контекстах. Цирковое искусство в разные периоды своего существования действительно оказывается универсальной моделью равновесия между разными культурами, а также моделью медиального равновесия между вербальными, аудиальными и визуальными практиками. Это положение прослеживается в исторической ретроспективе. Причем даже в советские годы цирк сохранял присущую ему с архаических времен эротическую семантику. Советская власть, безусловно, пыталась «присвоить» себе цирк. Но это ей удавалось с трудом. Многомерное пространство цирка и многомерная телесность циркового актера со вкусом представлены на страницах книги, вышедшей в серии «Очерки визуальности» издательства «Новое литературное обозрение» (издатель Ирина Прохорова). А сам текст этой книги тоже становится «зрелищным», визуальность дана через слово, через интерпретации и версии.

Теория медиальности и теория культурной антропологии были освоены и продемонстрированы автором на новом весьма осязаемом и обширном материале.

Другая сторона лекции и книги о цирке связана с тем, как она воспринимается читателем. Редкий случай для академической практики, когда научная книга прочитывается на одном дыхании и возникает только одно желание – снова пойти в цирк и что-то важное в этой жизни понять «изнутри» циркового пространства. Цирк, по мнению автора, есть «культура на колесах». А вот далее не столь тривиальный вывод. Культура на колесах - это уже способ присвоения и обживания цирковым номосом чужого пространства, превращения его в свой дом. Цирк всегда вне государства и в этом случае он становится близок к культуре кочевников. Парадоксальным образом западный ученый оказывается созвучен с уже забываемыми научными конструктами о номадической культуре нашего лучшего историка Нурбулата Масанова [9] и арт-анализом единственного исследователя и куратора постсоветского искусства Казахстана Валерии Ибраевой [7].

Быть может, и сама современная научная мысль может и должна существовать в таком умном «круге»?

Самым важным итогом для слушателей курса от услышанного, проговоренного, представленного западным теоретиком стало следующее.

Очевидное, но никем до сих пор в нашей научной практике не артикулированное положение. Подход западного теоретика предоставляет нашим исследователям концептуальный взгляд на известные обстоятельства [11]. Современный казахстанский дискурс (во всех его проявлениях – социальном, эстетическом, бытовом и прочее) можно и нужно воспринимать, на наш взгляд, как конструируемый текст. Тогда все становится на места. Тогда становятся более понятными эстетические, языковые и социальные стереотипы нашего времени и нашего места. В том числе такой социальный аспект – коим образом советская медиальность влияет на постсоветскую практику. Все это уже становится возможным развитием и будущим совместным научным проектом казахстанских и европейских медиаисследователей.

Список литературы:

1 Burenina-Petrova O. The Philosophy of Anarchy in the Russian Avant-Garde and Daniil Kharm's "Closed Constructions" // Russian literature LX-III/IV.- Amsterdam, 2006. – S. 293-309.

2 Burenina-Petrova O. Glibivo isksustvo nomadizma: transresija granica i stvarabje semiotičkoga svemira u cirkuskoj kulturi na kotačima // Jasmina Vojvodic (Ed.) Nomadizam. – Zagreb: DISPUT, 2014a – P.457-469.

3 Буренина-Петрова О. Цирк в контексте русской художественной литературы XIX века // Contributions suisses au XIV-e congrès mondial des slavistes à Ohrid, septembre 2008. Patrick Sériot (Ed.). Tiré à part. – Bern: Peter Lang, 2008.- S. 23-33.

4 Буренина-Петрова О.Д. Цирк в пространстве культуры. – Москва, 2014.

Гюнтер Х. Введение // Советская власть и медиа: Сборник статей под общей редакцией Ханса Гюнтера и Сабины Хэнсен. – СПб., 2006. – С.5-16.

5 Коктейль Молотова. Анатомия казахстанской молодежи. – Алматы, 2014.

6 Заславская Т.И. Современное российское общество: социальный механизм трансформации. – Москва, 2004.

7 Ибраева Валерия. Искусство Казахстана. Постсоветский период. – Алматы, 2014.

8 Ишанова А.К. Публицистика эры постмодерна //Материалы международной конференции «Казахстан – 2050». – Астана, 2014. – С.24-26.

9 Масанов Н.Э. и др. Научное знание и мифотворчество в современной историографии Казахстана. – Алматы, 2007.

10 Мурашов Юрий. Восток. Радио // Джамбул Джабаев: Приключения акына в советской стране. – М., 2013. – С. 138-170.

11 Дейк Т.А., ван. Язык. Познание. Коммуникация. – Благовещенск, 2000.

Гиздатов Г.Г., ф.ғ.д., профессор,
Халықаралық коммуникация кафедрасы, Абылай хан атындағы
ҚазХҚжәнеӘТУ, Алматы, Қазақстан

**Батыстық тәжірибедегі медиальдылық теориясы
(Швед ғалымының Абылай хан атындағы ҚазХҚжәнеӘТу-не
келген сапарының қорытындысы)**

Аталған мақалада Цюрих университетінің (Швейцария) профессоры, филология ғылымдарының докторы, Ольга Буренина-Петрованың гуманитарлық ғылымдардың еуропалық мәнмәтіндегі қазіргі күйі жайлы оқыған лекциясына шолу жасалады. Мақалада медиальдылық, мәдени антропология теориясына, заманауи филология дәстүріндегі интермедиалдылық анализі принциптеріне аса көңіл бөлінеді.

Аталған ақпаратты шолуда қабылдау мен таным жүйесін қайта құрудағы заманауи медиальдық тәсілдердің рөлі, қазақстандық зерттеу тәжірибесі үшін батыстық дәстүрдің методологиялық маңызы, біріккен жоба жұмыстарын дайындау болашағы жайлы берілген.

Gizdatov G.G.,
d.ph.sc., professor of international communication chair,
Kazakh Ablai khan UIR&WL,
Almaty, Kazakhstan

**The theory of mediality in western practice (results of visit of Swiss
scholar to Kazakh Ablai khan UIR&WL)**

The article presents an analytical overview of the lectures of Doctor of Philology, Professor of the University of Zurich (Switzerland), Olga Petrova Burenina - itself a panorama of the current state of the humanities in the European context. Particular attention is given to systematic theory lecturer presented medial, cultural anthropology theory and principles of contemporary intermedia analysis in the philological tradition. This information is also indicated by the review role of modern medial means to rebuild structures of perception and cognition, methodological value shown the Western tradition for Kazakhstan's research practices, identifies possible perspectives of joint research

УДК 81:39

Бакумова Ю.А.,
КазУМОиМЯ имени Абылай хана,
Алматы, Казахстан (E-mail: ulia_bak91@mail.ru)

МЕСТО ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ СРЕДИ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН

В статье рассматривается идея антропоцентричности языка и место лингвокультурологии в рамках антропоцентрической парадигмы. Автором затронуты проблемы взаимодействия и взаимоотношения языка и культуры. Лингвокультурология представлена как междисциплинарная наука, возникшая на стыке лингвистики и культурологии, проанализирована ее взаимосвязь с этнолингвистикой, социолингвистикой, этнопсихологией и лингвострановедением. Как в самостоятельной области знания автором рассмотрены объект и методы исследования лингвокультурологии, на фоне объекта выделены несколько предметов. В заключении работы отражены современные направления лингвокультурологии.

Ключевые слова: антропоцентрическая парадигма, язык, культура, диалог культур, лингвокультурология, методология

В настоящее время идея антропоцентричности языка является общепризнанной – представление о человеке служит естественной точкой отсчета. Сложившаяся на рубеже тысячелетий антропоцентрическая парадигма ставит новые задачи в исследовании языка, требует новые методики его описания, новую методику при анализе его единиц, категорий и правил.

В отличие от других научных парадигм (сравнительно-исторической и системно-структурной) в *антропоцентрической парадигме* меняется подход к объекту исследования: интересы исследователя переключаются с объектов познания на субъект, т.е. анализируется человек в языке и язык в человеке. По словам И.А.Бодуэна де Куртене, «язык существует только в индивидуальных мозгах, только в душах, только в психике индивидов или особей, составляющих данное языковое общество», отсюда язык представляется сложнейшим явлением [1, с.71]. Чтобы отразить не простую сущность языка, Ю.С. Степанов пред-

ставил его в виде нескольких образов, так как ни один из них не способен полностью отразить все стороны языка: 1) язык как язык индивида; 2) язык как член семьи языков; 3) язык как структура; 4) язык как система; 5) язык как тип и характер; 6) язык как компьютер; 7) язык как пространство мысли и как «дом духа» (М.Хайдеггер), т.е. язык как результат сложной когнитивной деятельности человека [2, с.114]. В самом конце XX в. к этим образам прибавился еще один: язык как продукт культуры, как ее важная составная часть и условие существования, как фактор формирования культурных кодов. И, отсюда, в процессе формирования новой научной парадигмы был провозглашен тезис: «Мир есть совокупность фактов, а не вещей» (Л. Витгенштейн) [3].

Основными направлениями в современной лингвистике, которые формируются в рамках данной парадигмы, являются *когнитивная лингвистика* и лингвокультурология, которая ориентируется на культурный фактор в языке и на языковой фактор в человеке (В.Н. Телия) [4]. Следовательно, лингвокультурология – это продукт антропоцентрической парадигмы в лингвистике. Если когнитивная лингвистика пытается ответить на вопрос о том, как в принципе организовано сознание человека, как человек познает мир, как создаются ментальные пространства, какие сведения о мире становятся знанием, то в лингвокультурологии уделяется внимание человеку в культуре и его языку, задаются следующими вопросами: как видит человек мир, какова роль метафоры и символа в культуре, какова роль фразеологизмов, и почему они удерживаются веками в языке.

Проблема, связанная с объемом, характером, степенью взаимодействия и взаимоотношения языка и культуры, является на сегодняшний день одной из самых сложных и спорных в лингвистике. Концепции, связанные с гипотезой независимости языка и культуры, редки в лингвистике и философии, подчас даже противоречивы. Некоторые исследователи считают, что язык и культура – это разные по содержанию и функциям сущности: если считать культуру достижением человечества, то язык таковым не является. Так или иначе, сегодня в философии и языкознании большинство исследователей придерживаются гипотезы о взаимосвязи языка и культуры. Одну из первых попыток решить, обосновать эту связь усматривают в трудах В. фон Гумбольдта. Он обосновал идею о национальном характере культуры, которая находит своё отражение в языке посредством особого видения мира [5].

Язык теснейшим образом связан с культурой: он прорастает в нее, развивается в ней и выражает ее. И на основе этой идеи возникла новая наука – лингвокультурология, которую можно считать самостоятельным направлением лингвистики, оформившимся в 90-е годы XX в.

Термин «лингвокультурология» появился в последнее десятилетие в связи с работами фразеологической школы, возглавляемой В.Н.Телия, работами Ю.С.Степанова, А.Д.Аругтюновой, В.В.Воробьева, В.Шаклеина, В.А.Масловой и других исследователей. Если культурология исследует самосознание человека по отношению к природе, обществу, истории, искусству и другим сферам его социального и культурного бытия, а языкознание рассматривает мировоззрение, которое отображается и фиксируется в языке в виде ментальных моделей языковой картины мира, то лингвокультурология имеет своим предметом и язык, и культуру, находящиеся в диалоге, взаимодействии.

Лингвокультурология – это отрасль лингвистики, возникшая на стыке лингвистики и культурологии и исследующая проявления культуры народа, которые отразились и закрепились в языке. С данной отраслью лингвистики тесно связана *этнолингвистика* и *социолингвистика*, отсюда, В.Н. Телия считает лингвокультурологию разделом этнолингвистики. В центре современной этнолингвистики находятся лишь те элементы лексической системы языка, которые соотносимы с определенными материальными или культурно-историческими комплексами. Цель этнолингвистики, как отмечает Н.И.Толстой, – историческая ретроспектива, т.е. выявление народных стереотипов, раскрытие фольклорной картины мира народа [6, с.28]. По словам М.М.Копыленко, «предмет этнолингвистики нередко сужается до так называемой этнокультурной лексики и фразеологии», с чем нельзя согласиться. В нашем представлении предмет этнолингвистики гораздо шире, он включает все то, в чем находит отражение идеотничность, в том числе народный менталитет [7, с. 29]. В социолингвистике одним из своих аспектов является исследование взаимоотношений между языком и обществом (язык и история, язык и культура, язык и этнос и т.д.), но в основном же социолингвистика занимается изучением особенностей языка разных возрастных и социальных групп [8, с.1].

Справедливо заметить, что теснейшим образом с лингвокультурологией связана *этнопсихолингвистика*. Этнопсихолингвистика – направление современной психолингвистики, изучающее национально-культурную вариантность когнитивной и коммуникативной сторон речевой деятельности в речевых операциях, речевых действиях и целостных актах речевой деятельности; в языковом сознании; в организации (внешней и внутренней) процессов речевого общения. Язык при этом рассматривается как одно из средств фиксации и обнаружения культуры, как форма представления культуры, но не приравнивается к культуре. Основным методом исследования в этнопсихолингвистике считается ассоциативный эксперимент, лингвокультурология же пользуется раз-

личными лингвистическими методами, не пренебрегая и психолингвистическими методиками. В этом их основное отличие [9, с.56].

Основным методом исследования в этнопсихолингвистике является ассоциативный эксперимент, лингвокультурология же пользуется различными лингвистическими методами, не пренебрегая и психолингвистическими методиками. В этом их основное отличие.

Таким образом, разделяя мнение В.А.Масловой, считаем, что этнолингвистика и социолингвистика – это принципиально разные науки. Этнолингвистика оперирует преимущественно исторически значимыми данными и стремится в современном материале обнаружить исторические факты того или иного этноса, а социолингвистика рассматривает исключительно материал сегодняшнего дня, то лингвокультурология исследует и исторические, и современные языковые факты сквозь призму духовной культуры. Отличие этнопсихолингвистики от лингвокультурологии состоит в том, что в этнопсихолингвистике преобладает психолингвистический метод исследования, а лингвокультурология использует и лингвистический, и психолингвистический методы.

Также с лингвокультурологией тесно связано *лингвострановедение*, которое возникло как методическая дисциплина в связи с задачами межкультурной коммуникации. В.В. Воробьев, сопоставляя лингвострановедение и лингвокультурологию, прибегает к анализу понятий лингвострановедческая и лингвокультурологическая компетенция и приходит к выводу, что формирование обеих компетенций связано с освоением национально-культурного компонента семантики языковых единиц. «Развитие же лингвострановедения вызвано к жизни потребностями обучения иностранным языкам, и в этом его лингводидактическая сущность» [10, с.88]. Таким образом, В.В. Воробьев признает, что задачами «понимания речи в условиях межкультурной коммуникации» занимается лингвострановедение. Следовательно, у лингвокультурологии предметом исследования остаются национально маркированные языковые единицы, что, безусловно, позволяет её причислить к лингвистическим дисциплинам.

Лингвокультурология как самостоятельная отрасль знаний должна решать свои *специфические задачи* и при этом ответить, прежде всего, на ряд вопросов, которые в общем виде сформулированы так: 1) как культура участвует в образовании языковых концептов; 2) к какой части значения языкового знака прикрепляются «культурные смыслы»; 3) осознаются ли эти смыслы говорящим и слушающим и как они влияют на речевые стратегии; 4) существует ли в реальности культурно-языковая компетенция носителя языка, на основании которой культурные смыслы воплощаются в текстах и распознаются носителями языка; 5) каковы концептосфера и дискурсы культуры носителей определенной

культуры/множества культур (универсалии); культурная семантика данных языковых знаков, которая формируется на основе взаимодействия языка и культуры; б) как систематизируется понятийный аппарат, который не только позволил бы анализировать проблему взаимодействия языка и культуры в динамике, но обеспечил бы взаимопонимание в пределах антропоцентрической парадигмы. Но стоит отметить, что приведенный перечень задач нельзя считать окончательным, так как их решение будет порождать следующий цикл задач.

Как и любая наука, лингвокультурология имеет свои методы исследования. *Методы лингвокультурологии* – это совокупность аналитических приемов, операций и процедур, используемых при анализе взаимосвязи языка и культуры. В лингвокультурологии можно использовать лингвистические, а также культурологические и социологические методы, а именно: контент-анализ, фреймовый анализ, нарративный анализ, методы полевой этнографии, открытые интервью, применяемые в психологии и социологии, метод лингвистической реконструкции культуры, (используется в школе Н.И.Толстого); применимы традиционные методы этнографии, так и приемы экспериментально-когнитивной лингвистики, где важнейшим источником материала выступают носители языка (информанты). Данные методы позволяют лингвокультурологии исследовать свой сложный объект – взаимодействие языка и культуры, и поэтому вступают в отношение взаимодополнительности и особой сопряженности с разными познавательными принципами.

Объектом своего исследования лингвокультурология устанавливает исследование взаимодействия языка, который есть транслятор культурной информации, культуры с ее установками и предпочтениями и человека, который создает эту культуру, пользуясь языком. На фоне объекта исследования можно выделить несколько его *предметов*, каждый из которых также состоит из отдельных лингвокультурологических единиц. Мы выделили несколько таких предметов, но их количество может быть еще увеличено. Прежде всего, это: 1) предмет лингвострановедения – безэквивалентная лексика и лакуны, а поскольку лингвострановедение является составной частью лингвокультурологии, то они становятся и ее предметом; 2) архетипы имифологемы, обряды и поверья, ритуалы и обычаи, т.е. мифологизированные языковые единицы, закрепленные в языке; 3) паремиологический фонд языка; 4) фразеологический фонд языка; 5) эталоны, стереотипы и символы; 6) образы языка и метафоры; 7) стилистический уклад языков; 7) речевое поведение; 9) область речевого этикета. Указанные предметы исследования представляются гетерогенной совокупностью и подлежат исследованию в первую очередь, так как именно они являются наиболее «культуроносными» [11, с.36]. К

сегодняшнему дню в лингвокультурологии оформилось несколько направлений:

1. Лингвокультурология отдельной социальной группы, этноса в культурно-значимый период, т.е. исследование конкретной лингвокультурной ситуации.

2. Диахроническая лингвокультурология, т.е. изучение изменений лингвокультурного состояния этноса за определенный период времени.

3. Сравнительная лингвокультурология, исследующая лингвокультурные проявления разных, но взаимосвязанных этносов.

4. Сопоставительная лингвокультурология – самостоятельная интердисциплинарная отрасль науки синтезирующего типа, изучающая в сопоставительном ракурсе на материале двух и более языков взаимодействие языка и культуры как целостных структур при помощи системных методов и с ориентацией на современные приоритеты и культурные установления, изучает взаимодействие языков и культур в их функционировании. Данное направление только начинает развиваться. На сегодняшний день она представлена лишь несколькими работами [12, с.6].

5. Лингвокультурная лексикография, занимающаяся составлением лингвострановедческих словарей [11, с.28].

Итак, антропоцентрическая парадигма выводит на первое место человека, а язык считается его главной характеристикой, важнейшей составляющей. Язык теснейшим образом связан с культурой: он прорастает в нее, развивается в ней и выражает ее. И на основе этой идеи возникает новая наука – лингвокультурология – отрасль лингвистики, возникающая на стыке лингвистики и культурологии и исследующая проявления культуры народа, которые отразились и закрепились в языке. Изучение связи языка и культуры стало неизбежным следствием наблюдаемой в настоящее время трансформации гуманитарного знания в «необходимую компоненту практической деятельности» [13]. Исследователи подчеркивают, что изыскания в области лингвистики, и в частности лингвокультурологии, служат выработке и реализации решений, касающихся значимых секторов общественной жизни. Так, весьма важны результаты лингвокультурологических исследований в связи «актуальностью разработки проблем взаимодействия культур разных народов («диалога культур»)), что связано с острым протеканием процессов социального межэтнического взаимодействия в современном обществе.

Список литературы

- 1 Бодуэн де Куртэне И. А. Язык и языки. Избранные труды. – Москва, 1963. – С. 67-95.
- 2 Степанов Ю.С. В трехмерном пространстве языка: Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. – Москва, 1985.
- 3 Сокулер З.А. Людвиг Витгенштейн и его место в философии XX века. Мир, факты, объекты. Интернет-ресурс: Назарбаев Н.А. Послание Президента РК народу Казахстана от 2012 года. – Режим доступа: URL: [http:// akorda.kz/ru/page/poslanie-prezidenta-respubliki-kazakhstan](http://akorda.kz/ru/page/poslanie-prezidenta-respubliki-kazakhstan) - (дата обращения 20.10.14).
- 4 Материалы сайта. – Режим доступа: URL: [http:// society.polbu.ru/sokuler_vitgenshtein/ch05_i.html](http://society.polbu.ru/sokuler_vitgenshtein/ch05_i.html) - (дата обращения 20.02.15).
- 5 Телия В.Н. О методологических основаниях лингвокультурологии, XI Международная конференция «Логика, методология, философия науки». – Москва-Обнинск, 1995.
- 6 Кокарева Е.А. Взаимовлияние языка и культуры, Пермский государственный университет, интернет-ресурс: – Режим доступа: URL: [http:// komane.ru/nuda/vzaimovliyanie-yazika-i-kulehuri/main.html](http://komane.ru/nuda/vzaimovliyanie-yazika-i-kulehuri/main.html) - (дата обращения 20.02.15).
- 7 Толстой Н.И. Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. – Москва, 1995.
- 8 Копыленко М.М. Основы этнолингвистики. – Алматы: «Ақыл кітабы», 1997.
- 9 Мечковская И.Б. Социальная лингвистика. – Москва, 1996.
- 10 Бодалев А.А. Психология общения. Энциклопедический словарь. – Москва: изд-во «Когито-Центр», 2011.
- 11 Воробьев В.В. Общее и специфическое в лингвострановедении и лингвокультуроведении. Слово и текст в диалоге культур. – Москва, 2000.
- 12 Маслова В.А. Лингвокультурология, учебное пособие для студентов высших учебных заведений. – Москва, 2001.
- 13 Алимжанова Г.М. Сопоставительная лингвокультурология: сущность, принципы, единицы. / Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. – Алматы, 2010.
- 14 Орлова Э.А. Введение в социальную и культурную антропологию. – Москва: «МГИК», 1994.

Бакумова Ю.А.,
Абылай хан атындағы ҚазХҚжәнеӘТУ,
Алматы, Қазақстан

Лингвистикалық пәндердің арасында лингвомәдениеттің орны

Мақалада тілдің антропоцентризм идеясы мен антропоцентризм парадигмасының шеңберіндегі лингвомәдениеттің орны қарастырылады. Автор тіл мен мәдениеттің әрекеттестігі мен өзара қарым-қатынасы мәселелерін қозғайды. Лингвомәдениет лингвистика мен мәдениеттанудың түйісінде пайда болған ғылым ретінде ұсынылады, оның этнолингвистикамен, социоллингвистикамен, этнопсихология және лингвистикалық елтанумен арасындағы байланысы сараланады. Автор білімінің дербес шеңберінде лингвомәдениеттің пәні мен әдістерін қарастырып, пәннің аясында бірнеше ерекшеліктерді атап көрсетеді. Жұмыстың қорытындысы ретінде лингвомәдениеттің заманауи бағыттары бейнеленді.

Bakumova Y.A.,
Kazakh Ablai khan UIR&WL, Almaty, Kazakhstan

The place of linguoculturology among linguistic disciplines

The article deals with the idea of anthropocentricity of language and the place of linguoculturology in the anthropocentric paradigm. The author considers the problem of interaction and relationship between language and culture. Linguoculturology is presented as an interdisciplinary science, which had arisen at the interface of linguistics and cultural studies, its interrelation with ethnolinguistics, sociolinguistics, and ethnopsychology and linguistic regional geography is analyzed. The author examined the object and methods of cultural linguistics as an independent scientific field and several subjects were selected on the background of the object. Modern research guidelines of linguoculturology are presented in the conclusion of the article.

УДК 159,96

Badanbekkyzy Z., c.ph.s., Associate professor,
Kazakh National Pedagogical University named after Abay
Sultan Zh., 2nd year Master course student,
Kazakh National Pedagogical University named after Abay,
Almaty, Kazakhstan

THE ROLE OF BEHAVIOURAL OBJECTIVES IN FOREIGN LANGUAGE TEACHING

This article discusses – cross-cultural relations in the process of learning a foreign language, advanced research interests and research to learn about their culture, to understand the words and actions of other cultures, to compare their own culture with others to determine the similarities and differences of analysis.

Intercultural communication skills – provides a description of the nature of the term. Intercultural communication skills within the framework of the relationship between language and culture, and their existing relationships.

Foreign language skills and intercultural understanding, have shown the importance of linguistic and cultural understanding in the process of formation.

Intercultural skills and the culture of communication in order to establish a genuine relationship with the representatives of other cultures and respecting their cultural characteristics, the ability to cross-cultural understanding on the basis of in-depth knowledge to develop targeted use of the results is the ability to establish relationships. As cross-cultural communication skills of the final results "of intercultural communication objects" is formed.

Keywords: intercultural communication, representatives of culture, ability, personality, culture aspect, innovative approaches

Native knowledge of foreign languages needs to be nurtured for economic, diplomatic and defense purposes, a still greater challenge is to maintain the existence of Native American languages, which constitute an essential part of the heritage of all of us as Americans. Since most Native languages and especially those of California are on the brink of extinction, it is obviously both essential and urgent that every possible effort be made to document the languages and to provide our expertise to communities who are making efforts to save their languages. Given the long history of linguistic and cultural description and fieldwork at the University of California at Berkeley, the interest in fieldwork and description historically displayed by most appli-

cants for graduate work in linguistics and language programs at Berkeley, and the worldwide growth of interest in this field, Berkeley is the natural center of excellence in description, documentation, and revitalization of indigenous languages of the Americas. [1]. Documentation is even in its garden-variety manifestations a much more extensive and rigorous matter, requiring much greater technological and linguistic sophistication, than 20th-century fieldwork even at its best. Training the students of the next two or three generations in these fields is a matter of the utmost urgency, and the Language Ecology program will give them not just the technical training but the broader expertise in relevant aspects of context that will enable academics to help speech communities intervene in language extinction [2].

Meanwhile, educating society at large to the critical situation of most languages, their origin, history, and value, and the societal and psychological benefits of bilingualism and multilingualism is the urgent task of universities. Our program will not only train professionals but also produce integrative lower-division and breadth courses that will speak to the interests and personal experience of Berkeley undergraduates and raise California society's level of self-awareness.

The program we envision is urgent not simply because of the nature of our state's population and the current crisis of language endangerment, but also for more strictly academic reasons. It usually goes without saying that description and documentation are limited by theoretical knowledge [3]. The best grammatical accounts and text collections of now-extinct Native American languages made by Berkeley linguists and anthropologists in the early 20th century – state-of-the-art in their time - are riddled with data gaps that are glaringly obvious now but deal with phenomena that no scientist of a century ago could have conceived. What will be the value of today's state-of-the-art documentations to the science of the future? Any number of critically important structural properties of language are unlikely to appear spontaneously even in a large corpus but must be elicited or determined experimentally, and the quality and adequacy of elicitation and experiment depend on the state of theoretical knowledge. We cannot do full-time documentation now and leave analysis and theory the future, but must rapidly expand the frontiers of theoretical knowledge if this century's linguistic work is to have lasting value [5].

Finally, we should note that we are now seeking funding to bring to the Berkeley campus a program that heritage-language M.A. students as well as other graduate students (and motivated undergraduates) could participate in. This is the "Master-Apprentice Language Learning Program," in which the last speakers of California Indian languages work one-on-one with young adults in their own tribes to teach them their languages [6]. It is an immersion program: the teams are trained in the techniques of immersion teaching and

learning, and then mentored by telephone and site-visits. The teams also teach the language in their communities. Leanne Hinton has guided this successful program, which has trained over 70 teams speaking more than 20 different California Indian languages in the last 10 years. When we bring the program to campus, we hope that graduate students will become mentors for master-apprentice teams and will assist in the curriculum design for their teaching programs. Student mentors will also document the language of the elder and the learning process of the apprentice. Mentoring teams in the master-apprentice program can function as a form of internship for the graduate students.

The variety of approaches and solutions clearly shows at least two things: first of all, since all the sciences connected with foreign language teaching are subject to constant development, our evaluation of behavioural objectives is bound to undergo frequent reassessment; secondly, it is very hard, in the field of education, to devise all-purpose classifications and programming procedures – and even if it were possible, one could seriously question whether it would be advisable [7].

However great the theoretical difficulties may be, the use of behavioural objectives has determined a number of important changes. For example, in the latest Scuola Media programmes and in the specifications for the final examinations, the emphasis is on what *learners* are expected to do – though, of course, documents of this kind cannot and must not be formulated in terms of strict and binding operational objectives. If we compare them with earlier programmes, we find that there the *teacher* was the subject or agent in most paragraphs.

Another advancement lies in the awareness that many verbs commonly used to describe learners' performance are vague and do not refer to overt behaviour. Instances of such verbs are "to appreciate, to understand, to know, to master". Expressions like "to really understand, to critically appreciate, to fully realize" are equally ineffective in behavioural terms (and besides, they are split infinitives!) [8].

One suggestion often given by experts is that teachers should always try to set objectives above the lowest rank in the hierarchy. By doing this, we can counteract the tendency to rote learning or *nozionismo*. This is a very good piece of advice to teachers in general, but we, as teachers of English to speakers of Italian, ought to keep another criterion in mind. What objectives are coherent with a communicative approach? In the Valette-Disick taxonomy, *communication* is level 4 (out of 5): "using the foreign language and culture as natural vehicles" obviously calls for a high standard of competence and performance in both receptive and productive skills [9]. When we teach beginners, it is often impossible to set immediate high-level objectives. It is perfectly legitimate, I think, to develop intermediate objectives pertaining to

lower levels (transfer, knowledge, or even simple mechanical skills) provided that we make sure there is basic coherence between these intermediate steps and the general and final objectives.

When I first wrote about behavioural objectives nearly ten years ago, I said I had no idea how they would be received in Italy, since the general attitude towards teaching methods and programming was still largely traditional. Even though not everybody agrees that the present approaches to needs analysis, curriculum development, and so on, represent the most correct solution to date to the problem of planning in education, we all have learned to focus our attention on learners' needs and target performance. With this perspective in mind, I am convinced that behavioural objectives are here to stay, and that trying to define and develop them as accurately as we can is an endeavour well worth pursuing.

Conclusion. The relation of language, thought, and culture lies at the core of the educational enterprise. The revival, maintenance, and use of inherited wisdoms through endangered and heritage languages, the acquisition of alien wisdoms through foreign languages, the transmission of native wisdoms across migrations and displacements, and through the collapsed time/space offered by computer technologies – all these projects are both universal in their intellectual value and particular in their semiotic realization [10]. At a time when the international spread of English and of information technologies risks homogenizing both thought and action around the globe, it is important that educational institutions keep the focus on linguistic and cultural diversity, and on the unavoidable and creative challenges of translation across languages, disciplines, historic cities, and subjectivities.

References

- 1 Agazzi. "Programmazione: una rivelazione o un cataplasma pedagogico?" // Scuola e didattica. – 1981. - a. XXVII n. 1. – P. 5-9.
- 2 Bemis K. A. & Schroeder G. B. The Writing and Use of Behavioral Objectives. – SWCEL: Albuquerque N.M., 1969.
- 3 Bloom S. Taxonomy of educational objectives, handbook I: cognitive domain, David McKay. – New York, 1956.
- 4 Calonghi L., Valutazione. La Scuola. – Brescia, 1976.
- 5 Landesheere G. De. Definire gli obiettivi dell'educazione. – Firenze: La Nuova Italia, 1977.
- 6 Guidi M., Mariani L., Mazza Ferraris A. Gli obiettivi comportamentali nella programmazione didattica // Lingua e nuova didattica . – 1981. - a. X n. 3. – 1981. – P. 34-38.
- 7 Ferguson N. Language Learning Objectives. – Londra: Evans, 1977.
- 8 Mager R. F. Preparing Instructional Objectives. – Fearon: Palo Alto Calif. – 1962.

9 Maragliano R., Vertecchi B. La programmazione didattica. – Roma: Riuniti, 1977.

10 Munby L. Communicative syllabus design. – Cambridge University Press, 1978.

Баданбекқызы Ж., ф.ғ.к., доцент,
Абай атындағы ҚазҰПУ
Султан Ж., магистрант, Абай атындағы ҚазҰПУ,
Алматы, Қазақстан

Шеттілдік білім беруде мәдениетаралық қарым – қатынастың рөлі

Мақалада – шеттілдік білім беруде, қазіргі таңдағы ғалымдардың ғылыми ізденістері мен зерттеулері бойынша, өз мәдениетін меңгеру, басқа мәдениет өкілдерінің әрекеті мен сөзін түсіне білу үшін өз мәдениеті мен басқа мәдениетті салыстырып, ұқсастықтары мен айырмашылықтарын ажырата білуді саралау.

Мәдениетаралық қарым-қатынас біліктілігі – терминінің мәнін ашып, сипаттама бердік. Мәдениетаралық қарым-қатынас біліктілігі аясында тіл мен мәдениет арақатынасын, өзара байланыстылығын анықтауға тырыстық. Шетел тілін оқыту барысында мәдениетаралық түсіністік, тіл үйрену процесі мен мәдени түсінік қалыптастыру маңыздылығы анықталды.

Мәдениетаралық қарым-қатынас біліктілігі өзге мәдениет өкілдерімен шынайы қарым-қатынас орнату мақсатында өзге мәдениет ерекшеліктерін және де өз мәдениетінді құрметтей отыра, мәдениетаралық терең білік негізінде өзара түсіністік қабілетін қалыптастырып, оны мақсатқа бағытталған түрде қолдана отыра нәтижелі қарым-қатынас орната алу қабілеті болып табылатынын нақтылай түстік. Сондай-ақ мәдениетаралық қарым-қатынас біліктілігін қалыптастыруда ақтық нәтиже көрсеткіші ол «мәдениетаралық қарым-қатынас тұлғасын» қалыптастыру болып табылады.

Баданбекқызы Ж., к.ф.н., доцент,
КазНПУ имени Абая,
Султан Ж., магистрант,
КазНПУ имени Абая, Алматы, Қазақстан

Роль межкультурного отношения в иноязычном образовании

В данной статье рассматривается вопрос межкультурного отношения в процессе обучения иностранному языку. Современные

научные интересы и исследований, направлены на то, чтобы понимать слова и действия представителей других культур, сравнивать собственную культуру с другими, определять их сходства и различия.

Межкультурные навыки общения дают описание сущности этого термина в рамках взаимоотношений между языком и культурой.

Иностранная языковая подготовка и межкультурное взаимопонимание, показали важность языкового и культурного понимания в процессе формирования языковых навыков. Межкультурные навыки и культура общения в целях установления отношения с представителями других культур и уважения их культурных особенностей, способности кросс-культурного понимания на основе углубленного знания для разработки целевого использования результатов есть способность устанавливать отношения. Кросс-культурные навыки формируются как общения окончательные результаты "межкультурных объектов связи".

2 ТАРАУ **ТІЛДІК ҚҰРЫЛЫМ СТРАТИФИКАЦИЯСЫ**

РАЗДЕЛ 2 **СТРАТИФИКАЦИЯ ЯЗЫКОВОЙ СТРУКТУРЫ**

УДК 811.111:811.512

Кабдрғалинова С.Б., ф.ғ.к.,
Халықаралық ақпараттық технологиялар университеті,
Алматы, Қазақстан (e-mail: ksaniyabah@mail.ru)

ҚАЗАҚ ЖӘНЕ АҒЫЛШЫН ТІЛДЕРІНДЕГІ СҰРАУЛЫ СӨЙЛЕМДЕРДІҢ ҚАТЫСЫМДЫҚ-ПРАГМАТИКАЛЫҚ АСПЕКТІСІ

Көркем мәтінде алуан түрлі прагматикалық бағытталған синтаксистік амал-тәсілдер қолданылады: қайталаулар, салыстырулар/ контрастивтер, риторикалық сұрақтар, параллелизмдер, эллипсис/ құрылымдық толымсыздық және т.б. Одан басқа кейіпкерлердің жан күйзелісін сипаттайтын стилистикалық бейнелілік құралдар да қолданылады: экспрессивті және эмоционалды лексика, инверсия, атрибутивті, предикативті, субъективті айтылымдар, метафора, метонимия, эмфаза, антитеза және т.б. Бұл бағытқа жүргізіліп жатқан зерттеулер тілдің стилистикалық бірліктерін прагматика және стилистика шеңберлерінде қарастырады.

Қазақ тіліндегі сұраулы сөйлемдерді зерттей отырып, оларды ағылшын тіліндегі сұраулы сөйлемдерді салыстыру кезіндегі қолданылып отырған фактологиялық мәліметіміз – М.О.Әуезовтың «Абай жолы» роман эпопеясының түп нұсқасы мен ағылшын тіліндегі аударма мәтіні .

Тірек сөздер: қатысымдылық-прагматикалық аспект, сұраулы сөйлем, көркем мәтін, синтаксистік амал-тәсілдер, қатысымдық-функционалды аспектілер

Біршама уақыт бұрын ғалымдар зерттеудің нақты әдіс-тәсілдерін қолданып, басты назарларын синтаксис саласына, синтаксистік тіркелім мәселелерінің зерттелуіне және жүйелі сөз элементтерінің мағынасы мен қарым-қатынас барысындағы қолданысына аударса, қазіргі таңда адамдар арасындағы қарым-қатынасты тірі ағза ретінде, пәлсапа, әлеуметтану, психология, философия және лингвистикалық тұрғыдан қарастырады.

Аталған үдеріс зерттеулердің адамзат факторларын тереңірек қарастыратындығымен тікелей байланысты. Лингвистикалық зерттеулер саласында қатысымдық-функционалды аспектілердің көкейтестілігінің ықпалы прагмалингвистика деген жаңа лингвистикалық ғылымның пайда болуына әсер етті. Прагмалингвистиканың зерттеу нысаны – адамзат әрекеті, адамдардың тікелей қарым-қатынасы болып табылады. Сондықтан XX ғ. екінші жартысындағы лингвистика ғылымының даму нәтижесінде, сөйлемнің қатысымдық-функционалды ерекшеліктеріне қызығушылық арта түсті.

Алдыңғы зерттеулерде сұраулы сөйлемдер сөйлем мүшелері үнемі бір рөл ғана атқаратын құрылымды-статикалық құбылыс ретінде қарастырылса, қазіргі таңда сөйлемді ең кіші қатысымдық бірлік, яғни сөйлеу жағдайларына байланысты өзгеріп отыратын динамикалық құбылыс ретінде қабылдайды. В.А.Белошапкина: «құрылымдық (статикалық) және қатысымдық (динамикалық) деген сөйлемге қатысты екі аспектіні ажырату қажеттігін көрсетеді. Сөйлем құрылымын қарастыру үшін сөйлемнің өзі де жеткілікті, сөйлем ауқымынан асып кетудің қажеті жоқ, бұл сөйлем құрылымының ерекшелігі. Бірақ сөйлем құрылымының шеңберінде ғана толық ақпарат алу мүмкін болмайтын да жайттардың болуы ықтимал. Бұл жағдайда мәнмәтінге жүгінуге тура келеді. Бұл сөйлемнің қатысымдық құрылымының ерекшелігі», – дейді [1, с.8-9].

Сөйлемнің қатысымдық маңыздылығы басқа да ғалымдармен аталып өткен: «Сөйлеудің негізгі бірлігі ретінде сөйлем сөздердің, сөйлеушінің мазмұнға және тақырыптың шындыққа жанасуын көрсететін семантика-комбинаторлық біртұтастықты құрайды» [2, с.30]. Ал сұраулы сөйлемдер болса, олар қатысымдық бірлік ретінде синтаксистің көпәспектті бірлігі болып қарастырылады.

Зерттеу барысында фактологиялық мәлімет ретінде көркем шығарманың түпнұсқасы мен аудармасын қарастыратын болсақ, салыстырылып отырған екі тілде сұраулы сөйлемдердің семантикасы сақталады. Соңғы кезде лингвистикалық зерттеулердің адам факторына бет бұрғандығы – жеке қарым-қатынас ерекшеліктерінің зерттеле бастағандығының айғағы. Қарым-қатынас қатысымдық үдерісі барысында, қоршаған ортаны тану, түсіну үшін, сезім білдіру, араласу,

өзара рухани баю әрі ақпарат алмасу үшін адамның сөйлеуі және сөйлеу әрекеті ерекше қасиетке ие.

Қазіргі лингвистикада зерттеудің негізгі бірлігі – мәтін. В.Г.Гактың пайымдауынша, қазіргі заман лингвистикасының бағдарына сай басты назар мәтін, сөйлеу актілеріне және оның жүзеге асырылуына аударылған [3, с. 17].

Тойн А. ван Дейк мәтін грамматикасы мәселелесін қарастыра отырып: «егер мәтіндер семантикалық тұрғыда баламалы болып саналса, олардың арасындағы айырмашылықты прагматика деңгейінде іздеу керек», – дейді [4, с. 260].

Белгілі бір қатысымдық мәнмәтінде кездесетін сөйлеу шағармаларын интерпретациялаудың теориясын құрастыру прагматиканың басты міндеттерінің бірі. Интерпретацияның нысаны айтылған сөздің прагматикалық мәні болып табылады [5, с. 356].

Тіл, қарым-қатынас құралы ретінде және көркем әдебиеттің функционалды ерекшелігінің бірі: ол сыртқы орта факторлардың әсеріне бейім келеді. Олар тек қоғам арасында пайда болып, өнеді әрі құндылығы да қоғам арасында белгіленеді. Тілдің анықтамасы оның негізі қызметі – қатысымдық қызметіне сүйенеді [6]. XX ғасыр прозасының ерекшелігінің бірі – көптеген стилистикалық құралдардың пайдалануының нәтижесінде әдеби мәтіннің қатысым түрі ретінде қалыптаса бастауы [5, 367]. Аталған мәселеге байланысты Э.Д. Сүлейменованың келесі пікірі бар: «Екі тілді қатысымдық (мәтіндік) баламалылық арқылы зерттеу салғастырмалы лингвистика ғылымының нысаны болып табылады және салғастырмалы стилистикамен де жанасады» [7, с.35].

Сұраулы сөйлемдер қарым-қатынас барысында, қатысым негізінде қолданылады. Сұраулы сөйлемдердің негізгі қолданылу аясы – диалог. Ол көркем шығармада қолданылған ауызекі тіл, не ғылыми стиль, не екі не одан да көп коммуниканттардың қарым-қатынасы ретінде кеңінен қолданылады. Сонымен қатар, сұраулы сөйлемдер монолог сөз құрамында да кездеседі.

Егер диалог барысында кейіпкерлер коммуниканттар ретінде саналса, монологтағы мәтін прагматикасы толығымен оқырманға бағытталған, демек ол сыртқы бақылаушыдан қатысым қатысушысына айналады. Автор енді қажет лексикалық, синтаксистік тіл құралдары арқылы адресат-оқырманға барынша прагматикалық әсер беруге тырысады. Қатысым тақырыбы автордың ниеті мен мақсатына байланысты болып, прагматикалық бағытталған. Адресатқа дейін адресант-автордың әдейі ойластырған көркемдік түпкі ойы жетуі ерекше маңызға ие. «Мәтін – тыңдаушы мен оқырмандардың санасына

әсер ету үшін әдейі құрастырылған машина», - деген сөздің жаны бар [8, с.77].

Көркем мәтінде алуан түрлі прагматикалық бағытталған синтаксистік амал-тәсілдер қолданылады: қайталаулар, салыстырулар/контрастивтер, риторикалық сұрақтар, параллелизмдер, эллипсис/құрылымдық толымсыздық және т.б. Одан басқа кейіпкерлердің жан күйзелісін сипаттайтын стилистикалық бейнелілік құралдар да қолданылады: экспрессивті және эмоционалды лексика, инверсия, атрибутивті, предикативті, субъективті айтылымдар, метафора, метонимия, эмфаза, антитеза және т.б. Бұл бағытқа жүргізіліп жатқан зерттеулер тілдің стилистикалық бірліктерін прагматика және стилистика шеңберлерінде қарастырады.

Қазақ тіліндегі сұраулы сөйлемдерді зерттей отырып, оларды ағылшын тіліндегі сұраулы сөйлемдерді салыстыру кезіндегі қолданылып отырған фактологиялық мәліметіміз – М.О. Әуезовтың «Абай жолы» роман эпопеясының түпнұсқасы [10] мен ағылшын тіліндегі аударма мәтіні [9]. Романның түпнұсқасы мен аударма мәтіндеріндегі сұраулы сөйлемдерге толық семантикалық және қатысымдық-прагматикалық талдау жүргіземіз.

М.Бирвиштің көтеріп отырған «түсініктік және денотативті мағына мәселесінің» [11, с.177-199] түпнұсқа мен аудармасыны талдау барысында шешілгеніне күмән жоқ.

Бізді толғандырып отырған мәселердің бірі көркем мәтін түпнұсқасындағы автордың қолданған стилистикалық түрлендірмелер немесе коннотативті мағынаның аудармадағы баламаларымен қаншалықты сәйкес екендігі. Аудармашының көркем тілдегі экстралингвистикалық ерекшеліктерін аудармада қалай сақтаған? Аудармашы ұлы шығарманың барша эмоционалдылығын, экспрессивтілігін, көркемдігі мен поэтикасын, қазақ тілінің байлығын аударма мәтінде сақтау үшін қандай лингвистикалық амал-тәсілдер қолданғаны қызықтырады.

Зерттеуіміздің басты мақсаты аудармаға жаңа баға беруде емес, дегенмен де аударма адресат-оқырмандарға түпнұсқада көрсетілген өзге халықтың тілбайлығын барынша көрсетуі тиіс. «Халық тілі – сол тілдік ортада мүшелерінің тек қарым-қатынас құралы ғана емес, ол халықтың рухани және мәдени байлығын, өнегесін, ағартушылығының, тарихы мен салт-дәстүрлерінің көрінісі» [12; 16].

М.Б. Балакаевтың: «Абай жолы» қазақ халқының тіл байлығының нағыз символы» атты сөздерін аттап айтпауға болмайды [13, с.48]. «Аударманың өзі де еңсесі биік жеке көркем шығарма ретінде түпнұсқамен қатар тұруы қажет», - дейді әйгілі ғалым Б.Пастернак [14, с.166-170].

Сөйлеу қарым-қатынастың прагматикасы қатысым үдерісінен негіз алады. Көркем шығармада бұл үдеріс диалогтың біртұтастығында, кейіпкерлердің өзара әрекеттесуінде пайда болады. Сондықтан да туындыны танымал, классикалық әрі жауһар ететін адресант-автордың қолданған адресат-оқырманға соншалықты әсер ететін ерекше амал-тәсілдерінің сыры неде екен?

Жоғарыда айтылып кеткендей, шығармада сұраулы сөйлемнің кездесуі қатысымдық амалдың бір белгісі, әрі коммуникант/оқырманға әсер ететін прагматикалық құралдың бір түрі.

Адресатқа эмоционалды және экспрессивті әсер етудің кең таралған прагматикалық элементтердің бірі кішігірім мәнмәтінде сұраулы сөйлемдердің қайталануы. Бұл тәсілмен қатар бөлек лексикалық бірліктер деңгейіндегі лексикалық қайталаулар да қолданылады, мысалы одағай сөздер, кідіріс, контрастивтер, инверсиялардың және т.б. қолданылуы.

Қазақ және ағылшын тілдеріндегі келесі үзінділерді прагматикалық жағынан қарастырайық. Келесі диалогтық бірліктегі бірінші коммуниканттың сұрағына жауап үш сұраулы сөйлемнен құралған:

– *Бұл кісі кім, аға?* [9, с. 8].

– *Е, білмеушімең Шөжікеңді?.. О не дегенің? Бұл – Шөже ақын емес пе?* [10, 85].

– *Who is that old man?* [9, с. 151].

– *Have you never seen Shozheken? Don't you know him?* [10, с.151].

Сөйлем:

– *Бұл кісі кім, аға?* [9, с. 85].

– Қарастырылып отырған диалогтық біртұтастықта функционалдық топтастыруға сай *бастапқы* әрі *нағыз*, мағыналық маңызына сай *ашық* сөйлем [15, с. 665-666]. Бұл сөйлемдегі экспрессивтілік маркері – сөйлемнің соңында орналасқан, *аға* деген қаратпа сөз.

– *Е, білмеушімең Шөжікеңді? О не дегенің? Бұл – Шөже ақын емес пе?* [9, с. 85].

– Жауап беру үшін қолданылған үш сұраулы сөйлемде прагматиканың синтаксистік құралдары:

– ерсілі-қарсылы сұрақтардағы сұраулы сөйлемдердің *қайталануы*,

– қарқындылықты күшейте түсетін сөйлем соңындағы *көп нүкте*, кідірістерді білдіретін *сызықшаларды* қолдану,

– риторикалықтың болымсыз *емес пе* түрін қолдану,

– *білмеушімең* баяндауышының инверсиясы.

Экспрессивтіліктің *лексикалық* элементтері:

– *Шөжікеңді*, *Шөже* сөздерінің қайталануы,

– *е одағайының* қолданылуы,

— *ол* есімдігінің *о* деген қысқаша формасының қолданылуы,
— *білмейсің бе* етістігінің орнына *білмеушімең* деген
эмоционалдылық өңі жоғарырақ сұраулы формасының қолданылуы,
— *Шөжікеңді* деген бейнелі сөзінің *инверсиясы*.

Ағылшын тіліндегі сұраулы сөйлемдердің баламаларының түпнұсқаға қарағанда прагматикалық қасиеті неғұрлым кемірек, әлсіздірек берілген.

— *Who is that old man?* [10, с. 151].

— сөйлемдегі экспрессивтілік бірлігі *that* есімдік-интенсификатормен берілген.

— *Have you never seen Shozheken? Don't you know him?* [10, с. 151] атты коммуниканттың жауабында:

— сұраулы сөйлемдердің *синтаксистік қайлануы* сақталғанмен, түпнұсқа мәтінімен салыстырғанда қысқарғаны байқалады (түпнұсқада үш сөйлем, аудармада екі сөйлем берілген).

— Экспрессивтіліктің *лексикалық* маркерлары үстеудің болымсыз *never* формасымен және *don't* көмекші етістігі арқылы көрсетілген.

— *Shozheken* деген өзге тілдің сөзін қолдану мәтінге ерекше бейнелілік беріп тұр.

Мәнмәтінде сұраулы сөйлемдердің бір диалогтық біртұтастықты құрайтын келесі тобын қарастырайық:

— *Бұл не қылған жылқы? Кімнің жылқысы өзі?*

— *Е, олжа, әкеннің олжасы емес пе?*

— *Олжа не? Кімнен алынған?*

— *Ой, тәйір, баламысың?.. Әкеннің қол астынан қараған халық аз ба?.. Сондағы еңбек үшін ақы алмай ма? Текке істей ме?* [9, с. 101].

"What horses are these? Who is their master?"

{"These are gifts. Gift horses for your father."}

"What sorts of gifts? From whom?"

"Are you a child? Has your father no people under him? Doesn't he deserve something for his efforts on their behalf? Should he work for them without reward?" [10, с. 174].

Бір кейіпкердің алғашқы екі репликасы болып табылатын диалогтық біртұтастықтың сұраулы сөйлемдерінде жазушы-адресант оқырман-адресантқа әсер ету үшін келесі прагматикалық құралдарды қолданған:

Бұл не қылған жылқы? Кімнің жылқысы өзі?

— сұраулы мағынаның *синтаксистік қайталануы*,

— *жылқы, жылқы(сы)* сөздерінің *лексикалық қайталануы*,

— *экспрессивті күшейткіш өзі* есімдігінің қолданылуы,

— бірегей, семантикалы бейнелі *не қылған* тіркесінің қолданылуы.

Екінші кейіпкердің жауабында риторикалық сұрақ кездеседі:

— *Е, олжа, әкеннің олжасы емес пе?* —

эмоциональді-экспрессивті көркемдік келесі құралдардың көмегімен жүзеге асырылған:

- *олжа* – *әкеннің олжасы* сөздерінің лексикалық қайталануы,
- *е* одағайы,
- *емес пе* риторикалық айналымның қолданылуы.

Бірінші кейіпкедің сөзі болатын келесі сөйлемдерде:

- *Олжа не? Кімнен алынған?*
- сұраулылықты синтаксистік тәсіл ретінде қата қайталау,
- сөйлемдердің *толымсыздығы*,
- *олжа* сөзінің *лексикалық қайталануы*.

Бірінші кейіпкердің үшінші топқа жататын сөйлемдері:

– *Ой, тәйір, баламысың?.. Әкеннің қол астынан қараған халық аз ба?.. Сондағы еңбек үшін ақы алмай ма? Текке істей ме?* [9, с.101]. -

– айқын экспрессивтіліктің белгісі, бұл сөйлемдердің келесі прагматикалық интенсификаторлары бар:

- *ой, тәйір* одағайларының *параллель* қолданылуы,
- *текке* бірегей семантикалы сөздің қолдануы,
- төрт сұраулы сөйлемдердің бірінен соң бірінің *қайталануы*,
- *қол астынан қараған халық*, бірегей сөз айналымының

қолданылуы,

– бейтарап *баласың ба* орнына экспрессивті *баламысың* қолданылуы,

– *графикалық маркер* – бірінші сөйлемнен кейінгі көпнүкте, әрі оның екінші сөйлемнен кейін де қайталануы сөз мәнерлігінің белгісі.

"*What horses are these? Who is their master?*" ағылшын тіліндегі балама сөйлемдерді (бірінші кейіпкердің репликасы) талдайтын болсақ:

-- *сұраулы сөйлемдердің* қайталануы адресата-оқырманға әсер ету үшін қолданылған.

Келесі кейіпкердің жауабы хабарлы сөйлемдер арқылы берілген {"*These are gifts. Gift horses for your father.*"}.

Келесі баламадағы сұраулы сөйлемдерде интенсификацияның эмоционалды-экспрессивті амал-тәсілдері ретінде сұраулы сөйлемдердің қайталануымен қатар, толымсыз сөйлемдер де қолданылған:

"*What sorts of gifts? From whom?*"

Аудармада келесі амал-тәсілдер пайдаланылған:

"*Are you a child? Has your father no people under him? Doesn't he deserve something for his efforts on their behalf? Should he work for them without reward?*" (10, с.174):

- жауап берілген сөйлемдердің *қайталануы*,
- *риторика*,
- бірінші сұраулы сөйлемде – *салыстыру*,

– екінші сөйлемде *no* болымсыз демеулігі,
– үшінші сөйлемде – бірегей семантикалы етістік *deserve* және *doesn't* болымсыз формасы,

– соңғы сөйлемде – бірегей семантикалы етістік *reward* және модалды етістік *should*.

Қатысым үдерісі барысындағы тек бір кейіпкердің сөзі алты сұраулы сөйлемнен тұратын фразалық біртұтастық кездесетін түпнұсқаның келесі үзіндісін қарастырып, ондағы прагматикалық құралдардың аударма мәтнінде сақталғанын салыстырып, талдайық:

– *Жә, ағайын, бұ қайткенің, атишабарымды неге сабайсың?*

Теріс болса арыз айтар жер таппадың ба?

Тым қурыса мырзаның алдынан бір өтсең нетті?

Оған да сенбей, оған да жөніңді көрсетейін дедің бе?

Жуандығыңды көрсетейін дегенің бе?

Кеше ғана қатарда қолтықта жүрген, туысқан емес пе ең? [9, с.153].

Жоғарыдағы үзіндінің ағылшын тіліндегі аудармасы:

"What's this I hear, kinsmen? You thrashed my messenger?"

Екінші сұраулы сөйлем аударылмаған.

If he did wrong, why didn't you complain to the Mirza?

Төртінші сұраулы сөйлем аударылмаған.

Or were you anxious to show how strong you are?

Wasn't it only yesterday that you stood with us? [10, с.249].

Бірінші сұраулы сөйлемде:

– *Жә, ағайын, бұ қайткенің, атишабарымды неге сабайсың?* – автор ауызекі сөйлеу тіліне жақын сөздердің қысқартылған формаларын қолданған:

– *жарайды* орнына *жә*,

– *бұл* орнына *бұ*,

– *қалай істегенің* орнына *қайткенің*,

– *сабайсың* бірегей семантикалы етістік,

– *ағайын қаратпа сөзін* қолдану арқылы қатысымның әсерін ұлғайту.

Келесі сұраулы сөйлемдердің баламаларында (екі сөйлем орнына біреуі ғана аударылған) –

– *What's this I hear, kinsmen? You thrashed my messenger?* – кейіпкер сөзінің әсерін ұлғайту үшін келесі амал-тәсілдер қолданылған:

– сұраулы сөйлемдерді *қайталау*

– *what's this I hear* деген бірегей сөйлеу айналымының қолданылуы,

– *kinsmen* қаратпа сөзі және оның *инверсиясы*,

– ерекше құрылымды сұраулы сөйлем,

– *thrashed* бірегей семантикалы етістік.

Теріс болса арыз айтар жер таппадың ба? –

– бірегей семантикалы *теріс* сын есімі қолданылған,
– экспрессивтілік пен эмоционалдылықты күшейтетін сұраулы мағынаны қайталау,

– *теріс болса* деген бағыныңқы сөйлемнің толымсыздығы,
– басыңқы сөйлемде бастауыштың болмауы,
– *таппадың* етістігінің болымсыз түрде қолданылуы,
– *риторика*.

Келесі сөйлемнің аудармасы жасалмаған:

Тым құрыса мырзаның алдынан бір өтсең нетті?

– *параллель* сөйлем құрылысы пайдаланылған, *теріс болса – тым құрыса*,

– бірегей семантикалы *теріс* сын есімін қайталау (*теріс – тым*),
– *алдынан өтсең* метафоралық айналымны қолданылған,
– *нетті* бірегей семантикалы етістігі қолданылған.

Сөйлемнің аударма мәтіндегі баламасының мағынасын қарастырып көрейік *If he did wrong, why didn't you complain to the Mirza?*

– сұраулы мағына қайталанған,
– *did (didn't)* етістігінің антитезасы қайталанған,
– өзге тілден енген *Mirza* сөзі қолданылған.

Оған да сенбей, оған да жөніңді көрсетейін дедің бе?

– *оған да* сөзі бірнеше рет қайталанған,
– *жөніңді көрсетейін*, *экспрессивті* айналым,
– *сенбей* етістігінің негативті формасы,
– *жөніңді көрсетейін дедің бе* антитезасы қолданылған.

Бұл сөйлемнің аудармасы жасалмаған.

Жуандығыңды көрсетейін дегенің бе?

– Бірегей семантикалы зат есім – *жуандығыңды* пайдаланылған,
– *көрсетейін дедің бе – көрсетейін дегенің бе*,
– сұраулы мағына беретін сөздерді күшейтпелі әсер беру үшін қайталау.

Ағылшын тіліндегі аудармасы мынадай:

Or were you anxious to show how strong you are?

– сұраулы мағына беретін сөздерді күшейтпелі әсер беру үшін қайталау,

– *anxious*, бірегей семантикалы сын есім қолданылған,
– толымсыз сөйлем құрылымы пайдаланылған.

Кеше ғана қатарда қолтықта жүрген, туысқан емес пе ең?

– *емес пе* құрылысы арқылы *риторикалық* мән берілген,
– *едің –ең* етістіктің толымсыз формасы қолданылған,
– сұраулы мағынасы бар сөздердің әдейі қайталануы,

– *қолтықта жүрген* сөз тіркесінің метафорикалық мағынада қолданылуы.

Wasn't it only yesterday, that you stood with us?

– *қайталану*,

– *was – wasn't* етістігінің болымсыз түрінің қолдануы,

– *only* үстеуінің күшейтпелі мән беру үшін қолданылуы,

– *stood with* сөз тіркесінің қолданылуы.

Қорыта келсек, түпнұсқа мәтінінде алуан түрлі көркемдік тәсілдер қолданылған сұраулы сөйлемдер кездеседі: *лексикалық қайталаулар, синтаксистік құрылымдық қайталаулар*, ауызекі сөйлеу тіліне жақын *қысқартулар*, экспрессивті одағайлар, толымсыз сөйлемдер, *риторикалық сұрақтар, антитеза, метафора, эмоционалды әрі экспрессивті боялған сөздер*, және неғұрлым жиі қолданылатын құрал – бастауышы жоқ толымсыз сөйлемдер және т.б.

Аударма мәтінінде де сұраулы сөйлемдер қолданылған, дегенмен аудармада екі сөйлемнің аударылмауы әдеби шығарманың стилистикалық, көркемдік тұтастығына зиян келтіреді. Біздің ойымызша, аудармада тек семантикалық қана емес, сонымен қатар синтаксистік те сайма-сайлылық сақталғаны абзал. Мәтінде қатысымдық-прагматикалық амал-тәсілдер қолданылған, оның ішінде толымсыз сөйлемдер, етістіктердің болымсыз түрлерінің қолданылуы, антитезамен қайталау, инверсия, қаратпа сөздер және басқа тілдің элементтері.

Жоғарыда көрсетілген түпнұсқа үзінділерде сұраулы сөйлемдердегі грамматикалық, лексикалық амал-тәсілдердің оқырман-адресатқа аса жоғары прагматикалық әсері айқындалады, әрі ағылшын тіліндегі аудармада түпнұсқамен салыстырғанда азырақ эмоционалдылық, экспрессивтілік, қысқартушылық байқалады. Алайда аударманы толық көркемсіз әрі мүлдем эмоционалды емес деп айта алмаймыз.

Жасалған талдауды қорытындылай келсек, мәтінде грамматикалық, лексикалық көркемдік құралдардың дұрыс әрі мұқият үйлесуі нәтижесінде, сұраулы сөйлемдерде, не жалпы тілде адресат-оқырман санасына барынша әсер етіп, туындының көркемділігі, бейнелілігі және қайталанбастығы тамсандыратын болса ғана мәтін әрі аударма толық прагматикалық-қатысымдық мақсатына жетті деуге болады.

Әдебиеттер

1 Белошапкина В.А. Современный русский язык. Синтаксис. – М., 1977. – С. 78-79.

2 Ахунзянов Э.М. Контрастивная грамматика. Морфология русского и тюркских языков. – Алма-Ата, 1987. – С. 30.

- 3 Гак В.Г. О контрастивной лингвистике // Новое в зарубежной лингвистике. – 1989. – Вып. XXV. – С. 5-17.
- 4 Қазақ грамматикасы. Фонетика, сөзжасам, морфология, синтаксис. – Астана, 2002. – 784 б.
- 5 Арутюнова Н.Д. Фактор адресата // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – 1981. – Т. 40. - № 4. – С. 356.
- 6 Оспанова Ж.М. Структура художественного диалогического текста в русском языке: функциональный и грамматический аспекты: дис. канд. филолог. наук: 10.02.01. – Алматы, 2002. – 118 с.
- 7 Сулейменова Э.Д. Казахский и русский языки: основы контрастивной лингвистики. – Алматы, 1996. – 208 с.
- 8 Маслова В.А. Об одном текстовом приеме создания экспрессивности // Текст как структура: сб. науч. трудов АН СССР. – М., 1992. – С. 77.
- 9 Әуезов М. Абай жолы. Роман-эпопея. Бірінші кітап. Абай. – Алматы, 1989. – 608 б.
- 10 Auezov M. Abai. A Novel. Book One. – Moscow: Foreign Languages Publishing House, 1966. – 451 p.
- 11 Бирвиш М. Семантика // Новое в зарубежной лингвистике. – 1981.– Вып. X. – С. 177-199.
- 12 Кайдаров А.Т. Слово о профессоре Жубанове // Худайберген Жубанов и казахское советское языкознание. – Алматы, 1990. – С. 16.
- 13 Балакаев М.Б. Казахский литературный язык. – Алматы, 1987. – С. 48.
- 14 Пастернак Б. Заметки переводчика // Знамя. – 1944. – № 1. – С. 166-170.
- 15 Қазақ грамматикасы. Фонетика, сөзжасам, морфология, синтаксис. – Астана, 2002. – 784 б.

Кабдрғалинова С.Б., к.ф.н.,

Университет международных информационных технологий,
Алматы, Казахстан

Коммуникативно-прагматический аспект вопросительных предложений в казахском и английском языках

В статье рассматривается лингвистический подход к процессу живого человеческого общения. Именно поворот исследований в данном направлении в таких научных сферах как философия, социология, психология и лингвистика в том числе, а также фокусирование и высвечивание коммуникативно-функциональных аспектов способствовали закономерному развитию прагмалингвистики, объектом изучения которой

служит человеческая деятельность. Характерной чертой для данного рода исследований является ярко выраженный интерес к коммуникативно-функциональной природе различных лексических и грамматических единиц.

Kabdrgalinova S.B., c.ph.sc.,
International information technologies university,
Almaty, Kazakhstan

Communicative-pragmatic aspect of question sentences in Kazakh and English languages

The paper deals with the linguistic approach to real life human communication. The turning of research in this area in such scientific fields as philosophy, sociology, psychology and linguistics as well as focus and display of communicative and functional aspects facilitates the natural development of pragmalinguistics, which serves as the object of study of human activity. The characteristic feature of this kind of research is a pronounced interest in the communicative and functional nature of the various lexical and grammatical units.

УДК 308.111

Есеналиева Ж.Ж., ф.ғ.д., профессор,
Абылай хан атындағы ҚазХҚжӘТУ,
Алматы, Қазақстан, prof.Esenalieva@mail.ru

ҰЛТТЫҚ МІНЕЗ-ҚҰЛЫҚ ЖӘНЕ ҰЖЫМДЫҚ ТАНЫМНЫҢ НЕГІЗГІ ЕРЕКШЕЛІКТЕРІ

Лингвистикада әрбір нақты тіл әлемді тану мен қабылдаудың әдісі ретінде қарастырылады. Сонымен қатар әрбір тіл қолданушы осы бір ерекше жүйе негізінде өзін қоршаған тілдік емес шындық болмысты өзінше қабылдаумен қатар, лексикалық бірліктердің семантикасын, сонымен бірге морфологиялық және синтаксистік құрылымдардың, қандай да бір категориялар мен сөзжасам жүйесіндегі (оның ішіне әлемнің тілдік бейнесі де кіреді) ерекшеліктерін жинақтайды.

Тірек сөздер: семантикалық универсалийлер, танымдық универсалийлер, ұлттық мінез-құлық, мәдениаралық құзіреттілік, мәдени құндылықтар

Тіл білімі тұрғысынан алғанда жалпы адамзаттың ойлау жүйесі бірдей. Сондықтан олардың жаратылыстық және қоғамдық құбылыстар жөніндегі танымдары да бірдей. Оларды тек ой формасы болып табылатын тіл ғана бір-бірінен өзгешелендіріп тұрады. Бір сөзбен айтқанда, тіл біртүрлі мазмұнды түрліше формада бейнелейді. Басқаша айтқанда, әлемдегі барлық тілдер ортақ мазмұнды түрліше формада сипаттайды. Әйтсе де, ол тілдердің арасынан семантикалық универсалийлерді табуға болады.

Универсалийлер синхронды (мысалы, кейбір сәйкестіктер тіл дамуының белгілі бір кезеңінде ғана болады) және диахронды (тіл дамуындағы заңдылықтарды білдіретін сәйкестіктер) болып бөлінеді. Олар бір-бірімен тығыз байланысты. Себебі қандай да болмасын диахроникалық процестердің жиынтығы тілдің синхронды жағдайын көрсетеді. Өйткені тілдің синхрондық жағдайынан тыс ешқандай диахроникалық процестердің де болуы мүмкін емес.

Универсалийлер абсалюттік, статистикалық, дедуктивті және индуктивті болып жіктеледі.

Абсалюттік немесе толық сәйкестіктікте ешқандай ауытқушылық болмайды (мысалы, *табу* тілдердің барлығында кездеседі. Әлем тілдерінің барлығында дыбыстар дауысты және дауыссыз болып бөлінеді т.б.).

Статистикалық немесе толық емес универсалийлер көп кездеспейді. Аталмыш сәйкестіктер тіл жүйесінің басқа жүйеге өтпелі кезеңінде пайда болуы мүмкін. Мәселен, әлем тілдерінің барлығында (арант және абазин тілдерін қоспағанда) кем дегенде екі дауысты дыбыс бар.

Семантикалық универсалийлер немесе сәйкестіктер дедуктивті (тілдерді зерттемей) және индуктивті (бірнеше тілдерді қатар салғастырып) әдіспен анықталуы да ықтимал. Бірінші жағдайда тілдік заңдылықтар барлық тілдерге ортақ болуға тиіс деп қабылданатын теориялық болжамға негізделсе, екінші жағдайда нақты анықталған универсалды сипаттамалар сөз болады. Семантикалық универсалий мәселелерін сұрыптау кезінде бұл аталған екі тәсілдердің екеуі де негізге алынады. Өйткені бірнеше тілдік фактілер арқылы жасалған дедуктивті пікірлер кейін индуктивті жолмен нақтыланып, ғылыми қорытындылар жасалады. Мысалы: тілдік деңгейлер бойынша қарастырылатын ортақ заңдылықтар қатарында әр тілдің құрылымдық-жүйелік ерекшелігін саралау, сөздердің сөз таптарына жіктелуі, сөз құрамының морфемалармен сипатталуы, қосымшалардың сөз

тудырушы және форма түрлендіруші немесе деривациялық яки реляциялық қызметте жұмсалуды секілді мәселелерді барлық тілдерге қатысты анықтау – заңды нәрсе.

Өзінің сипаты жағынан универсалийлер элементарлық (белгілі бір тілдік құбылыстың кездесетінін білдіретін) және имплицативтік болып сараланады.

Имплицативтік сәйкестіктер екі тілдік құбылыстың арасындағы байланысты білдіреді. Имплицативтік сәйкестіктердің мазмұнын былайша түсіндіруге болады: «Егер тілде Х құбылысы болса, онда ол тілде У құбылысы да болады». Алайда, керісінше, олай болмауы да мүмкін. Яғни тілдегі У құбылысының болуы ол тілде Х құбылысының барлығын көрсетпейді. Мысалы, егер қандай да бір тілде септік категориясы немесе тек (род) категориясы болса, ол тілде сан-мөлшер категориясы да болады. Немесе егер тілде сан-мөлшер категориясының екілік түрі болса, онда ол тілде аталған категорияның көптік түрі де кездеседі. Бұл тұрғыда тілдерде белгілі бір құбылыстардың кездесуі логикалық байланыстың нәтижесі деп танылады. Мысалы,

1) Қарапайым (элементарлы) тұжырымдамаға сәйкес, «Барлық тілдерде А құбылысы бар, ол бәріне ортақ және оның кездесуі – заңды» деген сияқты пікір айтылады. Оған дәлел ретінде барлық тілдердің құрылымдық, жүйелік ерекшелігі, таңбалық сипаты айқындалған, тілдік деңгейлері мен бірліктері сұрыпталған секілді лингвистикалық қағидалар келтіріледі.

2) Күрделі (имплицативті) логикалық байланыстар «егер..., онда...» сияқты құрылымдық сәйкестіктер негізінде жасалады. Айталық, «Егер тілде сөз тудырушы морфемалар болса, онда сөз түрлендіруші аффикстердің болуы – заңды құбылыс», немесе «егер тілдерде сабақтаса байланысу кездессе, онда салаласа байланысқан құрылымның орын алуы да заңды» және т.б.

Лингвистикалық сараптама мен статистика жүргізудің қиындығына көз жеткізу қиынға соқпайды. Дегенмен, іс жүзінде 30-ға жуық тілдер мен барлық тілдік семьяларды (Гринберг, 1970) зерттеген не болмаса 400 тілдік материалды (Соколовская, 1980) қамтыған фактілерді, 700 тілдің дыбыстық жүйесін талдауға арналған лингвистикалық еңбектерді алып қарайтын болсақ, универсалийлердің бұдан басқа сандық және сандық емес түрлері де кездесетініне көз жеткіземіз. Сандық универсалийлер тілдегі кейбір заңдылықтардың сандық көрсеткішін анықтайды (мәселен, барлық тілдерде фонемалардың саны 85-тен аспайды) [1].

Тілдік универсалийлерді анықтау тек лингвистика үшін ғана емес, психолингвистика мен когнитивтік лингвистика үшін де маңызды. Оның адам мінез-құлқының тілдік аспектілерінің заңдылықтарын

айқындауда, оларды зерттейтін ғылым саласының дамуына да тигізетін әсері мол (Есеналиева, 2009) [2].

К.Аханов «әртүрлі тілдерді зерттеу барысында олардың өзара ортақ белгілері лексика саласынан ғана емес, сонымен бірге, грамматика саласынан да табылып, айқындала береді...», - дей келе, тілде тілдік ұқсастықтардың «тегіннен-тегін» болмайтынын ескертеді [2].

Әртүрлі тілдерді талдау, тілдік универсалийлерді айқындауға көмектеседі. Жеке тілдік фактілерден жалпы тілдік фактілерге қарай талдауда тілдік универсалийлер тілдің құрылымын коммуникативтік жүйе ретінде қарастырады. Осы ретте мынадай басты үш ұғымның арақатынасын анықтап алған дұрыс:

- тілдік универсалийлер мен оларды дамытушы факторлар (яғни тілдік ұқсастықтардың таралу сипаты мен өзгешеліктері);
- танымдық универсалийлер мен оларды қалыптастырушы факторлардың сабақтастығы (танымның жалпы адамзаттық белгілері);
- тілтанымдық универсалийлердің актуалдану себептері (тіл мен таным қарым-қатынасының универсалды табиғаты).

Лингвистикалық универсалийлер нақты тілдердің әртүрлі қабаттарынан, деңгейлерінен, тілдік жеке элементтерден бастап, тілдің бүтіндей жүйесіне негізделгенде ғана толық анықталады.

Жалпыға бірдей мәдениет болмаса, жалпыға бірдей мінез-құлық та болмайды. Басқа мәдениет өкілінің мінез-құлқын түсіну үшін, оларға тән дәстүрлі қандай мінез-құлық бар екенін анықтау керек. Әр ұлттың өзіне тән ұлттық мінез-құлқы бар. Ұлттық мінез-құлық дегеніміз белгілі бір ұлттық қоғамға тән әлеуметтік-психологиялық белгілері және рухы көрнісінің жиынтығы. Ұлттық мінез-құлқы пен ұлттық менталитет тығыз байланысты. Ұлттық менталитет адамның қоршаған ортаны қабылдаудағы және оның қоршаған ортаны сезіну, оған әсер ету ерекшелігі. Бұл өз кезеңінде тарихи тұрғыдан экономикалық, саяси шарттарға негізделеді, соған байланысты анықталады. Ұлттық мінез-құлық тарихи құбылыс. Ол қоғамдық қарым-қатынастың нәтижесі.

Мәдени мінез-құлықтың маңызды факторларының біріне ситуация жатады. Э.Холл оны «Мәдени көзілдірік» деп атайды. Әдетте адам өзінің мінез-құлық үлгілері мен оны қабылдауы тек өз мәдениетінің ықпалы екенін түсіне білмейді, сондықтан да басқа мәдениет иелерінің басқа көзқарасын, басқа мәдени нормалары мен мәдени құндылықтары бар екенін бірден қабылдай алуы қиынға соғады. Адамдардың көбінің күнделікті мінез-құлықтары аңғырт реализм арқылы сипатталады. Олардың түсінігінше қоршаған орта, әлем өзі қалай түсінсе, солай қабылданылуы керек. Әлемдегі заттар, құбылыстар, адамдар, оқиғалар т.б. мұндай адамдар өзінен-өзі түсінікті, заңды әдетті жағдаяттар деп

қабылдайды. Мұндай жағдай басқа мәдениет нормалары мен құндылықтарын асыра бағалауға әкеліп соғады [3].

Әр адам саналы болсын, санасыз болсын өз мәдениетінде қалыптасқан мінез-құлықтарын ұстанады. Мысалы, мінез-құлық түрлері әртүрлі мәдениетте әртүрлі көрініс табады. Егер Мексикада әйелдер мен ерлер шіркеуге бірге барып, үндемей тұратын болса, Иранда әйелдер мен ерлер мешітке бірге бармайды, бөлек отырып құран оқиды, Қазақстанда мешітке олар бірге бара береді.

Әр мәдениетте өзіне тән әдеттер жүйесі қалыптасады. Ол белгілі – бір жағдаятқа байланысты. Сондықтан олардың негізгі белгілері қоғам өмірі бейнесіне сәйкес келеді. Бір қарағанда бәріне ортақ әдет-ғұрып әр мәдениетте өзіндік мағынаға ие, мысалы – баланың дүниеге келу, үйлену тойлары әдеттері. Оларды қалай өткізу әр халықта қалыптасқан салт-дәстүрге байланысты.

Құқық – мінез-құлықтың белгіленген міндетті ережелер жүйесі. Ол адамдардың мінез-құлық ережелері туралы адамдардың бірлескен келісімі. Бұл ережелер барлық азаматтар үшін міндетті, ал оның орындалуы қадағаланылады.

Құндылықтар категориясы адам санасында әртүрлі құбылыстарды салыстыру арқылы қалыптасады. Дүниені танып білу арқылы ол өзіне не қажет, не қажет емес, не өз өміріне маңызды, не маңызды емес т.б. екенін шешеді. Осының салдарынан адамда қоршаған ортаға деген қарым-қатынасы қалыптасады. Сол арқылы адам не маңызды, не маңызды еместігін анықтайды. Мәдениетте құндылық үлкен маңызға ие, себебі ол адамның табиғатқа, социумға, айналасына деген көз-қарасын, қатынасын белгілейді.

Мәдени құндылықтар әр адам өмірінде әртүрлі мағынаға ие. Сондықтан кей адамдар коллективті, ұжымдық құндылықтарды, ал басқалары – жеке басты, индивидуалды құндылықтарды мойындайды. Мәселен, АҚШ-та бірінші кезеңде жеке басты құндылық, тек содан кейін ғана әлеуметтік ортаның құндылығы тұрады, ал Жапонияда керісінше, әр адам алдымен қоғам мүшесі, содан кейін ғана жеке басы, яғни индивид ретінде түсіндіріледі. Құндылықтардың қайсысы адамдарға маңызды, қайсысы онша маңызды емес екендігі мәдениетке байланысты. Олардың құрылымы мен маңыздылығы мәдениет ерекшеліктерін белгілейді. Өз мәдениетінің құндылықтары басқа мәдениет иелерімен қарым-қатынас кезінде ғана бағаланып айқындалады. Коммуникация кезінде әртүрлі мәдениеттердің бір-біріне әсері, айырмашылығы мен ерекшеліктерін, құндылық бағдарын түсіне аламыз. Міне, осы кезде әртүрлі түсінбеушілік, келіспеушілік, есеңгіреу, ашулану, ренжу, бір-бірінен алыстау т.б. сол сияқты ситуациялар пайда болады.

Мәдениетаралық коммуникацияның ойдағыдай табысты өтуі адамдардың бір-бірінің мәдениетіндегі құндылықтар ережелерін жақсы біліп меңгеруіне байланысты.

«Мәдениетаралық компетенция» дегеніміз Н.Д.Галькованың пікірінше мыналар:

- басқа этностың мәдениетіне сезімталдықпен қарап, оны қабылдау, түсіну, өз мәдени құндылықтарымен салыстыра отырып, араларындағы ұқсастық пен ерекшеліктерді анықтау;
- өзге өмірге, өзге санаға, өзге құндылықтарды танып біліп, олармен қарым-қатынасқа түсе отырып өзінің әлем туралы бейнесін толықтыру [5].

Ол үшін тіл иелерінің өмір сүру ерекшеліктері мен тұрмыс жағдайларымен танысу, сол елге тән вербалды емес мінез-құлықтың этикасын меңгеру, мәдениетімен, әлеуметтік проблемалары мен бағыттарымен т.б. танысу қажет. Мәдениетаралық коммуникация кезіндегі қиыншылықтар бір жағынан тілге, екінші жағынан мәдениет ерекшеліктерінен туындайды.

Қазіргі заманда, әлемдік тәжірибе көрсеткендей, аккультурация процесінің ең тиымды стратегиясына интеграция жатады. Оның іске асуы мәдениетаралық біліктілікке байланысты. Ұлттық мінез-құлық дегеніміз не? Ол белгілі бір ұлттық қоғамға тән социалды-психологиялық белгілері және халық рухы көрінісінің жиынтығы. Ұлттық мінез-құлық пен ұлттық менталитет тығыз бір-бірімен байланысты. Ұлттық менталитет – адамның қоршаған ортаны қабылдаудағы және оның қоршаған ортаны сезіну, оған әсер ету ерекшелігі. Бұл өз кезеңінде тарихи тұрғыдан экономикалық, саяси шарттарға негізделеді, сол арқылы анықталады. Ұлттық мінез-құлық тарихи құбылысқа жатады. Ол – қоғамдағы қарым-қатынастың нәтижесі. Ұлт менталитеті ұлт өкілінің ақыл-ойы, ойлау көрінісі, рухы. Осылардың бәрі бірігіп әлем бейнесін, ұлттың мәдени құндылықтарын біріктіреді.

Этностың менталитетін және ұлттың ойсаналық архетипіне барып тірелетін, тілдің концептуалды жүйесінің аксеологиялық сипаттарын құрайтын тілдік бірліктердің қай-қайсысы да – когнитивтік лингвистика үшін аса маңызды проблемалардың бірі. Бұндай тілдік бірліктерді Е.М.Верещагин [3] мен В.Г.Костамаров (1983) өздерінің «Тіл және мәдениет» атты кітаптарында «**баламасыз лексика**» деген атаумен топтастырып жүр. В.Муравьев (1975) [4] бір тілдегі сөздің басқа тілде эквивалентінің болмауын «**лакуна**» терминімен атады. М.М.Копыленко [1] және З.Қ.Ахметжанова (1999) [6] басқа тілде эквиваленті жоқ бір лексемалы атауларды «**универб**» деп, ал ол сөзді түсіндіретін сөз тіркесін «**перифраз**» деп атағанды жөн санайды. Мысалы: қазақ

тіліндегі «сүйінші» сөзі орыс тілінде «подарок тому, кто сообщил добрую весть» болады. Немесе орыс тіліндегі «масленка» қазақша «май салатын ыдыс». Бұл жерде универб сөздер «сүйінші» және «масленка» болса, перифраз сол ұғымдардың сипаттама түсіндірмесі болып табылады (Ахметжанова 1999) [6]. Кейінгі жылдардағы салыстырмалы тіл білімі бойынша зерттеулерде осындай тілдік бірліктер лингвомәдениеттану және когнитивтік лингвистика ғылымдарымен тығыз байланыста қарастырыла бастады. Ізденушілер мен зерттеушілер әсіресе концептілер мен лингвокультуремалардың аудармада қалай берілетіндігін жаңа позициялар шеңберінде талдауға кірісті.

Әдебиеттер

1 Копыленко М.М. К построению семантической типологии (универбы и перифразы). // Проблемы семантической лексикологии. – Минск, 1973.

2 Есеналиева Ж.Ж. Лингвистикалық типология негіздері: Жоғары оқу орындарының студенттеріне және магистранттарға арналған оқулық. – Алматы, 2009.

3 Верещагин Е.М., Костамаров В.Г. Язык и культура. – Изд. 3. – М., 1983.

4 Муравьев В.Л. Лексические лакуны. – Владимир, 1975.

5 Муравьев В.Л. К вопросу об этнографических лакунах // Ученые записки Владимирского пед.института. Серия «Иностранный язык». – Владимир, 1977.

6 Ахметжанова З.К., Валиханова Р.Е. Сопоставительно-функциональное исследование лексико-фразеологических систем казахского и русского языков. – Алматы, 1999.

Есеналиева Ж.Ж., д.ф.н., профессор,
КазУМОиМЯ им. Абылай хана,
Алматы, Казахстан

Национальное поведение и особенности коллективного сознания

В статье рассматривается вопрос о том, что любой конкретный человеческий язык отражает определенный способ восприятия и понимания мира, причем все носители данного языка разделяют (зачастую не отдавая в том себе отчета) эту своеобразную систему взглядов на окружающую неязыковую действительность, так как это особое мировидение заключено не только в семантике лексических единиц, но и в оформлении морфологических и синтаксических структур, в наличии тех или иных грамматических категорий и значений, в особенностях

словообразовательных моделей языка и т.п. (всё это и входит в понятие языковой картины мира).

Esenalieva Zh.Zh., d.ph.sc., professor,
Kazakh Ablai Khan UIR&WL,
Almaty, Kazakhstan

The national conduct and peculiarities of collective consciousness

Any concrete human language reflects the determined way of acuity and feeling of world, moreover, all language speakers differently accept these notions. The special outlook includes not only semantics of lexical units but also using morphological and syntactic structures, availability of grammatical category and meaning, especially of word-formation model of languages. Making morphological and syntactic structures in the presence of various grammatical categories and values, especially word-formation models of language, etc. (All this is included in the concept of a language picture of the world).

УДК 801

Ожерельева А.В.,
КазУМОиМЯ имени Абылай хана,
Алматы, Казахстан (E-mail: anastassiya15@yahoo.com)

ИДЕЛОГЕМЫ КАК МЕТАФОРИЧЕСКИЕ КОНЦЕПТЫ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

В статье представлены результаты сопоставления понятий «идеологема» и «метафорический концепт», ранее не проводившегося в политической лингвистике. Показана их взаимосвязь. Обоснован вывод о том, что анализ метафорической репрезентации концепта «государство» в казахстанском политическом дискурсе и сопоставление полученных результатов с системой метафорических концептов в англоязычном политическом дискурсе может быть эффективно использован как метод конструирования системы идеологем, без разработки которой невозможно дальнейшее развитие идеологического строительства в Республике Казахстан.

Ключевые слова и фразы: политический дискурс, идеологема, метафорический концепт, метафорическая репрезентация, идеологическое строительство

Введение

В последние годы во всём мире обострилось противостояние национальных идеологий и либеральной идеологии «глобального управления».

В первой половине XX века роль идеологии была подавляющей – три четверти мира, так или иначе, служили ареной для идеологической борьбы, глобального столкновения идеологий фашизма, национализма, либерализма и социализма. Начиная с 60-х, многими политиками и политологами во всём мире неоднократно высказывались суждения об исчерпании идеологиями своих функций, о том, что они стали необходимы только как «подпорки» для уходящих в прошлое авторитарных, тоталитарных, недемократических режимов. В ряде научных работ был вынесен вердикт идеологии, провозгласивший ее «конец». Озвучили «приговор», в частности, исследователь постиндустриального общества американец Д. Белл [1] и немецкий политолог Х. Аренд [2]. У Ф. Фукуямы в ставшей классической работе «Конец истории?» идеология умирает, уступая место свободной конкуренции разных видов массовой культуры [3]. «После краха тоталитарной советской системы «понятие «идеология» приобрело негативный оттенок и в последнее время его используют в политическом лексиконе с большей долей скепсиса, отмечает Н.А. Назарбаев в работе «Идейная консолидация общества - как условие прогресса Казахстана» [4, с. 3].

Однако, как только в начале XXI века в очередной раз обострились противоречия между «цивилизацией модерна» и «традиционалистскими» сообществами (т.е. между «антропоцентристскими» и «социоцентристскими» социумами) – сразу же выяснилось, что идеологическое строительство в США и других странах Запада никогда не прекращалось. Оказалось, что в последние десятилетия роль идеологии как инструмента мировой политики вовсе не уменьшалась, а, напротив, возрастала. Идеологическое давление со стороны Запада всё чаще воспринимается как один из главных Вызовов существующему мироустройству. Одним из важнейших элементов этого Ответа на новые глобальные Вызовы является выработка адекватной национальной идеи – и основанной на этой идее государственной идеологии, реально способной противостоять идеологическому давлению.

Как отметил Н.А. Назарбаев, «по сути, идеология – это прошедший проверку временем способ консолидации и мобилизации сообщества

людей на решение политических и экономических задач, это механизм формирования социального поведения» [4, с. 4].

Государство не может относиться безучастно к многообразию различных идеологических и политических течений, которые «возникают и существуют для того, чтобы влиять на государственную и общественную жизнь» [5, с. 23]: государственная идеология «отражает, оценивает общественную действительность и служит средством преобразования ее в интересах определенных социальных слоев или всего общества» [6, с. 245].

Государства, которые не захотели тратить свои силы и ресурсы на разработку общенациональной идеи стали «платить дань» и принимать важнейшие решения под диктовку тех государств и сообществ, у которых сегодня идеология есть. Те же, кто осознал это и попытался предложить собственную национальную идеологию, столкнулись с необходимостью использования в своём идеологическом строительстве современных технологий – иначе победить в противостоянии идеологий стало невозможно. Качественное увеличение скорости всех социальных процессов потребовало соответствующего ускорения темпов идеологического строительства и применения специально разработанного инструментария – системы идеологем, закрепляющих политическую идею в общественном сознании.

Результаты исследования

1. Термин идеологема, впервые, по-видимому, использованный в работах М.М. Бахтина для обозначения объективно существующих форм идеологии, как «экспликация, способ репрезентации той или иной идеологии, единицы идеологической картины мира, мифологизированное представление о власти, государстве, гражданском обществе, политических и идеологических институтах, гипотезы смысла» [7, с. 105]. Сегодня этот термин употребляется во многих отраслях научного знания: от философии и истории до культурологии и лингвистики. В политической лингвистике (а также в культурологии, политологии, социологии и истории) идеологема трактуется по-разному.

Можно выделить два различных подхода к пониманию идеологемы как феномена. При расширенной, лингвокультурологической трактовке, система идеологем – это тоталитарный язык, средство отражения и формирования идеологизированного сознания – такую трактовку мы обнаруживаем в работе Т.Новиковой [8] и в монографии Г.Ч.Гусейнова «Д.С.П. Советские идеологемы в русском дискурсе 1990-х» [9].

Исследователь, с одной стороны, понимает под идеологемой любую языковую единицу (в том числе текст или сумму текстов), которая «маркирует» для носителей языка идеологию; с другой стороны, признаёт существование идеологем как концептуальных элементов идеоло-

гии, которые репрезентируются в языке разноуровневыми единицами. Еще более широкое, культурологическое, понимание идеологема демонстрирует Г.Гусейнов в монографии «Карта нашей родины: идеологема между словом и телом» [10]: в ней географическая карта трактуется как идеологема.

Говоря о более узкой, лингвистической трактовке термина идеологема, можно отметить, например, определения Н.А.Купиной, А.П.Чудинова, Т.Б.Радбиля и др. исследователей, которые сходятся в том, что идеологема – это вербальная единица, слово, «непосредственно связанное с идеологическим денотатом» [11, с. 91], имеющее в своем значении идеологический компонент [12, с. 92]; «любое словесное обозначение значимых для личности духовных ценностей, при котором как бы размывается прямое, предметное значение слова, а на первый план выходят чисто оценочные, эмоционально-экспрессивные коннотации, не имеющие опоры в непосредственном содержании слова» [13, с. 22].

Так, Н.А.Купина определяет идеологема как «мировоззренческую установку (предписание), облеченную в языковую форму» [11, с. 43], «языковую единицу, семантика которой покрывает идеологический денотат или наслаивается на семантику, покрывающую денотат неидеологический» [14, с. 183].

Есть и другой, «когнитивно ориентированный» подход. Который также представлен в работах целого ряда авторов.

По мнению А.А. Мирошниченко, идеологема является концептом, а лингвема – индикатором лингво-идеологема» [15]. Автор полагает, что лингвемой, то есть средством языковой объективации идеологема, может являться «любая единица языка, а также любое синтаксическое или семантическое отношение в языке» [15].

Различными исследователями идеологема также трактуются в контексте их взаимосвязи с мифологемами (И.Т. Вепрева) [16], политемами и социологемами (О.И. Воробьева) [17].

По мнению Е.Г. Малышевой, идеологема как ментальная единица характеризуется национальной специфичностью, динамичностью семантики, повышенной аксио-логичностью, частотностью и разнообразием способов репрезентации знаками различных семиотических систем, в том числе и языковой. Употребление вербальных маркеров идеологема – ключевого слова, клише, устойчивых метафор и под. – является одним из способов ее языковой реализации. [18]

Предпринимая попытку в рамках коммуникативной стилистики разграничить понятия идеологема, концепт и ментальный стереотип, Н.И. Клушина признает, что, во-первых, это смежные единицы одного – ментального, когнитивного уровня; а во-вторых, что идеологема, так же как

концепт и ментальный стереотип, репрезентируется в текстовом пространстве дискурса [19, с.38].

Как мы видим, в современной лингвистике достаточно устойчиво представление об идеологеме либо как о собственно вербальной единице, репрезентирующей базовые идеологические установки, ценности в языке и особенное значение приобретающей в языке тоталитарном, либо как о единице любого языкового (и даже текстового) уровня, функцией которой становится экспликация системы идеологических доминант. Однако описываемый феномен прежде всего универсалия мыслительная, когнитивная (что, кстати говоря, в целом не противоречит бахтинским представлениям об идеологеме), единица идеологической картины мира, которая объективируется в тексте (в том числе в тексте креолизованном) и – шире – в дискурсе собственно языковыми единицами разных уровней, а также знаками других семиотических систем.

2. Переход к когнитивно-дискурсивной парадигме лингвистического знания, произошедший в конце XX века, заставил исследователей посмотреть на уже знакомые вещи с другой точки зрения. Именно этот подход обусловил возросший интерес к метафоре, которая из фигуры речи, особого риторического приема, превратилась в новый объект исследования и стала рассматриваться как один из базовых механизмов репрезентации знаний в языке.

Развитие представлений о метафоре можно описать как смену определенных теорий метафоры: можно говорить о классической теории метафоры, об интеракционистской теории метафоры и, наконец, о когнитивной теории метафоры [20].

Основным положением когнитивной теории метафоры является положение о том, что концептуальная метафора – это базовая ментальная модель, универсальное орудие мышления и познания мира во всех сферах деятельности, фундаментальное свойство языка. Метафора основана на сходстве и позволяет осмыслять объекты (явления, сущности) на основе знаний о других объектах (явлениях, сущностях), она получает выражение в языке, дискурсе, тексте в виде целостной системы метафорических выражений [21].

Согласно разработанной Дж. Лакоффом и М.Джонсоном «теории концептуальной метафоры», в основе метафоризации лежит процесс взаимодействия между структурами знаний (фреймами и сценариями) двух концептуальных доменов – сферы-источника (или области-источника) и сферы-мишени (или области-цели). Базовым источником знаний, составляющих концептуальные домены, является опыт непосредственного взаимодействия человека с окружающим миром, причем первичным является физический опыт, организующий категоризацию действительности в виде простых когнитивных структур, гештальтов

или образ-схем. Выдвигается тезис об однонаправленности метафорической проекции, т.е. о том, что метафорическая проекция происходит исключительно от сферы-источника к сфере-мишени [22].

Идеи Дж. Лакоффа и М. Джонсона нашли отклик у большого количества исследователей, причем одни разделяли выдвинутые идеи (А.Н.Баранов, Ю.Н.Караулов, Ю.Б. Феденева, Р.В. Гиббс, НЛ. Вилсон и др.), а другие, наоборот, подвергали теорию концептуальной метафоры критике (М.В.Никитин, С.Коулсон, А.Мусольф, Т.Оукли, Дж. Барден, Т.Вил и др.). Анализ различных подходов к пониманию и описанию концептуальной метафоры в зарубежной и отечественной лингвистике показывает, что можно констатировать существование нескольких отдельных «школ», фокусирующихся на разных аспектах данного феномена. Терминологический аппарат когнитивной лингвистики до сих пор нельзя назвать устоявшимся, так как разные «школы» используют различные термины.

При рассмотрении концептуальной метафоры исследователей в первую очередь интересует система метафорических переносов, существующая в языке. Следовательно, концептуальная метафора может быть определена как «типовая форма переноса признаков одной понятийной сферы на другую понятийную сферу, т.е. некая концептуальная схема, продуцирующая переносные (метафорические) смыслы слов и высказываний. Вслед за Дж. Лакоффом и М. Джонсоном, современные исследователи подчеркивают, что «концептуальная метафора – это не метафора особого рода, а концепт особого рода» [23, с.15]. Поэтому большинство исследователей ставят задачу выделения репертуара метафорических концептов (МК), используемых в различных видах дискурса. При этом МК «представляют собой не простой набор концептов, но сложную и многомерную систему, определенным образом структурированную» [24, с.27].

Выявление общих МК определённого типа дискурса в разных языках и национальных особенностей их реализации побудило специалистов признать существование такой характеристики метафорической модели как дискурсивная устойчивость – «свойство модели, характеризующее ее способность к изменению частотности при смене сферы-мишени в качестве объекта рассмотрения» [25, с.53].

Такой подход позволяет не только определить национальную специфику политических метафор – идеологем позволяет получать достаточно надежные данные о когнитивной укорененности определенного способа осмысления мира в национальном сознании.

Т.е. сопоставительный анализ МК в политическом дискурсе разных языков может быть использован в практических целях – для разработки

системы идеологем, закрепляющих политическую идею в общественном сознании.

Выводы

1. До последнего времени никто из исследователей не пытался соотнести понятия «идеологема» и «метафорический концепт». Специалисты описывают, их взаимосвязь, например, так: «языковая объективация идеологемы происходит вербальными средствами, такими как мировоззренчески насыщенное обобщающее слово, чаще всего образное слово, метафора, обладающая мощной суггестивной силой» [19, с. 38].

Нами доказано, что идеологемы можно трактовать как специально отобранные мировоззренчески насыщенные метафорические концепты, обладающие мощной суггестивной силой.

2. В современном мире любая идеология находится в состоянии конкуренции с другими идеологиями, предлагая свой набор идеологем, догм, стереотипов и т.п. [26, с. 51]. Метафорические концепты, отнесённые к категории идеологем, описывают политические идеи в терминах архаических мифов и других стереотипов сознания, укоренившихся в национальной культуре на уровне подсознания; они опираются исключительно на эмоциональные оценки [27, с. 243]. Политическая идея, чтобы стать идеологией, должна быть описана этими образными эмоционально насыщенными метафорами, глубоко укоренёнными в национальную культуру, язык и традиции. Решение практических задач идеологического строительства невозможно без конструирования системы идеологем.

3. Идеологию западной «цивилизации модерна» можно описать как системное противопоставление двух групп идеологем, имеющих контрастную эмоциональную окраску:

- позитивную (демократия, народ, честные выборы, инновации, прогресс, законность);
- негативную (коррупция, кризис, деградация, произвол, беззаконие) [28].

Однако наш мир столь велик и многообразен, что в нём есть место и для диаметрально противоположных вариантов эмоциональной маркировки этих идеологем.

Например, концептуальным элементом идеологии радикального исламизма, отразившей энергетику озлобленной и обездоленной части мусульманского населения, рассматривающего Запад как первопричину своей отсталости и приниженности, является негативная эмоциональная окраска практически всех «общепризнанно позитивных» идеологем – таких, как «западная демократия» в терминах дихотомии «атлантизма»-«европеизма», «федерализма» и «мультикультурализма» [29] и «глоба-

лизация» в терминах «устойчивого развития», «прав человека», «рыночной экономики» и «свободной прессы» [30].

4. Общенациональная идея социальной модернизации как процесса построения «Общества Всеобщего Труда» была предложена Президентом РК Н.А. Назарбаевым в 2012 г. [31]. За прошедшие два года она была конкретизирована в таких Государственных программах как Стратегия «Казахстан-2050» (2012) [32] и «Концепция социального развития РК» (2014) [33].

Однако воплотить национальную идею в государственную программу идеологического строительства Правительству пока так и не удалось: казахстанские специалисты отмечают, что «идеологические установки общества и государства Республики Казахстан всё ещё требуют существенного системного усложнения и доработки, более глубокой структуризации по сферам их приложения» [34].

5. Проблемы незавершённости формирования механизмов идеологического строительства в Республике Казахстан обуславливают актуальность поиска новых научных подходов к разработке системы идеологием, продвигающих национальную идею. По нашему мнению, в качестве одного из таких подходов может быть использован анализ метафорической репрезентации концепта «государство» в русскоязычном казахстанском политическом дискурсе и сопоставление полученных результатов с системой метафорической репрезентации концепта «государство» в англоязычном политическом дискурсе.

Список литературы

- 1 Bell D. The End of Ideology. – Glenon, 1964.
- 2 Arendt H. The Origins of Totalitarianism. – Harcourt, 1973.
- 3 Fukuyama F. The End of the History? // The National Interest. – 1989. - № 3.
- 4 Назарбаев Н.А. Идейная консолидация общества - как условие прогресса Казахстана. - Алма-Ата: ФПИ «Казахстан - XXI в.», 1993. – 32 с.
- 5 Сапарғалиев Г.С. Парламентское право. – Астана: ТОО «Институт законодательства РК», 2009. – 308 с.
- 6 Сапарғалиев Г.С. Конституционное право Республики Казахстан: Академический курс. Изд.3-е, с доп. – Алматы: Жеті жарғы, 2011. – 544 с.
- 7 Бахтин М.М. Слово в романе // Вопросы литературы и эстетики. – М., 1975. - 348 с.
- 8 Новикова Т. Анализ принципов толерантности в текстах СМИ // RELGA. Научно-культурологический журнал. – 2006. - №21 (143).
- 9 Гусейнов Г.Ч. Д.С.П. Советские идеологемы в русском дискурсе 1990-х. – М: Три квадрата, 2004. – 240 с.

- 10 Гусейнов Г.Ч. Карта нашей родины: идеологема между словом и телом. – М.: «О.Г.И», 2005. – 216 с.
- 11 Купина Н.А. Тоталитарный язык: Словарь и речевые реакции. - Екатеринбург-Пермь, 1995. – 160 с.
- 12 Чудинов А.П. Политическая лингвистика. Учебное пособие. - М.: Флинта: Наука, 2007. – 254 с.
- 13 Радбиль Т.Б. Мифология языка Андрея Платонова: монография – М.; Н. Новгород: Изд-во НГПУ, 1998. – 116 с.
- 14 Купина Н.А. Языковое строительство: от системы идеологем к системе культурем // Русский язык сегодня. Вып. 1. / РАН. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. / Отв. ред. Л.П. Крысин.- М.: «Азбуковник», 2000. – С.182-189.
- 15 Мирошниченко А.А. Лингво-идеологический анализ языка массовых коммуникаций: Автореф. дис. канд. филол. наук. – Ростов-на-Дону, 1996. – 16 с.
- 16 Вепрева И. Т. Идеологема и мифологема: интерпретация терминов / И. Т. Вепрева, Т.А. Шадрин // Научные труды профессоров Уральского института экономики, управления и права. Вып. 3. – Екатеринбург, 2006. – С. 120-131.
- 17 Воробьева О.И. Политическая лингвистика. Современный язык политики. – М.: ИКАР, 2008. – 296 с.
- 18 Малышева Е.Г. Идеологема как лингвокогнитивный феномен: определение и классификация // Психология человека, 2009. - Режим доступа – URL: <http://psibook.com/linguistics/ideologema-kak-lingvokognitivnyy-fenomen-opredelenie-i-klassifikatsiya.html> - (дата обращения 10.04.2015).
- 19 Клушина Н.И. Интенциональные категории публицистического текста (на материале периодических изданий 2000-2008 гг.): Автореф. дис. .... докт. филол. наук. – М., 2008. – 62 с.
- 20 Шустрова Е.В. Когнитивно-дискурсивное исследование концептуальной метафоры в афроамериканской художественной картине мира: дис. ... докт. филол. наук. – Екатеринбург, 2008. – 530 с.
- 21 Мишанкина Н.А. Метафорические модели лингвистического дискурса // Вестник Томского государственного университета Серия «Филология». - 2009. - № 324.- С. 41-49.
- 22 Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем (Metaphors We Live By). – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
- 23 Беляевская Е.Г. Номинативный потенциал концептуальных метафор (концептуально-метафорическая репрезентация как иерархическая система) // Актуальные проблемы современной лексикологии и фразеологии: сб. науч. тр. к 100-летию проф. И.И. Чернышевой / ред.Г.М. Фадеева – М.: ИПК МГЛУ «Рема», 2011. – С. 13-30.

24 Чудинов А. П. Спортивная метафора в современном российском политическом дискурсе // Вестник ВГУ. Серия лингвистика и межкультурная коммуникация. - 2001. - № 2. - С. 26-31.

25 Будаев Э.В. О дискурсивной устойчивости метафорических моделей в политическом дискурсе // III Международные Бодуэновские чтения: И.А.Бодуэн де Куртенэ и современные проблемы теоретического и прикладного языкознания (Казань, 23-25 мая 2006 г.): труды и материалы: в 2 т. / Казан, гос. ун-т; под общ. ред. К.Р.Галиуллина, Г.А.Николаева – Казань: Изд-во Казан, ун-та, 2006. – Т.1. – С. 53-55.

26 Брандес М.Э. Идеология и миф: общие черты // Политическая наука. Политическая идеология в современном мире: Сб. науч. тр. / РАН ИНИОН. Ред. и сост. вып. Малинова О.Ю. – М., 2003. – С.45-59.

27 Набоков В. Лекции по зарубежной литературе – М.: Независимая Газета, 2000 г. – 512 с.

28 Утенков Г.Н. Стратегические идеологемы практической политологии // Вестник Поволжской академии государственной службы. – 2012. - № 4. – С. 36-41.

29 Байков А.А. Идеологический компонент в эволюции Евросоюза // Полис - №1. – 2013. – С. 130-141.

30 Павленко В. Б. Мифы «устойчивого развития». «Глобальное потепление» или «ползучий» глобальный переворот? – М.:ОГИ, 2011. – 944с.

31 Назарбаев Н.А. Социальная модернизация Казахстана: двадцать шагов к Обществу Всеобщего Труда // ИА Казинформ, 10.07.2012. – Режим доступа – URL: <http://www.inform.kz/rus/article/2478336> (дата обращения 08.04.2015).

32 Назарбаев Н. А. Послание народу Казахстана. Стратегия «Казахстан-2050»: новый политический курс состоявшегося государства» – Астана, 14.12.2012. – Режим доступа – URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/K1200002050> - (дата обращения 12.04.2015).

33 Концепция социального развития Республики Казахстан до 2030 года. Утверждена постановлением Правительства Республики Казахстан от 24 апреля 2014 года - № 396. - Режим доступа – URL: <http://normativ.uchet.kz/view.php?ID=107403> - (дата обращения 10.04.2015).

34 Тулешов В. Критерий развитости: Казахская идеология как деконструкция и универсализация новейшего политического дискурса // ИАП SPIK.KZ, 8. 01. 2013. – Режим доступа – URL: <http://www.spik.kz/?tpl=print&lan=ru&id=103&pub=2748>. – (дата обращения 12.04.2015).

Ожерельева А.В.,
Абылай хан атындағы ҚазХҚжәнеӘТУ,
Алматы, Қазақстан

Саяси дискурстағы идеологемдер метафоралық концептер ретінде

Мақала «идеологема» мен «метафоралық концепт» ұғымдарын салыстыру нәтижелеріне ұсынылған. Қазақстандық саяси дискурста «мемлекет» концептін метафоралық тұрғыдан көрсету және алған нәтижелерді ағылшын тіліндегі саяси дискурстағы метафоралық концепт жүйесімен салғастыру Қазақстан Республикасында идеологиялық жүйе құру үшін қажетті әдіс ретінде тиімді қолданылған.

Ozherelyeva A.V.,
Kazakh Ablai khan UIR&WL,
Almaty, Kazakhstan

Ideologeme as metaphorical concepts in political discourse

The article represents the results of the comparison of the concepts of “ideologeme” and “metaphorical concept” previously hadn’t been held in political linguistics and to show their relationship and connection. The conclusion is that the analysis of the metaphorical representation of the concept “state” in Kazakhstan's political discourse and comparison of the results obtained with the system of metaphorical concepts in English political discourse can be effectively used as a method of constructing of a system of ideologies, without developing crucial for further development of the ideological construction in the Republic of Kazakhstan.

УДК 811.133.101

Барабаш Е.С.,
КазУМОиМЯ имени Абылай хана,
Алматы, Казахстан, bes198908@gmail.com

**LE CONCEPT DE L'HONNEUR DANS LA
CONSCIENCE FRANÇAISE
(HONOR CONCEPT IN THE FRENCH CONSCIOUSNESS)**

The article deals with the concept of honor in French language consciousness. The analysis of a concept of honor in the French culture on the basis of research of its linguo- culturological anthropology was conducted. The author made the historical review of an honor concept presence and the reflection in language by the analysis of dictionary definitions, contexts of works of art in the French literature, works of the French and francophone sociologists and historians on this problematic.

Keywords: concept, consciousness, honor, anthropology

Les changements politiques, économiques et sociaux qui se passent dans la communauté mondiale les dernières décennies conditionnent l'actualité de la morale et de ses catégories, en particulier de la catégorie "honneur".

L'écrivain G. Bernanos écrit «l'honneur c'est le sel de la terre», la personne ou le peuple qui ne possèdent pas l'honneur, commenceraient à pourrir bientôt; l'honneur et la vie de la nation font l'unité; d'autres notions - l'égalité, le droit, la justice peuvent être perçues différemment; le concept "l'honneur" c'est la réalité, dont la compréhension est ouverte aux vieux comme aux enfants [1, p.63].

Analyserons donc ce concept de l'honneur dans les aspects synchroniques et diachroniques, comme le concept qui se trouve dans le développement, lié avec l'histoire du peuple, qui se change avec la modernité et en même temps qui est précipité au futur. Dans des articles des écrivain, des sociologues, des chercheurs, des hommes de lettres français et francophones on remarque un profond enracinement de ce concept dans la conscience historique du peuple. L'apparition de la notion "l'honneur", "la dignité" est liée à l'histoire de l'apparition de la chevalerie et à la diffusion du christianisme, qui sont les procès considérés comme les moments essentiels de la formation de la nation française. Dans tous ces cas les indications de l'époque de l'apparition du concept ont le caractère généralisé et idéalisé. Par exemple, pour G. Bernanos c'est la bonne vieille France, - «le plus vieux pays chrétien de l'Europe», la nation, «formé pendant des siècles». Les notions "l'honneur", "la dignité" sont examinés comme uns des réflexes héréditaires du peuple français. La

chevalerie française c'est «la plus vieille aristocratie militaire de l'Europe» qui joue le rôle du représentant idéal du concept "l'honneur" [1, p. 99-102].

On peut distinguer trois concepts derrière les mots qui expriment l'honneur. L'«honneur» est tout d'abord la considération et l'estime dont une personne jouit, une composante et une conséquence psychique de la réputation, phénomène social. Le second sens vise le sentiment que chacun a de sa propre valeur, et l'obligation d'agir et de se comporter selon certaines normes morales. Le mot attribué à François Ier («tout est perdu, fors l'honneur») est à mettre au compte de cet aspect. L'honneur comme effet de la réputation et l'honneur comme sentiment du sujet sont en étroite relation, étant tributaires de jugements de valeur de même nature. Enfin, *les honneurs* – au pluriel se dit des récompenses et des marques de considération que l'on peut recevoir des institutions [2].

L'honneur peut se définir comme un lien entre une personne et un groupe social qui lui donne son identité et lui confère le respect. L'honneur se gagne par des actes admirés par la collectivité; on subit la honte en conséquence d'actes méprisés. En ce sens, l'honneur est un attribut collectif, comme la vertu est un attribut individuel. Il peut y avoir des vertus secrètes; d'honneur secret, point. L'honneur, mais surtout le déshonneur et la honte se transmettent aux proches par contagion.

Dans une même société, il y a le plus souvent des groupes d'honneur différent. Dans les groupes criminels, ne pas parler à la police est une question d'honneur; fréquenter un délateur atteint au statut de la personne; tandis que dans la même ville, d'autres gens ont une répulsion du même ordre en ce qui concerne l'usage de la violence, et considèrent comme moralement contaminée une personne qui la pratique, fut-ce dans un contexte sportif, comme la boxe ou le rugby. Si Boileau note qu'un vrai fourbe met son honneur à ne jamais tenir sa parole (*Satires XI*) c'est que la valeur de référence, pour ceux qu'il estime, c'est le pouvoir de manipuler son prochain; c'est ce qui le définit comme fourbe.

Pour ses origines 'L'honneur' doit au latin classique où «*honos*», «*honoris*», signifiait un honneur rendu aux dieux ou décerné à quelqu'un, une certaine marque de considération; un charge, une magistrature, c'était la fonction publique. A l'époque médiévale, «honor» désigne surtout la charge octroyée par le roi au comte, au duc, aux officiers royaux» [3].

La langue grecque, illustrée par Aristote, distinguait *eudoxia*, le fait d'«être considéré par tout le monde comme un homme excellent», et *timé* «reconnaissance publique due à un citoyen pour sa contribution à la prospérité collective» (Rhétorique, I). L'honneur est conçu comme un jugement de valeur (une «évaluation», dit Aristote) portant sur des qualités suprêmes, au-delà de ce qui est simplement digne d'un «éloge» ou «bon discours» [4].

L'époque de christianisme, a condamné la recherche de l'honneur et surtout celle *des* honneurs. La littérature médiévale nous brosse le portrait d'une époque où régnait, au sein de l'aristocratie, une morale « héroïque » attachée à la recherche de la gloire, de la renommée et de l'honneur. Comme le note Paul Bénichou, « la société noble n'a jamais admis la censure des passions pour condition de la valeur humaine. Pour les nobles, le seul devoir est d'être digne d'eux-mêmes, de porter assez haut leurs visées, et de donner aux petits des exemples suffisamment édifiants de leur grandeur» [5, p.20]. La société laïque, dans sa classe supérieure, la noblesse, n'a jamais accepté la censure de l'orgueil noble par l'Église. La Renaissance et le retour des sources antiques ont même permis une affirmation encore plus audacieuse des valeurs aristocratiques, «haussées au niveau d'une glorification de la puissance humaine à travers le type de l'aristocrate» [5, p.20].

Critiqué par les moralistes et les poètes, l'honneur, pendant toute l'époque classique, a eu Europe deux patries: l'armée et l'Espagne, où un système social rigoureux se réfère à deux pouvoirs, Dieu et le roi, et se maintient par le respect d'un code d'honneur. Dans toute la période classique, le culte de l'honneur est à son comble en Europe. En France, le théâtre de jeune Pierre Corneille, qui s'inspire, dans le Cid, du poème épique de Guillén de Castro et qui demeure très hispanisant, présente cette version renouvelée d'une morale de l'orgueil. Rodrigue, qui a vengé l'affront dont son père a été victime, est remercié en ces termes par Don Diègue : « Je t'ai donné la vie, et tu me rends ma gloire; / Et d'autant que l'honneur m'est plus cher que le jour, / D'autant plus maintenant je te dois de retour» [6]. La morale aristocratique présente alors « l'amour de la gloire comme un mouvement vers un bien immatériel, par lequel l'âme échappe à l'injurieuse dépendance des choses, comme une démarche spontanément idéale de la nature humaine». «Honneur» et «gloire» sont alors à peu près confondus [5, p.133].

Un autre aspect de la recherche de l'honneur peut apparaître comme un ciment social. C'est le cas dans Montesquieu, qui voit dans l'honneur le principe du gouvernement monarchique [7]. Le principe d'un gouvernement, ce sont «les passions humaines qui le font mouvoir»; celui de la démocratie est la vertu, de l'aristocratie, la modération, alors que le propre du gouvernement monarchique est de réaliser de grandes choses sans ces vertus, car en général, «le peuple y est complètement dénué de vertu». ce qui vient pallier cette absence, c'est l'honneur qui contraint chacun à faire, par souci de sa réputation, ce qu'il devrait faire par vertu [7, § 6 et 7].

L'honneur est une marque de vénération, de considération attachée elle aussi à la vertu et au mérite. Consécutivement, l'honneur est donc une forme d'estime dont on jouit après le combat comme une récompense. Il faut alors comprendre que, pour bénéficier de l'honneur, pour être qualifié d'honorable, il fallait donc avoir combattu. En ce sens, ne rien faire n'était pas un

comportement pouvant être qualifié d'honorable, alors qu'il pourrait l'être à notre époque plus paisible (patience courageuse, abstention de revanche, primauté de la réflexion sur l'action, refus de faire une chose choquante, méditation et contemplation monastiques, etc.).

A partir de la fin du XIXe siècle, l'honneur, grandement dévalué dans les sociétés les plus développées industriellement et techniquement, est devenu un objet d'étude privilégié des anthropologues. La recherche de l'honneur, dans son sens le plus large est alors considérée comme une caractéristique humaine universelle.

La nécessité absolue de tenir son rang, qui peut mener à la mort, est au cœur de l'institution du potlatch, étudiée par Marcel Mauss. Selon Mauss, les sociétés sont animées par des mouvements d'échanges entre les groupes qui les composent, échanges qui mobilisent tous les aspects de la vie collective (ce sont des «faits sociaux totaux»), mais qui ne sauraient être conçus comme des actes commerciaux régis par l'intérêt et le principe de troc. Le sociologue rapproche ce système de dons de la conception chinoise de l'honneur comme la « face » qu'on ne doit pas «perdre» [8].

Plus récemment, l'anthropologie anglo-saxonne a proposé des analyses détaillées, ce qui a été appelé le système de l'honneur et de la honte de la Méditerranée [9]. Julian Pitt-Rivers a proposé une anthropologie de l'honneur. Selon cet ouvrage, l'honneur est à la fois la valeur qu'une personne possède à ses propres yeux, son prix, ce qu'elle vaut au regard de ceux qui constituent sa société.

Par l'analyse de l'honneur méditerranéen, observé notamment en Espagne, J. Pitt-Rivers expose un véritable «système de l'honneur» qui engage non seulement l'individu, mais également le groupe familial. Ses membres sont tous solidaires dans l'honneur et le déshonneur. Pour les femmes l'honneur passe par l'honneur de la famille dépend essentiellement d'elles –, la réputation dépend de la manifestation publique de la «honte». Pour une femme, avoir de la «honte» implique avoir ou manifester une retenue adéquate en public, et éviter des lieux considérés comme compromettants [9].

Sans suivre les «syllogismes de l'amertume» de Cioran, où le «préjugé de l'honneur est le fait d'une civilisation rudimentaire» et où la lucidité de l'homme moderne engendre le «règne des lâches, de ceux qui ayant tout «compris», n'ont plus rien à défendre », on doit admettre que des valeurs comme l'honneur, la vertu, le respect, célébrées par des civilisations qui ne sont «rudimentaires» qu'en apparence, constituent des armatures sociales dont le défaut met en péril la civilisation. Les préjugés, les instrumentalisation, les mensonges de l'honneur seraient-ils parvenus à tuer l'honneur?

References

- 1 Bernanos G. Le Chemin de la Croix-des-Ames: première édition. – Paris: Le Rocher, 1987.
- 2 Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française Le petit Robert 2012 / Sous la dir. de J. Rey-Debove et A. Rey. – Paris: Millésime, 2012.
- 3 Dictionnaire de la langue française Trésor de la langue française. Vol.9 G-Incarner, XVIII-1338 p. Article « Honneur ». – Paris: CNRS Editions, 1981.
- 4 Dictionnaire culturel en langue française. Le Robert – Sejer. Tome II Détonant – Légumineux. Sous la dir. d’A. Rey. Article «Honneur». – Paris: Le Robert, 2005.
- 5 Bénichou P. Morales du Grand Siècle. – Paris: Gallimard, 1948.
- 6 Corneille P. Le Cid. – Paris: Gallimard, 2004.
- 7 Montesquieu. De l’esprit des lois. livre III. – Paris: Gallimard, 1995.
- 8 Mauss M. Essai sur le don, 1924 repris dans Sociologie et anthropologie. – Paris: PUF «Quadrige», 1999.
- 9 Pitt-Rivers J. Honor and Shame and the Unity of the Mediterranean. – Washington, 1987.

Барабаш Е.С.,

Абылай хан атындағы ҚазХҚжӘнеӘТУ,
Алматы, Қазақстан

Намыс концепті француздық сана-сезімінде

Француздық тілдік сана-сезімінде намыс концепті қарастырылады. Француз мәдениетіндегі намыс концептің оның лингвокультурологиялық антропологиясын зерттеу негізінде талдау жүргізілген. Автормен тілдегі намыс концептің болуын және оның тілге әсерінің тарихи шалуын сөздік дефиницияларды, француз әдебиетінің көркем шығармаларының контекстің, берілген тақырып бойынша француздық және франкофондық әлеуметтанушылар және тарихшылар жұмыстарын талдау арқылы жүргізілген.

Барабаш Е.С.,

КазУМОиМЯ имени Абылай хана,
Алматы, Казахстан

Концепт «чести» во французском языковом сознании

В статье рассматривается концепт чести во французском языковом сознании. Произведен анализ концепта чести во французской культуре

на основе исследования его лингвокультурологической антропологии. Автором произведен исторический обзор наличествования концепта чести и его отражения в языке путём анализа словарных дефиниций, контекстов художественных произведений французской литературы, работ французских и франкофонных социологов и историков по данной проблематике.

УДК 821.872.122'25

Kuanishbayeva A.N.,
Kazakh Ablai khan UIR&WL,
Almaty, Kazakhstan
e-mail: (orange_marmalade@mail.ru)

TYPES OF SPEECH COMPRESSION WHILE INTERPRETING POLITICAL DISCOURSE INTO KAZAKH LANGUAGE

The main task of this article is to show the most effective strategy for simultaneous interpreters. This article describes different types of compression that are used in simultaneous interpretation as a time-saving technique with regard to redundant or repetitive information, especially when a speaker's tempo is fast. In the practical part of this article there are given examples which show that the usage of compression in the simultaneous interpretation saves time, thereby reducing an extra information. There is also statistics conducted among students, according to this statistics it is proved that the usage of compression is advantageous strategy for simultaneous interpreters.

Keywords: compression, political discourse, simultaneous interpretation, consecutive interpretation, anticipation, expansion, synthesis, substitution

Simultaneous Interpretation was first used at a conference of the International Labor Organization in Russia in 1927. The basic reason of usage the simultaneous interpretation is to substitute the consecutive interpretation that took much time on different kinds of international conferences, negotiations and meetings. The general public was introduced to simultaneous interpretation as a communication tool at the Nuremburg war crime trials beginning in 1945. The United Nations is perhaps the best known institution which regu-

larly relies on this form of interpretation to allow its members to communicate in any of the six official languages. Conference Interpreting is used mostly for formal conferences and meetings where the participants are from different countries or speak different languages, e.g. EU Conferences, International Meetings, Company Annual General Meetings, Internal Company Conferences, etc [1].

Simultaneous interpretation is a much more complex and strenuous process than consecutive interpretation. Interpreters sit in an isolated booth, listen to the speaker through a headset, and speak the translation into a microphone, which is wirelessly transmitted to headsets worn by audience members. It is the most sophisticated form of interpretation and the interpreters always work in pairs for each language. Period of continuous work should not exceed 15-20 minutes [2].

Simultaneous interpretation has been a key factor in facilitating communication among different cultural and linguistic groups, thereby contributing to the establishment of the modern global economy. The simultaneous interpretation medium delivers a very important message: that the complete involvement of each delegate is highly valued and essential to the success of the conference. Simultaneous interpretation is especially necessary for effective communication in political discourse.

The first observation that needs to be made about political discourse is that it is not a genre, but a class of genres defined by a social domain, namely that of politics.

Thus, government deliberations, parliamentary debates, party programs, and politicians' speeches are among the many genres that belong to the domain of politics. In a more action-oriented way, we may also say that discourse is political when it accomplishes a political act in a political institution, such as governing, legislation, electoral campaigning, and so on. This is not a straightforward structure, comparable to the construction of any other types of discourse. For example, debates in parliament. Such debates have specific and unique discursive properties, and stylistic interactional constraints, as well as specific lexicon [3, p. 19].

Nowadays Kazakhstan is turning into a leading state in the international arena. Kazakh people, the President of Kazakhstan, and its representatives are highly respected in major political meetings.

Everyone knows that state policy, especially its foreign policy play an important role in our society, because it defines our country's relations with other countries and its place in world associations. We need to emphasize that an important thing is the representation of country's authority through its president or representatives. Thus, the President and politicians are privileged to give speeches, which represent people's interests, and convey message to a world community. Thus, we can notice that political discourse is the relation

between person and society. When we talk about political discourse, we imagine some politicians in front of our eyes. Each politician is a member of definite institutional group, and he/she represents basic idea and position of that group.

In political discourse, as I had already mentioned, simultaneous interpretation has always been a challenging work due to time constraint and requirement for simultaneous interpreters' excellent bilingual proficiency. Furthermore, discrepancy of Kazakh and English language systems lead to some specific problems in interpreting from Kazakh into English and vice versa. There are structural differences, that is word order in Kazakh and English languages are different. It is great of importance, because word order is considered to be constant. For example: The second boy is my son – Екінші бала менің ұлым; It is raining – Жаңбыр жауып тұр; the blue sky is large – Аспан ашық еді.

The syntactic differences may be considered in the use of English verb "to be". Subject in Kazakh language usually stands in the beginning of the sentence, and predicate stands in the end of the sentence, attribute stands before defined words (subject), adverbs stand at the beginning of the sentence. Accordingly, in English language we have the same structure, but with different word orders of subject, predicate and so on. Also, we can notice syntactic differences between the sentences of two different languages by using "to be" verb. If in English language in order to construct a simple sentence, we use it constantly, but in Kazakh language we don't use such linking verb. For example, I am a teacher – Мен оқытушымын.

Despite the fact that there are differences between the sentence structures that may cause an obstacle for a proper interpretation, it is necessary to understand that such problems may arise during the translation process of any language pairs. Significance of systemic differences between the native language and foreign language allow to predict difficulties. In order to develop skills of a proper understanding of the text or speech it is not enough to know the grammar and translation theory, especially in simultaneous interpretation [4, p. 259].

J. Herbert points out the complexities of interpretation, emphasizing that language knowledge is not enough to be able to interpret. Furthermore, many researchers have constructed special strategies, which may be used in simultaneous interpretation. As we know, while simultaneous interpreters you are not able to use any dictionaries. Thus you have to rely on strategies. Each of them has its own peculiarities, which facilitate interpreting process. There are some strategies used in interpreting:

I. Comprehension strategies

The strategies comprised in this category are used "when comprehension problems arise, and when they threaten to arise under time-related or pro-

cessing capacity-related problems". The strategies falling into this category are:

I.a. **Stalling** by using neutral material: this strategy aims at 'buying time' by producing generic utterings, absent in the SLT, which provide no new information, but enable the interpreter to delay production and to continue listening to the incoming text while avoiding long pauses when faced with comprehension difficulties. The strategy defined here as 'stalling by using neutral material' is described as similar processes that involve the use of neutral, non-committal utterings at the beginning or in the middle of a sentence when the interpreter is faced with long, embedded clauses or with comprehension difficulties.

I.b. **Anticipation**: this strategy has been described as involving the production of a TT chunk before it is actually uttered by the speaker in the ST.

I.c. **Time-lag**: the time-lag has been described as a variable that may be influenced by the specific language-pair. Hence the relevance of analyzing this strategy as a way of identifying possible differences in the time-lag depending on the SL.

II. Reformulation strategies

Three types of processes have been included into the present category: morphosyntactic reformulation, synthesis and expansion.

II.a. **Morphosyntactic** reformulation includes:

– Morphosyntactic transformations, i.e. transformation of a subordinate clause into a main clause, of a negative clause into an affirmative clause and of a noun phrase into a verb phrase or vice versa.

– Syntactic segmentation: it consists in dividing long clauses into shorter clauses.

– Least-commitment strategy: it consists in leaving the clauses open to add coordinate or subordinate clauses if faced with the so-called 'garden path sentences'.

– Changing the order of phrases or elements of other type within the clause: this strategy consists in reformulating ST elements of various type in a different position into the TT so as to enable better ST reformulation.

II.b. **Synthesis**, which entails the compression of the SL text through

– Generalization: it consists in "replacing a segment with a superordinate term or a more general speech segment".

– Simplification: it consists in a lexical or stylistic simplification of the original message

– Deletion: this strategy consists in reprocessing the SL text through the deletion of superfluous or redundant information by means of a selection of information.

II.c. **Expansion**, through

– Explanatory additions: it is a lexical and content expansion aimed at clarifying the message.

– Additions to maintain coherence, i.e. a strategy aimed at explicating coherence relations with a view to conferring logical continuity to the text.

– Repetition: it consists in repeating previously processed elements as a way of enhancing lexical accuracy by means of synonyms or synonymic phrases.

– Paraphrase: this strategy, described as "explaining or paraphrasing", consists in explaining the meaning of a SL term or wording when the interpreter is unable to find the suitable TL correspondent.

III. Emergency strategies

These strategies, to be employed when comprehension strategies or TT oriented strategies are insufficient or unsuccessful, aim at avoiding an impasse by resorting to operations that are advisable only in emergency situations. These include:

III.a. **Transcoding**: it consists in "translating a source-term or speech segment into the target language word for word"

III.b. **Approximation**: "the interpreter finds a wording or term which is more or less what he was looking for and produces it, then adds one which he has meanwhile activated and which fits even better and so on"

III.c. **Evasion**: it consists in the total deletion of a ST segment as a deliberate choice by the interpreter to evade the problem

III.d. **Substitution**: it consists in the use of a TL term or wording which, though different from those originally pronounced by the speaker, can be plausible in the speech context [5, 106].

Simultaneous interpretation strategies were an object of research of a great number of scholars, as they are considered important contribution to successful interpreting. Therefore, I dedicated my work on the strategy of compression.

From the theoretical standpoint, compression is used in simultaneous interpretation as a time-saving technique with regard to redundant or repetitive information, especially when a speaker's tempo is fast. According to G. Chernov, compression in simultaneous interpreting can take place at various levels of language, involving syllables, words, syntax, meaning or even context. Therefore, according to G. Chernov compression is divided into 4 types:

1. Syllabic compression
2. Lexical compression
3. Syntactic compression
4. Semantic compression

1. **Syllabic compression**. This type of compression takes place at the lowest level and involves the choice of words that have fewer syllables than

the words in the source language. It allows the interpreter to speak more slowly and than the original speaker and helps to save time. For example, the word «sophisticated» we can interpret as «күрделеген», but in simultaneous interpretation it is more efficient to say «күрделі».

2. **Lexical compression.** The second type of compression implies the use of fewer words to express the speaker's idea. For example, «Nuclear tests in the atmosphere, in the outer space and under water» – «Ядролық сынақтар үш түрлі ортада болды». So, here we can see that we have generalized the sentence.

3. **Semantic compression.** Semantic compression implies the use of shorter or simpler constructions than the ones in the source language. For example, «The issue of illegal immigration was raised many times in the Organization for Security and Co-operation in Europe» «Аталған ұйым бұл мәселені бірнеше рет көтерген». As we can see from this example, I substituted «The issue of illegal immigration» by «бұл мәселені», because the issue of illegal immigration had been mentioned before.

4. **Syntactic compression.** It implies shortening of repeatable words and phrases. Here the following cases may be mentioned:

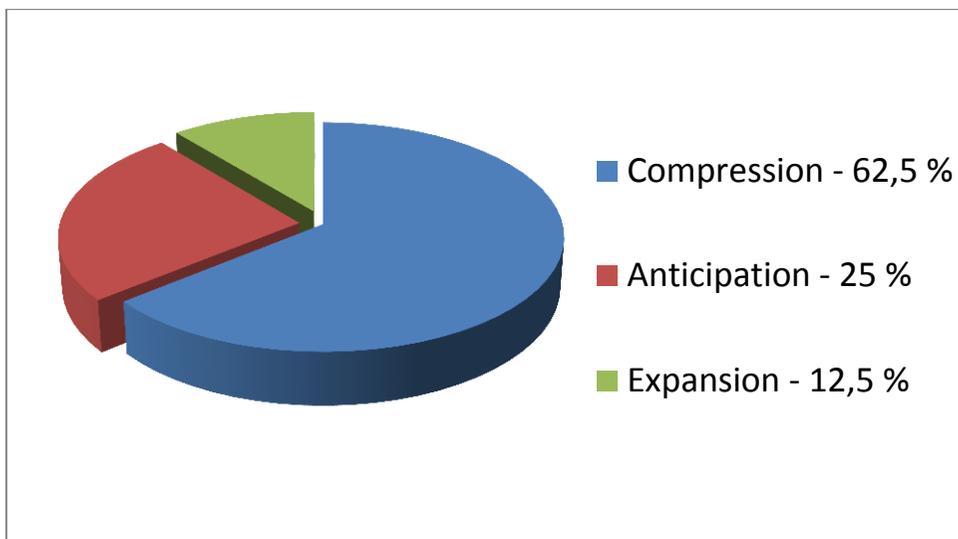
a) a complex with several subordinate clauses is replaced by several simple sentences, e.g. «When I entered the room, I saw he was standing there» - «Мен бөлмеге кірдім. Ол арғы жақта тұрды»;

b) a subordinate clause is replaced by a predicative construction with the participle or gerund or infinitive in English, e.g. «I saw that he was standing there - I saw him standing there»;

c) a predicative construction or a phrase with the participle or gerund or infinitive in English is replaced by a phrase without the participle or gerund or infinitive or by a noun in the indirect case, e.g. «To give greater practical reality to the principles contained in Charter» «Жарғы қағидаттарын іске асыру»;

d) a phrase is replaced by one word or a full name of a country (organization, etc) is replaced by the corresponding abbreviation, e.g. The United States of America – the USA, Organization for Security and Co-Operation in Europe – OSCE, North American Free trade Agreement – NAFTA [6, p.11].

During the time I was writing this article, I carried out a survey, to be specific a questionnaire, which consisted of several questions. These questions mainly focused on identifying the types of strategies our students from simultaneous interpretation department mainly use and rely on as the most efficient strategy [7]. The results of the survey are shown in the following diagram (picture 1).

Picture 1. Statistic

The results of a questionnaire show that many students chose the strategy of compression. To prove its efficiency I have made my own practical part (table 1). I have interpreted Kairat Umarov's speech, who was Deputy of Foreign Minister of the Republic of Kazakhstan. His speech was about Kazakhstan's foreign policy and the state's international relation. So, I interpreted his speech simultaneously from English into Kazakh using the compression strategy and interpreted it again without using this very strategy.

Simultaneous interpretation is a unique skill that requires far more than the ability to speak multiple languages. In order to be simultaneous interpreter you have to have years of highly specialized education and training, possess the rare talent of being able to listen to one language while speaking another, and knowledge of terminology in tremendously varying fields. Of course, simultaneous interpretation is complicated type of translation and requires innate ability, but there are a lot of strategies which may help to facilitate and improve interpretation.

As the student of third course I have made an accent on only one type of strategy, which calls compression and I found it really convenient, I have also conducted a questionnaire, from which I revealed that exactly this type of strategy is widely used among my group mates. In addition, I've made a simultaneous interpretation of Kairat Umarov's video using this very strategy and second time without using it. In conclusion it was obvious that using of compression saves a lot of time and helps you to convey a precise translation.

Table 1. Practical part

№	Type of compression	Transcript of the video	Original translation	Target language (using compression)
1	2	3	4	5
1	<u>Syllabic compression</u>	Today our cooperation with United States and Nunn-Lugar program is recognized to be one of the most effective models on liquidation of nuclear threat.	Бүгінгі таңда біздің Америка Құрама Штаттары мен Нанна-Лугара бағдарлам-мен <u>ынтымақтастығымыз</u> әлемдегі ядролық қауіпті жоюдың ең тиімді үлгісі болып табылады.	Бүгінгі таңда біздің АҚШ-ры мен Нанна-Лугара бағдар-мен <u>ынтымағьымыз</u> әлемдегі ядролық қауіпті жоюдың ең тиімді үлгісі болып табылады
2	<u>Lexical compression</u>	During the 20 years of our independence Kazakhstan has been purposefully pursuing the path of building a nuclear weapons free world.	Тәуелсіздік алғаннан бері 20 жыл бойы Қазақстан ядролық қару-жарақтан еркін әлем құру мақсатын көздеді.	Тәуелсіздік алғаннан бері, Қазақстан ядролық қару-жарақтан еркін әлем құруды көздеді.
3	<u>Syntactic compression</u>	Kazakhstan remains up until today an active participant and strong supporter of the Global non-proliferation process and based on our own example, it has committed to reducing the nuclear threat.	Күні бүгінге шейін Қазақстан әлемдегі қару-жарақты таратпау процесі бойынша белсенді мүшесі және сенімді қолдаушысы болып табылады және өзіміздің мысалымызға сүйенсек, Қазақстан ядролық қаруды төмендету мақсатында көптеген іс-шаралар жүргізген.	Қазақстан әлемдегі қару-жарақты таратапау бойынша белсенді қолдаушы болып табылады. Мәселен, Қазақстан ядролық қауіпті төмендету мақсатында көптеген іс-шаралар жүргізген.
4	<u>Semantic compression</u>	Thanks to the American Threat reduction program, also known as the Nunn-Lugar program, our country was able to get rid of Nuclear weapons and related infrastructure.	Америкалық қауіптілікті азайту бағдарламасы, яғни Нанна-Лугара бағдарламасының арқасында, біздің мемлекетіміз ядролық қару-жарақтар мен оған байланысты инфрақұрылыстарынан құтылуға мүмкіндік алды.	Нанна Лугара бағдарламасының арқасында, Қазақстан ядролық қару-жарақтардан біржола құтылуға мүмкіндік алды.

References

- 1 Материалы конференций. – Режим доступа – URL: <http://www.translation.ie/services/interpreting-services/simultaneous.html>. - (дата обращения 12.04.2015).
- 2 Материалы сайта. – Режим доступа – URL: <http://www.bilingualresourcesgroup.com/interpretations.aspx> - (дата обращения 18.04.2015).
- 3 Teun A. van Dijk. Political discourse and ideology, 1997 – P. 19-21.
- 4 Печерских Т. Ф. Особенности перевода разносистемных языков (на примере английского и казахского языков) / Т. Ф. Печерских, Г. А. Амангельдина // Молодой ученый. – 2012. - №3. – С. 259-261.
- 5 Strategies adopted by student interpreters in SI: a comparison between the English-Italian and the German-Italian language pairs by Valentina Donato SSLMIT. - University of Trieste, 1993 – 134 p.
- 6 Compression in simultaneous interpreting: fact or myth? A corpus based study by Alessio Iacovoni, 1990. – 30 p.
- 7 Материалы сайта. – Режим доступа – URL: <http://iacovoni.files.wordpress.com/2010/08/tesi.pdf> - (дата обращения 21.04.2015).

Қуанышбаева А.Н.,

Абылай хан атындағы қазХҚжәнеӘТУ,
Алматы, Қазақстан

Қазақ тіліндегі саяси дискурс кезіндегі аудармадағы компрессияның түрлері

Бұл мақала Қазақстандағы саяси дискурстың ілеспе аударғандағы уақытты үнемдеуге бағытталған компрессия түрлері жайлы баяндалады. Басты мақсаты – ол аударма және филология факультетіндегі ілеспелі аударма мамандығында оқитын студенттерге тиімді стратегия ұсыну. Сонымен қоса, компрессия түрлерінің ілеспе аудармада қолданылуы уақытты үнемдеп, оның маңызды бөлімін сақтай отырып, ақпаратты барынша сығымдағаны практикалық бөлімінде мысалдармен көрсетілген. Осы мысалдар негізінде компрессияның ілеспелі аударманы іске асыруда шешуші рөл атқаратынын анық көрсетеді. Мақала жазу барысында, аталмыш тақырып бойынша студенттер арасында статистикалық санақ жүргізілді. Статистика бойынша компрессияның ұтымдылығы тағы да дәлелденген.

Куанышбаева А.Н.,
КазУМОиМЯ имени Абылай хана,
Алматы, казахстан

Виды компрессии в переводах казахских политических дискурсов

В статье ставится задача выдвинуть наиболее эффективную стратегию для студентов синхронистов-переводчиков. В данной статье рассмотрены виды компрессии с помощью которых можно экономить время в синхронном переводе в казахстанских политических дискурсах. В практической части этой статьи показано примерами, что применение компрессии в синхронном переводе значительно экономит время, тем самым сокращая информацию и сохраняя его важные моменты. На основе этих примеров можно утверждать, что компрессия играет важную роль в осуществлении синхронного перевода. Проведены статистические расчеты, согласно результатам статистики доказано, что применение компрессии является выгодной стратегией для студентов переводчиков.

УДК 81 373 43+81 23

Фоминых К.И.,
КазУМОиМЯ имени Абылай хана,
Алматы, Казахстан, kseniaF1992@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ПРОЦЕССА ИДЕНТИФИКАЦИИ СОВРЕМЕННЫХ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ НЕОЛОГИЗМОВ

Современный английский язык отличается включением большого количества новых лексических единиц в словари. В результате словообразовательной активности возникает ряд вопросов: действительно ли люди, изучающие английский язык как иностранный, знают новые лексические единицы и каким образом они их идентифицируют, а также как представлено концептуальное содержание неологизмов. В статье приведены результаты психолингвистического эксперимента по идентификации респондентами двух профессиональных групп пятнадцати современных неологизмов. Систематизированы количественные данные по первичным реакциям респондентов на

неологизмы, проанализированы данные участниками эксперимента субъективные дефиниции и ассоциативные ряды к предложенным новым лексическим единицам.

Ключевые слова: неологизм, английский язык, психолингвистический эксперимент, количественная характеристика, субъективные дефиниции, свободный ассоциативный эксперимент

Современные быстро развивающиеся сферы жизни, такие как информационные и коммуникационные технологии, масс-медиа, финансово-экономическая и политическая сферы служат богатым источником для образования новых лексических единиц в языках мира. В английском языке, являющемся источником заимствований для других языков, в силу своего статуса международного языка общения, языка науки и техники, словообразовательные процессы происходят чрезвычайно активно. Словарный состав английского языка способен увеличиваться на десятки и сотни новых слов в год. В частности, расположенный в США исследовательский центр *Global Language Monitor*, сообщает, что специальные программы, такие как *The Oxford Reading Programme* и *The Oxford English Corpus*, в настоящее время фиксируют появление нового слова в английском языке каждые сто минут [1].

Только малая доля из всех возможных новообразований, употребляемых и создаваемых носителями языка, становится постоянной частью лексического состава языка. Новообразование проходит определённые этапы с момента своего появления и первого употребления до того, как войдёт в словари и станет частью активного запаса лексики.

Однако появление новых слов в языке, включение их в словари и реальная степень употребления новой лексики не всегда являются равнозначными друг другу явлениями. В связи с этим возникает вопрос о том, каким образом люди, изучающие английский язык, идентифицируют новую лексику, насколько хорошо знакомы они с понятиями, стоящими за неологизмами.

В исследовании, результаты которого кратко представлены в данной статье, для выявления особенностей идентификации неологизмов был проведён психолингвистический эксперимент. Теоретической основой эксперимента послужили работы исследователей российской психолингвистической школы С.И. Тогоевой [2], Т.Ю. Сазоновой [3], Т.Г. Родионовой [4], посвящённые изучению стратегий идентификации неологизмов, а также методики исследований, представленные в работе «Антология концептов» под редакцией В.И. Карасика и И.А. Стернина в рамках современной лингвоконцептологии [5]. Необходимо указать, что методика лингвокультурных исследований была использована частично в силу того, что специфика неологизмов не позволяет провести опреде-

лѐнные этапы, свойственные лингвоконцептуальным исследованиям. Для проведения эксперимента было отобрано 15 англоязычных неологизмов, включѐнных в последнее издание словаря Merriam-Webster Dictionary 11th Edition в качестве новых слов: *selfie, m-learning, e-read, content farm, nomophobia, troll, Instagram, fanfic, tweet, hash-tag, follow me photo, like shock, flash mob, wiki, to defriend (to unfriend)* [6]. Во время проведения эксперимента использовались такие процедуры как методика субъективных дефиниций, свободный ассоциативный эксперимент, количественный и качественный анализ реакций респондентов. В связи с тем, что наибольшая часть неологизмов относится к сфере **computing** или сфере *информационных технологий*, в исследовании приняли участие респонденты, принадлежащие к двум профессиональным группам: представители языковых, филологических и гуманитарных специальностей (далее при анализе сокращѐнно ИЯ) и представители специальностей, связанных с вычислительной техникой и программным обеспечением (далее сокращѐнно ИТ). Число респондентов в каждой группе составило 100 человек, общее число участников эксперимента – 200 человек в возрасте от 18 до 25 лет. Исследование проводилось в феврале 2015 года среди студентов и магистрантов КазУМОиМЯ им. Абылай хана (магистранты 1 курса специальностей «Иностранная филология», «Два иностранных языка», «Переводческое дело», «Международные отношения», «Туризм», «Регионоведение», магистранты 2 курса специальностей «Иностранная филология», «Переводческое дело», студенты 3 курса специальностей «Иностранная филология» и «Два иностранных языка») и среди студентов и магистрантов Международного ИТ Университета (магистранты 1 курса специальностей «Вычислительная техника и программное обеспечение», «Управление проектами», «Информационные системы», студенты 3 курса специальности «ВТ и ПО»). Проведение исследования включало в себя заполнение двух типов анкет. Первый, расширенный тип, состоял из трёх заданий: 1) таблица с неологизмами, в которой респонденту предлагалось поставить знак «+» напротив каждого слова в графе, соответствующей его опыту – «встречал(а) данное слово, знаю его значение», «встречал(а) данное слово, но до конца не уверен(а) в его значении», «никогда данное слово не встречал(а), не употреблял(а), однако могу предположить, что оно означает», «никогда данное слово не встречал(а) и не имею представления о его значении»; 2) респонденту предлагалось написать значение каждого слова, если оно ему знакомо; 3) респонденту предлагалось указать ассоциации, которые у него вызывает слово, если его значение ему известно. В анкете второго типа респондентам предлагалось обратное задание: к предложенным определениям испытуемый должен был написать соответствующее слово, если оно ему известно. Например, «как называется фотография, ко-

торую сделал человек, сфотографировав самого себя»? Респонденты, работающие с двумя типами анкет, находились в разных аудиториях для соблюдения чистоты эксперимента. Исследование носило очный характер, то есть проводилось в присутствии исследователя при выполнении заданий. Первым шагом при обработке результатов явилась количественная характеристика положительных и отрицательных реакций респондентов на предложенные неологизмы.

Таблица 1 иллюстрирует соотношение ответов респондентов из группы ИЯ на первое задание анкеты первого типа. Таблица 2 показывает то же соотношение для группы IT. (см. ниже)

Соотношение результатов показывает, что среди представленных неологизмов выделяются группы слов, отмеченные респондентами как хорошо известные, с долей более чем в 70%: это неологизмы *selfie*, *Instagram*, *tweet*, *hash-tag*, *follow me photo*, *flash mob*, *wiki*. Наиболее трудными для идентификации стали неологизмы ***content farm*** (*веб-сайт с низкокачественной информацией, который содержит только то слово или фразу, которые пользователь вводил в поиск, а качественную информацию по интересующему вопросу не выдаёт*) и ***nomophobia*** (*страх остаться без доступа к мобильному телефону*), получившие наименьшее количество откликов как хорошо известные единицы. При этом в сравнении двух групп выделяются незначительные различия относительно ряда неологизмов, например, реакция на неологизм *selfie* составляет 94% (ИЯ) и 96% (IT), что не меняет общую тенденцию в степени идентификации неологизма. Необходимо отметить, что отображённые данные носят субъективный характер, выражая первичную реакцию респондентов на неологизмы. Более точные данные о степени новизны неологизмов для респондентов позволяет получить анализ дефиниций новых слов, записанных испытуемыми. Дополнительные данные вносит анализ анкет второго типа, где испытуемые должны были записать слово к определению. Таблица 3 показывает соотношение между первичной реакцией респондентов на неологизмы, количеством полных и точных определений к каждому слову и количеством точных идентификаций из анкет второго типа.

Таблица 1. Респонденты группы ИЯ

Неологизм	Встречал(а) данное слово, знаю его значение		Встречал(а) данное слово, но до конца не уверен(а) в его значении		Никогда данное слово не встречал(а), не употреблял(а), однако могу предположить, что оно означает		Никогда данное слово не встречал(а) и не имею представления о его значении	
	Кол-во	Доля	Кол-во	Доля	Кол-во	Доля	Кол-во	Доля
selfie	47	94%	3	6%	-	-	-	-
m-learning	12	24%	17	34%	13	26%	8	16%
to e-read	24	48%	11	22%	9	18%	6	12%
content farm	2	4%	8	16%	17	34%	23	46%
nomophobia	8	16%	7	14%	14	28%	21	42%
troller (troll)	29	58%	9	18%	3	6%	9	18%
instagram	48	96%	2	4%	-	-	-	-
fanfic	15	30%	9	18%	6	12%	20	40%
tweet	36	72%	8	16%	6	12%	-	-
hash-tag	36	72%	3	6%	3	6%	8	16%
follow me photo	38	76%	4	8%	5	10%	3	6%
like shock	14	28%	10	20%	14	28%	12	24%
flash mob	46	92%	4	8%	-	-	-	-
wiki	37	74%	8	16%	1	2%	4	8%
to defriend / to unfriend	23	46%	7	14%	13	26%	7	14%

Таблица 2. Респонденты группы ИТ

	Кол-во	Доля	Кол-во	Доля	Кол-во	Доля	Кол-во	Доля
selfie	48	96%	1	2%	1	2%	-	-
m-learning	13	26%	4	8%	20	40%	13	26%
to e-read	28	56%	7	14%	12	24%	3	6%
content farm	3	6%	10	20%	15	30%	22	44%
nomophobia	3	6%	3	6%	12	24%	32	64%
troller (troll)	46	92%	1	2%	1	2%	2	4%
instagram	48	96%	1	2%	1	2%	-	-
fanfic	16	32%	7	14%	7	14%	20	40%
tweet	45	90%	3	6%	1	2%	1	2%
hash-tag	44	88%	5	10%	1	2%	-	-
follow me photo	40	80%	3	6%	6	12%	1	2%
like shock	11	22%	10	20%	15	30%	14	28%
flash mob	49	98%	1	2%	-	-	-	-
wiki	46	92%	4	8%	-	-	-	-
to defriend / to unfriend	27	54%	3	6%	12	24%	8	16%

Таблица 3. Респонденты

Неологизмы	Доля респондентов, идентифицировавших неологизмы как хорошо знакомые в анкете 1 типа		Доля респондентов, давших полное определение терминам в анкете 1 типа		Доля респондентов, верно идентифицировавших неологизмы в анкете 2 типа	
	ИЯ	IT	ИЯ	IT	ИЯ	IT
Selfie	94%	96%	84%	94%	100%	100%
m-learning	24%	26%	52%	40%	30%	70%
To e-read	48%	56%	74%	56%	19%	20%
Content farm	4%	6%	8%	-	-	4%
Nomophobia	16%	6%	24%	-	18%	2%
Troll	58%	92%	42%	92%	54%	54%
Instagram	96%	96%	92%	100%	86%	90%
Fanfic	30%	32%	30%	20%	34%	40%
Tweet	72%	90%	54%	90%	26%	48%
Hash-tag	72%	88%	60%	92%	78%	92%
Follow me photo	76%	80%	38%	60%	74%	80%
Like shock	28%	22%	34%	20%	16%	20%
Flash mob	92%	98%	80%	80%	92%	99%
Wiki	74%	92%	24%	16%	12%	4%
To defriend / unfriend	46%	54%	50%	80%	28%	36%

Наиболее важным представляется анализ количества дефиниций неологизмов, поскольку именно он показывает, насколько хорошо респонденты знают и понимают предложенные лексические единицы. Таблица показывает определённые различия, например, 72% респондентов группы ИЯ идентифицировали неологизм *tweet* как хорошо им известный, однако только 54% дали полное определение данному термину – *короткое сообщение в сети Твиттер*. При этом определение считается полным, если респондент в определении указывает на два ключевых аспекта – «сообщение» и «Твиттер». Если же респондент указывает только на один компонент, такое определение относится к частично идентифицирующему. Аналогичным образом сложилась ситуация во-круг большинства новых слов. Например, неологизм *selfie* обозначен как хорошо известный у 96% респондентов группы IT, однако полное верное определение для него дали 94% участников эксперимента. В определении термина ключевым аспектом является фотография-автопортрет, фотография пользователя, сделанная им самим. Соответственно, определения типа «фотография, сделанная на камеру мобильного телефона» не могут считаться полными, поскольку не указывают на главный компонент понятия «селфи», которое может быть осуществлено с помощью любой камеры. Анализ таблицы 3 показывает, что в целом 53% респондентов из двух групп не дали полного определения к словам, которые первоначально отметили как хорошо им известные. Обратная ситуация – наличие большего количества полных определе-

ний, чем первичных положительных идентификаций – связана с субъективным восприятием и степенью уверенности респондентов. Например, неологизм «e-read» (*процесс чтения книг или документов с электронных носителей*) 22% респондентов группы ИЯ отметили как слово, в значении которого они до конца не уверены, однако дали полную дефиницию к неологизму во втором задании. Таким образом, сравнение первичной реакции респондентов на неологизмы с данными ими определениями позволяет сделать более точные выводы о степени новизны и качестве понимания новых слов. При неточных или предположительных идентификациях новых слов респонденты из разных групп использовали схожие идентифицирующие модели. Наиболее отчётливо это проявляется при анализе анкеты второго типа, в которой респонденты должны были записать слово в ответ на определение. Можно выделить следующие стратегии:

1. **Идентификация одного из компонентов сложного слова.** Например, вместо записи двух компонентов сложного слова *e-read / e-reading* 20% респондентов группы IT использовали только второй компонент *reading*.

2. **Идентификация самого значительного инклюзивного понятия.** В частности, в вопросе о том, как называется веб-сайт, содержание которого могут дополнять и менять все пользователи, 36% респондентов группы IT и 26% респондентов группы ИЯ указали «Википедия», в то время как данный сайт является одним из самых крупных примеров *wiki* – это любой сайт, не только Wikipedia, содержание которого доступно для изменений пользователями.

3. **Подбор синонима к одному из компонентов слова.** Например, при идентификации неологизма *like shock* респонденты в двух группах использовали слова-синонимы для *like*: *surprised, happy, euphoria, cool, love, wonder*. При этом второй компонент идентификации не подвергался.

4. **Подбор синонима ко всему неологизму в целом.** В частности, при идентификации неологизма *to unfriend*, означающего процесс удаления определённых пользователей из числа друзей на аккаунте в социальной сети, участники эксперимента использовали синонимичные слова *delete, ban, ignore, block*.

Определённые идентификационные тенденции выделяются и в анкете первого типа, где респонденты самостоятельно давали определения к предложенным неологизмам. Например, при определении неологизма *content farm* большинство испытуемых сосредоточились на первой части – *content* - *содержание, собрание данных*, игнорируя второй компонент, что объясняется метафорическим употреблением слова *farm* в данном сочетании. Аналогично при определении неологизма *nomophobia* респонденты идентифицировали составляющую «страх, боязнь»,

оставив без внимания первую часть слова. Записывая определения для неологизма *follow me photo* (*популярный в социальных сетях тип фотографии, на которой человек в кадре тянет за собой руку фотографа*), респонденты, неточно идентифицировавшие его значение, сосредоточились на компоненте *follow* – данное слово в социальных сетях означает подписку на кого-либо из пользователей, то есть добавление его в друзья и обзор всех публикаций пользователя в новостной ленте. Этим обусловлены определения типа «комментировать фотографии», «ставить лайки», «отправлять кому-либо свои фотографии», «подписаться и смотреть фотографии». Однако при этом не берётся во внимание конструкция сочетания, где лидирующую роль играет *photo*, а *follow me* служит для его определения, таким образом, это фотография определённого типа. Аналогично в неологизме *fanfic* (*истории, написанные поклонниками по мотивам популярных художественных произведений, публикуемые в блогах или на веб-сайтах*) респонденты, давшие предположение о его значении, главным образом выделили компонент *fan*, связав понятие с фанатами и фан-клубами, однако компонент *fic* – сокращение от *fiction* – в большинстве случаев остался не идентифицированным. Лишь 1% предполагаемых определений содержал акцент на компоненте *fiction*, тем самым связывая неологизм в целом с литературными явлениями. При определении неологизма *to defriend* 6% респондентов записали определения типа «перестать общаться с человеком», «прекратить дружбу / перестать дружить», что не отображает в полной мере содержание неологизма, поскольку в подобных определениях не делается акцент на том, что прекращение общения происходит в пространстве социальных сетей, когда определённый пользователь, который в реальной жизни может быть не знаком хозяину аккаунта, удаляется по разным причинам из числа друзей. При работе с термином *flash mob* 18% участников эксперимента дали определения, носящие неточный характер, которые могут относиться к ряду совершенно иных явлений: «событие для привлечения внимания», «совместное действие с группой других людей», «танец с группой людей», «групповое мероприятие, организованное с помощью сети Интернет», «организованная группа людей», «сбор людей для какого-либо события» и так далее. Определения, делающие акцент на том, что *flash mob* – это танец, при прочих верно указанных компонентах, засчитывались как полные определения, несмотря на то, что форма флешмоба необязательно приобретает танцевальный вид. Отдельного внимания заслуживают графические реакции на определения предложенных респондентам лексических единиц. Определения к термину *hash-tag*, как полные, так и частичные, в большинстве случаев сопровождались графическим отображением знака октоторп, более известного как знак решётка #. При этом встреча-

лись реакции, в которых респонденты в графе определения неологизма указывали только данный знак без дополнительных разъяснений, что не может считаться полным определением неологизма, поскольку понятие хештег не равнозначно данному знаку, который используется в его составе. *Hash-tag* – это слово или фраза, которым предшествует символ #, с помощью которых пользователи могут объединять свои сообщения (например, в Twitter) или фотографии в определённую тему / группу. При даче определений неологизму *troll* часть респондентов сопровождали свои ответы известным рисунком *trollface*, изображающим Интернет-тролля. Вопрос о сравнении результатов двух групп испытуемых – ИЯ и ИТ – позволяет сделать выводы, характеризующие отдельные элементы в идентификации неологизмов. Обширные выводы относительно того, какая группа дала качественно более полные данные, показывают, что различия между группами незначительны и касаются отдельных лексических единиц. В частности, респонденты группы ИТ точнее идентифицировали неологизмы *to defriend*, *hash-tag*, *troll*; группа ИЯ более полно идентифицировала единицы *nomophobia*, *content farm*, *to e-read*. В целом исследование показывает, что существенных различий в степени и качестве идентификации неологизмов у двух групп испытуемых не наблюдается. Определённая специфика проявилась в разных подходах к идентификации неологизмов. Так, респонденты группы ИЯ дали больше попыток определить значение слов, им не известных, давая подробные определения с выражением своего отношения к понятию, в то время как респонденты группы ИТ дали более ёмкие понятия, стремясь либо дать полное определение, либо пропустить конкретный неологизм, если он неизвестен, в связи с этим доля предположений в ответах группы ИТ оказалась меньше.

Анализ ассоциативного поля для каждого неологизма в отдельных случаях позволяет выявить определённые элементы и тематические слои в понятиях, стоящих за новыми словами, таким образом, уточняя и дополняя содержание неологизмов, соответствующее знаниям и опыту испытуемых. В ходе выполнения задания респондентам была дана инструкция записать ассоциации к известным им словам, однако многие ассоциации были записаны к неологизмам, которым не было дано определение или же оно было дано частично или неточно. Это обусловлено внутренней формой слов, как правило составных, состоящих из нескольких элементов, перевод которых по отдельности хорошо знаком респондентам, владеющим английским языком. В ходе исследования в группе ИТ всего было получено 586 реакций в совокупности на 15 неологизмов. В группе ИЯ получено 659 реакций. При этом в двух группах выделяются слова-ассоциации, встречающиеся чаще других, что в количественном разрезе иллюстрирует далее таблица 4.

Таблица 4. Группы ИЯ и IT

Группа ИЯ	Группа IT
25 мобильный телефон (айфон, смартфон)	35 фотография
25 фотография	33 Инстаграм
23 Инстаграм	31 социальная сеть
20 танцы	22 мобильный телефон
18 социальная сеть	15 птичка (знак Твиттер)
15 селфи	12 лайк
14 Интернет	12 хеш-тег
7 планшет	11 Твиттер

Общим для двух групп респондентов является ассоциативный ряд *фотография* (60 реакций), *Инстаграм* (58 реакций), *мобильный телефон* (47 реакций), *социальная сеть* (29 реакций). Самое крупное ассоциативное поле формирует неологизм *selfie* – 110 реакций в группе IT и 100 реакций в группе ИЯ, что позволяет выделить внутри поля отдельные тематические слои. Ассоциации группы IT подразделяются на следующие слои: 1) *публикация селфи в социальных сетях* – 40% (например, *аватар, лайк, новостная лента* и др.); 2) *устройства для селфи* – 37% (например, *монопод, селфи-палочка, телефон* и т.д.); 3) *люди, делающие селфи* – 23% (например, *блондинки, хипстеры, девушки, дакфейс* и т.д.). В группе ИЯ также выделяются три вышеперечисленных слоя с долей в 31% [1], 36% [2], 10% [3]. Однако в данной группе формируются два других слоя оценочного характера: *негативные понятия, связанные с селфи* – 16% (например, *болезнь, психологическое расстройство, мания, одиночество* и т.д.) и *положительные аспекты, связанные с селфи* – 7% (например, *счастье, весёлое времяпровождение, мода, позитивные моменты* и др.). В совокупности ассоциации оценочного характера занимают 23% от общего количества ассоциативных реакций на неологизм *селфи* в группе ИЯ.

Вторым по количеству ассоциаций неологизмом является *Instagram* – 91 реакция в группе ИЯ и 90 реакций в группе IT. Достаточное количество реакций, как и в случае с неологизмом *селфи*, позволяет выявить слои внутри ассоциативного поля. В группе IT это *фотоснимки в сети Инстаграм* – 43%; *внутреннее виртуальное пространство Инстаграм* – 30%; *пользователи приложения* – 15%; *айфон* – 12%. В группе ИЯ повторяется тенденция включения оценочного компонента в ассоциативный ряд: *фотоснимки в Инстаграм* – 58%, *виртуальное пространство Инстаграм* – 28%, *оценочная характеристика* – 7%, *устройства для работы с приложением* – 5%, *пользователи приложения* – 2%. Третьим по количеству ассоциаций стал термин *flashmob* – 77 реакций в группе ИЯ и 60 реакций в группе IT. Наименьшее количе-

ство ассоциаций получил неологизм *notophobia*, причём только в группе ИЯ, респонденты группы IT в данном случае от ассоциаций воздержались. В целом количество полученных ассоциаций соответствует проценту данных к неологизмам определений, однако, как было отмечено выше, многие неологизмы, не получившие дефиниции у конкретного респондента, тем не менее сопровождались ассоциативным рядом.

Проведение психолингвистического эксперимента с достаточно релевантным количеством участников позволяет сделать ряд следующих выводов:

1. Участники исследования, изучающие английский язык как иностранный, показали хорошую степень знания предложенных им неологизмов, что подтверждает ***вхождение данных единиц в состав активной лексики***. 10 из 15 использованных в исследовании единиц получили степень идентификации в более чем 60%.

2. Наиболее высокий уровень идентификации, исходя из среднего арифметического по двум типам анкет и двум группам респондентов, принадлежит неологизмам *selfie* (94,6%), *Instagram* (93,3%), *flash mob* (90,1%), *hash-tag* (80,3%), *follow me photo* (70%).

3. Различия в качественном и количественном аспектах между представителями двух групп респондентов носят незначительный характер, что не позволяет говорить о разграничительных тенденциях широкого характера. Зафиксированы различия в идентификации отдельных неологизмов, однако ***общая степень знания и понимания отобранных для эксперимента лексических единиц является равнозначной***, что обусловлено принадлежностью новой лексики к сфере массовой коммуникации.

4. При неточных или предположительных идентификациях новых слов, предложенных респондентами, выделяются определённые идентификационные тенденции. Сочетание анализа анкет двух разных типов показывает, что основную тенденцию образует ***идентификация одного из компонентов неологизмов***, которые в большинстве являются сложными словами.

5. Предложенные респондентам в исследовании единицы формируют достаточно информативные ассоциативные поля, позволяющие более точно идентифицировать входящие в их состав когнитивные слои. Анализ ассоциативных полей слов *selfie* и *Instagram* показал тенденцию к включению в ассоциации оценочного компонента группой ИЯ [4].

Таким образом, результаты проведения эксперимента показывают, что степень идентификации исследуемых неологизмов в восприятии респондентов двух профессиональных групп оказалась гораздо выше среднего уровня, что объясняется рядом факторов [5]. Во-первых, часть исследованных неологизмов в результате заимствования функциониру-

ют одновременно в английском, русском, казахском и в других языках мира: *selfie, troll, flash mob, Instagram, hash-tag, wiki*. Во-вторых, современные образовательные стандарты приводят к хорошему знанию английского языка в исследованной возрастной группе, что помогает респондентам идентифицировать сложные неологизмы, включающие в себя широко употребительные компоненты, например, *e-read, m-learning, nomophobia, like shock*. В-третьих, исследованные в ходе эксперимента неологизмы принадлежат к сфере *social media*, то есть к единицам, активно употребляющимся в современной прессе и сети Интернет [6], без знания и понимания которых невозможна эффективная коммуникация не только с носителями английского языка, но и внутри одной определённой языковой среды, что обусловлено глобальным вхождением компьютерных и коммуникационных технологий в жизнь современного общества.

Список литературы

- 1 Материалы сайта. – Режим доступа – URL: <http://www.languagemonitor.com> (дата обращения 12.02.2015).
- 2 Тогоева С.И. Новое слово: лингвистический и психолингвистический подходы. Проблемы семантики: психолингвистические исследования: Сб. науч. тр. – Тверь, 1991. – 52 с.
- 3 Сазонова Т.Ю. Моделирование процессов идентификации слова человеком: психолингвистический подход. – Тверь: Тверской гос. ун-т, 2000. – 134 с.
- 4 Родионова Т.Г. Стратегия идентификации неологизмов-глаголов: Автореф. ... канд. филол. наук. – Тверь, 1994. – 16 с.
- 5 Антология концептов. Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. – Том 1. – Волгоград: Парадигма, 2005. – 352 с.
- 6 Merriam-Webster's Collegiate Dictionary. – 11th Edition. 2014. – Режим доступа – URL: <http://www.merriam-webster.com> - (дата обращения 12.02.2015).

Фоминых К.И.,

Абылай хан атындағы ҚазХҚжәнеӘТУ,
Алматы, Қазақстан

Қазіргі ағылшын неологизмдерін сәйкестендіру үдерісінің ерекшеліктері

Қазіргі ағылшын тілі сөздіктерге көп жаңа сөздің қосылуымен ерекшеленеді. Сөз жасау белсенділігінің нәтижесінде бірнеше сұрақтар туады. Ағылшын тілін шет тілі сияқты оқитын адамдар жаңа лексикалық бірліктерін шынында біледі ме? Олар жаңа сөздерді қалай

сәйкестендіреді? Неологизмдердің тұжырымдамалық мазмұны қалай болып көрсетілген? Мақалада қазіргі он бес неологизмдерді екі топтағы сұхбаткерлермен психоллингвистикалық сәйкестендірме эксперименті бойынша нәтижелер келтірілді. Сұхбаткерлердің неологизмдерге орай алғашқы әрекеті бойынша сандық деректер талдап шығарылған. Эксперимент қатысушыларымен берілген неологизмдердің субъективтік анықтамалары және ассоциативтік қатарлары талдап шығарылған.

Fominykh X.I.,
Kazakh Ablai khan UIR&WL,
Almaty, Kazakhstan

Peculiarities of the process of contemporary English neologisms identification

The contemporary English language is characterized by adding many new words into dictionaries. Some questions arise as the result of word-formation activity. Do people, who study English as a foreign language, really know new lexical items and how do they identify them? How the conceptual content of neologisms is revealed? The results of psycholinguistic experiment in the way of identification of fifteen neologisms by participants of two groups are presented in the article. The analysis includes quantitative data derived from the participants' first reactions to neologisms, definitions and associations for the new lexical items.

УДК 801

Ожерельева А.В.,
КазУМОиМЯ имени Абылай хана,
Алматы, Казахстан, anastassiya15@yahoo.com

ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ КОНЦЕПТА «ГОСУДАРСТВО» В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ: АНАЛИЗ РАЗЛИЧНЫХ ПОДХОДОВ

В статье представлены результаты анализа различных подходов к изучению концепта «государство» в политическом дискурсе. В качестве примеров рассмотрены исследования казахстанских и российских авторов, в которых использовались методы психолингвистики, лингвокультурологии и лингвокогнитивистики. Обоснован выбор метода концептуально-метафорического моделирования политического дискурса.

Ключевые слова и фразы: концепт «государство», политический дискурс, психолингвистика, ассоциативный эксперимент, лингвокультурология, культурные коды, лингвокогнитивистика, метафорические концепты

Введение

Ранее мы показали, что анализ концепта «государство» в политическом дискурсе в казахстанском политическом дискурсе и сопоставление полученных результатов с его репрезентацией в англоязычном политическом дискурсе может быть эффективно использован как метод конструирования системы идеологием, без разработки которой невозможно дальнейшее развитие идеологического строительства в Республике Казахстан.

Для организации такого сопоставительного анализа необходимо ответить на два вопроса:

1. Каковы границы политического дискурса?
2. Какой из методов следует использовать для сопоставительного анализа концепта «государство» в политическом дискурсе?

Результаты исследования

1. Дискурс мы понимаем как систему коммуникации, имеющую реальное и потенциальное измерения. «В реальном измерении – это поле коммуникативных практик, текущая речевая деятельность в определенном социальном пространстве, <...> а также возникающие в результате этой деятельности речевые произведения (тексты), взятые во взаимодействии лингвистических и экстралингвистических факторов. В потенциальном измерении дискурс представляет собой семиотическое про-

странство, включающее вербальные и невербальные знаки, <...> а также тезаурус прецедентных высказываний и текстов. Сюда относятся представление о типичных моделях речевого поведения и набор речевых действий и жанров, специфических для данного типа коммуникации». [1] Дискретной единицей дискурса является текст.

Политический дискурс обычно ограничивается рамками институциональной коммуникации в сфере политики, но может распространяться и на «любую передачу сообщений, оказывающую влияние на распределение и использование власти в обществе» [2, p.311]. Национальный политический дискурс, соединяясь в единой информационной среде с политическими дискурсами других языков и культур, пересечение которых образует т.н. глобальный межкультурный политический дискурс, изучением которого занимается политическая интерлингвокультурология [3].

Понятие «политический дискурс» трактуется исследователями в узком и в широком смысле [4]. В узком смысле под политическим дискурсом понимается речевая деятельность (коммуникативная практика) представителей власти, политических деятелей, основной целью которых является борьба за власть и/или сохранение власти. Иначе говоря, в политическом дискурсе реализуется идеологизированная социальная практика, эффективности вербальных средств которой сопутствуют и невербальные средства (символы, атрибутика, музыка и пр.), определяемые социально-историческим контекстом данного общества и национальной идентичностью. Реализуется политический дискурс в таких коммуникативных ситуациях как митинги, предвыборная агитация, парламентские дебаты и т.п., наиболее значимые жанры включают публичные выступления политиков, депутатов, указы, законы, постановления и т.п. Важным параметром политического дискурса выступают тематические направления, определяющие его содержание. Одни вопросы актуальны в данной ситуации, «другие оказываются фоном политической коммуникации; например, «взаимоотношение бизнеса и власти» и «коррупция». Первое понятие актуально, скорее, для современного этапа развития российского общества, а второе относится к числу категорий, которые можно было бы назвать культурными константами» [5, с.4].

В широком смысле политический дискурс – это «все разговоры о политике (в самых разных ракурсах – бытовом, художественном, публицистическом и пр.) ...будучи многократно умноженными, вносят вклад в формирование политического сознания, в создание общественного мнения, что в итоге может повлиять на ход политического процесса. Поэтому нам представляется логичным исходить из широкого понимания политической коммуникации и включать в нее любые речевые образования, субъект, адресат или содержание которых относится к сфере политики» [6, с.23]. По мнению ван Дейка, структура текстов об-

щественно-политической направленности не имеет произвольного характера, а является результатом сложившейся в определенных институционалистских условиях социальной и профессиональной практики журналистской деятельности; кроме того, в них присутствует определенная иерархия тематических структур [2, с.230].

Т.е. политический дискурс «в широком смысле» отражает коммуникативную практику писателя и журналиста, историка и переводчика, каждого человека, мировоззрение которого формируется под воздействием политического дискурса «в узком смысле» [7, с.299; 8, с.10].

2. Этимологически слово «концепт» восходит к *concipere* (*conception*) – «познавать, воспринимать, постигать, зачинать». Единого подхода к трактовке понятия «концепт» не существует. Распространено мнение, что определить содержание термина «концепт» достаточно сложно, поскольку это явление разноуровневое, одновременно принадлежащее «логической и интуитивной, индивидуальной и социальной, сознательной и бессознательной сферам», обладающее «диффузным», несколько размытым содержанием, которое включает «совокупность языковых средств выражения концепта, а также текстов, в которых он значимо употребляется» [9].

Концепт рассматривается исследователями с позиций трёх различных научных подходов:

- культурологического [10-14],
- когнитивного [15-20],
- психолингвистического [21-26].

Обобщив опыт изучения различными исследователями концепта «государство» в политическом дискурсе, мы убедились, что для его исследования использовались методы психолингвистики, лингвокультурологии и лингвокогнитивистики.

3. Сторонники использования психологических методов в лингвистике («психолингвисты») активно используют т.н. ассоциативный эксперимент – проективный метод, широко используемый в психологии для исследования мотивации личности.

В рамках этого научного подхода Ж.А. Джамбаева выявила ассоциаты, полученные на слово – стимул «государство» от корейских, китайских, немецких и еврейских информантов, проживающих в разных регионах Республики Казахстан. Всего было получено 180 реакций на заданный стимул [27].

У всех исследуемых социумов на первом месте оказались реакции, отражающие семантические множители; на втором месте – с эмоционально-оценочной коннотацией и на третьем – отражающие сферу функционирования стимула.

По мнению автора, структура ассоциативного поля концепта государство в языковом сознании корейского, китайского, немецкого и еврейского социумов, проживающих на территории Казахстана, подтверждает, что значимое место в структуре концепта принадлежит ценностному (эмоционально-оценочному) компоненту [27].

4. Рассматривая концепт «государство» в рамках лингвокультурологии, «сквозь призму кодов культуры», В.В. Красных провёл исследование, в ходе которого было проанализировано около 500 сайтов, отобранных из нескольких сот тысяч сайтов, предложенных поисковой системой Rambler на слово «государство» в различных его словоформах [28].

По результатам анализа автором были сделаны следующие выводы;

а) в основной массе контекстов сформированного корпуса текстов слово «государство» употреблено в терминологическом значении или тяготеет к таковому; только в 10% от общего числа проанализированных контекстов (немногим более 40 текстов) «государство», которое может стать предметом лингвокультурологического рассмотрения с точки зрения метафорического основания и соотносительности данной языковой единицы с культурные коды;

б) в тех текстах, где наблюдается метафорическое переосмысление фрагмента действительности, «государство» предстает в первую очередь как персонифицированное существо и соотносится с одним из базовых культурных кодов с антропным кодом; внутри последнего могут выделяться более частные коды;

в) среди проанализированного материала были выявлены контексты, в которых «государство» соотносится со следующими кодами культуры:

- антропным: государство уподобляется человеку как таковому и, следовательно, может иметь те или иные черты характера человека («лицемерное / заботливое государство»); испытывать те или иные чувства, эмоции («заинтересованность государства»); выполнять те или иные функции (государство-хозяин, государство-игрок); выступать в роли партнера («выстраивать отношения с государством», «государство может разорвать отношения»);

- соматическим: государство уподобляется по своему строению человеку, и, следовательно, у государства, как у человека, «есть» части тела: голова (глава государства); лицо («государство повернулось лицом к человеку»); руки («правая рука государства не знает, что делает левая»);

- акциональным: действия государства уподобляются действиям, которые обычно производит человек (государство «наказывает», «берёт на себя ответственность»);

- при этом как правило, имеет место соотнесение не с каким-то одним кодом в чистом виде, а с их переплетением.

г) только в незначительном количестве примеров государство уподобляется некоему объекту, который можно «строить» и «уничтожить» и который может прекратить свое существование - в таких контекстах имеет место соотношение с предметно-строительным кодом культуры [28].

5. За последние три десятилетия был накоплен довольно обширный материал в рамках когнитивного подхода к исследованию политической дискурса.

Так, в работе О.В. Куликовой подробно рассматривается метафорика, относящаяся к сфере государства и законодательной власти. О.Б. Мангова посвятила своё исследование анализу механизмов репрезентации операционного концепта «государственное регулирование» в экономическом дискурсе английского и русского языков [29]. Ю.А. Соловьева рассматривала концептуальные метафоры, призванные репрезентировать основные понятия политологического дискурса [30]. В частности, автор выявила конфигурацию метафорических концептов, характерную для представления государства [31].

В исследовании А.А. Зеленеваой внимание фокусировалось на метафорической репрезентации концепта «государство». Разрабатывая методику сопоставительного анализа, автор исходил из известных свойств метафорических концептов, «которые, соотносясь со сложными метафорическими картинками, включают в себя многочисленные элементы общей метафорической проекции (концептуальные составляющие)» [32]. Среди метафорических концептов она выделила т.н. базовые метафорические концепты, которые могут функционировать в дискурсе как самостоятельно, так и в составе сложных метафорических концептов, выступая в качестве их составляющих и ещё четыре блока концептов: «Персонификация государства», «Государство как деятельность человека», «Государство как артефакт», «Государство как природное явление» [33].

Проведённое автором сопоставление метафорической репрезентации концепта «государство» в русско-, англо- и франкоязычном медиадискурсе показало, что ключевыми концептуально-метафорическими конфигурациями во всех трех рассмотренных языках являются конфигурации, в которых реализуются несколько БМК и 2-6 метафорических концептов из выделенных блоков. Различия в использовании концептуально-метафорических конфигураций в рассматриваемых языках объясняются системными особенностями организации дискурса в каждом языке, в частности, существующими в этих языках принципами формирования медиатекста. Кроме того, на выбор форм концептуально-

метафорической репрезентации влияют идеологические установки (идеологемы) [34].

Выводы

1. Корректное исследование политического дискурса возможно только при его трактовке в широком смысле (любые речевые образования, субъект, адресат или содержание которых относится к сфере политики). Для обеспечения корректности сравнительного анализа при отборе текстов для исследования масштабы личностей авторов текстов и языковой жанр должны быть сопоставимы.

2. «Метод свободных ассоциаций выступает как единственный инструмент исследования или используется наряду с другими экспериментами» [35]. Т.е. в психолингвистических исследованиях, так или иначе, должна быть обеспечена репрезентативность выборки (либо путём сужения границ исследования, либо с помощью привлечения достаточно крупных групп специалистов для проведения ассоциативного эксперимента). Если это невозможно, то его результаты ассоциативного эксперимента должны подтверждаться с помощью методов «классической» лингвистики [36]. (О том, что мы понимаем под классическими методами лингвистики – см., например, [37], а также сайты interlingua.su и ganez.ru).

Сторонники использования психологических методов в лингвистике в своих работах крайне неохотно, вскользь, обсуждают то, насколько репрезентативной была выборка респондентов в их исследованиях. Хотя, по сути, (и в соответствии с базовыми положениями психологии и социологии) – это главный вопрос исследования: ведь опрос, проведенной в той же группе, но с иным составом респондентов, вполне возможно, позволит сделать совершенно иные выводы – т.е. опровергнуть ранее полученный результат. Системный недостаток исследования Ж.А. Джамбаевой состоит в том, что использованная ей выборка не была репрезентативной.

3. Важным моментом в понимании природы концепта «государство» является его соотносительность с конкретной национальной языковой культурой, которую представляет политический дискурс.

Анализ любого языкового феномена с позиций лингвокультурологии предполагает его «проверку на воспроизводимость» - это требование лингвокультура предъявляет всем своим языковым единицам; ему должны удовлетворять все феномены, претендующие на статус знака языка культуры. Воспроизводиться будет именно образно-метафорическая, эмоциональная составляющая мимикрировавшего под концепт понятия. Однако если это так, то понятие «государство» может рассматриваться в рамках метафорической подсистемы лингвокультуры, т. е. с точки зрения базовых метафор, делает вывод В.В. Красных [38].

Поэтому не удивительно, что большинство исследователей

- придерживаются когнитивного подхода к исследованию политического дискурса;

- в качестве основного метода исследования используется анализ метафорической репрезентации концептов – т.н. «сопоставительную политическую метафорологию» [39].

4. Большинство исследователей придерживаются когнитивного подхода к исследованию политического дискурса; в качестве основных методов исследования используются: анализ метафорической репрезентации концепта, концептуально-метафорическое моделирование политического дискурса, сопоставительная политическая метафорология. В своём исследовании мы остановили выбор на методе концептуально-метафорического моделирования политического дискурса.

5. Поскольку концепт «государство» обладает весьма сложной структурой, рассмотрение в рамках одного исследования всех характеристик и функций государства, и, тем более, их лингвистическое представление вряд ли возможно. В исследовании может быть рассмотрена только метафорическая репрезентация некоторой чётко определённой части концепта «государство». В нашем исследовании это метафорическая репрезентация государственного аппарата, властно-подчинительных отношений между государством и обществом, а так же действий государства по реализации своих функций.

Учитывая разнообразие средств массовой коммуникации, мы ограничиваем материал исследования печатными СМИ и их электронными версиями, поскольку большинство лингвистов считают именно их «ядром» языка текстов общественно-политической направленности, т.е. «ядром» политического дискурса.

Список литературы

1 Куликова О.В. Лингвопрагматические основания теории аргументации (на материале английского языка): дис ... док. филол. наук. - Москва, 2011. – 367с.

2 Van Dijk T.A. What is political discourse analysis? // Political linguistics / ed Jan Blommaert, Chris Bulcaen. – Amsterdam, 1998.

3 Da Silva S. Pluricentricity: Language Variation and Sociocognitive Dimensions. – Berlin; N.Y.: De Gruyter Mouton, 2013.

4 Стернин И.А. Семантико-когнитивный анализ языка / И.А. Стернин, З.Д. Попова. – Воронеж: Истоки, 2006. – 226 с.

5 Болдырев Н.Н. Принципы и методы когнитивных исследований языка //Принципы и методы когнитивных исследований языка: сб.науч.трудов. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2008. – С. 11-29.

6 Юзефович Н.Г. Лексика русского политического дискурса в лингвокультурном пространстве английского языка: монография. – Germany: LAP Lambert Academic Publishing, 2011. – 169 с.

7 Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса: дис. ... докт. филол. наук. – Волгоград, 2000. – 431 с.

8 Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2004. – 326 с.

9 Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М.: Гнозис, 2004. – 390 с.

10 Гольдин В.Е., Сдобнова А.П. Русская ассоциативная лексикография: Учеб. пособие для студ. высш учеб. заведений – Саратов: Научная книга, 2008. – 77с.

11 Красных В.В. Понятие как предмет изучения лингвокультурологии: постановка проблемы (на примере понятия «государство») // Русское слово в русском мире-2005: Государство и государственность в языковом сознании россиян. Сб. научных статей. – М., 2006. – С.118-125.

12 Кубрякова Е.С. Язык и знание. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.

13 Павлова Е.К. Политический дискурс в глобальном коммуникативном пространстве (на материале английских и русских текстов): автореф. дис. ...д-ра филол. наук. – М., 2010. – 45 с.

14 Everett C. Linguistic Relativity: Evidence Across Languages and Cognitive Domains – Berlin; N.Y.: De Gruyter Mouton, 2013.

15 Водак Р. Взаимосвязь «дискурс – общество»: когнитивный подход к критическому дискурс-анализу / Будаев А.В., Чудинов А.П. Современная политическая лингвистика. – Екатеринбург, 2006. – С. 122-134.

16 Гаврилова М.В. Когнитивные и риторические основы президентской речи (на материале выступлений В.В. Путина и Б.Н. Ельцина) – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2004. – 296 с.

17 Горошко Е.И. Интегративная модель свободного ассоциативного эксперимента – Харьков, М.: Изд. Группа «РА - Каравелла», 2001. – 320 с.

18 Залевская А.А. Психолингвистический подход к проблеме концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж: ВГУ, 2001. – С.36-44.

19 Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Русская словестность. От теории словестности к структуре текста. Антология. – М.: Academia, 1997. – С. 280-287.

20 Чудинов А.П. Очерки по современной политической метафорологии: монография. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2013. – 176 с.

21 Зеленьева А.А. Иерархическая структура концептуально-метафорической репрезентации государства в медиадискурсе (на материале русского, английского и французского языков) // Вестн. Моск.

гос. лингвист, ун-та. Сер. «Языкознание и многоязычие в современном мире». – 2009. - Вып. 576.– С. 131-142.

22 Neuroaesthetics and Cognitive Poetics. The 1st International NHS Dialogue: Department of Humanities of the University – Catania, 2014. – Режим доступа – URL: <http://www.neurohumanitiestudies.eu/NHS2014> - (дата обращения 12.03.2015).

23 Schmid H.-J. Cognitive Foundations of Linguistic Usage Patterns / Schmid H.-J., Handl S. – Berlin; N.Y.: De Gruyter Mouton, 2010.

24 Schudson M. Sending a Political Message: Lessons from the American 1790s // Media, Culture and Society. – 1997. - Vol.19. - № 3. – P. 311-330.

25 Thiering M. Spatial Semiotics and Spatial Mental Models. Figure-Ground Asymmetries in Language. – Berlin; N.Y.: De Gruyter Mouton, 2014.

26 Van Dijk T.A. What is political discourse analysis? // Political linguistics; ed Jan Blommaert, Chris Bulcaen. – Amsterdam, 1998.

27 Зеленьева А.А. Концептуально-метафорические конфигурации в англоязычных медийных статьях: репрезентация государства // Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та, Сер. «Языкознание. Язык в действии: актуальные проблемы и методы исследования в англистике». – 2012. - вып. 21 (654).– С.77-84.

28 Куликова О.В. Лингвопрагматические основания теории аргументации (на материале английского языка): дис ... док. филол. наук. – Москва, 2011. – 367 с.

29 Мангова О.Б. Репрезентация операционного концепта «государственное регулирование» в экономическом дискурсе английского и русского языков: автореф. дис.... канд. филол. наук – Москва, 2012. – 26 с.

30 Соловьева Ю. А. Концептуальная метафора в англоязычном научном политологическом дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Москва, 2011. – 22 с.

31 Третьякова Т.П. Опыт лингвистического анализа аргументации в политическом диалоге // Коммуникация и образование: сб.статей / под ред. С.И. Дудника. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2004. – С. 299-320.

32 Зеленьева А.А. Метафорическая концептуализация как способ передачи имплицитной информации в медиадискурсе // Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та, Сер. «Языкознание Стилистика и проблемы контекста». –2009. - Вып. 573. – С. 148-163.

33 Зусман В.Г. Концепт в системе гуманитарного знания. – Режим доступа – URL: <http://magazines.rass.m/voplit/2003/2/zys.html>, 2001 - (дата обращения 21.03.2015).

34 Кабакчи В.В. Введение в интерлингвокультурологию / В.В. Кабакчи, Е.В. Белоглазова. – СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2012. – 255 с.

35 Джамбаева Ж.А. Ассоциативный эксперимент как метод изучения языкового сознания (на примере анализа концепта государство). – Режим доступа – URL: http://www.rusnauka.com/11_EISN_2010/Philologia/63427.doc.htm - (дата обращения 21.03.2015).

36 Григорьева В.С. Дискурс как элемент коммуникативного процесса: прагмалингвистический и когнитивный аспекты – Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2007. – 288 с.

37 Базылев В.Н. Российская лингвистика XXI века: традиции и новации – М.: Изд-во СГУ, 2009. – 380 с.

38 Юзефович Н.Г. Адаптация английского языка в межкультурном политическом дискурсе «Россия - Запад»: дисс...д.филол.н. – СПб.: СГЭУ, 2014. – 596 с.

39. Воробьев В.В. Лингвокультурология: монография – М.: РУДН, 2008. – 336 с.

Ожерельева А.В.,

Абылай хан атындағы ҚазХҚжәнеӘТУ,
Алматы, Қазақстан

Саяси дискурста «мемлекет» концептісін зерделеу тәжірибесі: түрлі тәсілдерді талдау

Мақала саяси дискурста «мемлекет» ұғымын зерттеу үшін әр түрлі тәсілдер талдау нәтижелері ұсынылған. Мысал ретінде, психоллингвистика, тіл білімі және лингвокогнитивистика әдістерін қолданылатын қазақ және орыс авторларының зерттеу. Саяси дискурста тұжырымдамалық және метафоралық үлгілеу әдісін таңдау.

Зерттеуде «мемлекет» концептің метафорикалық тұжырымдамасы анықталған, бұл мемлекеттік аппараттың метафорикалық репрезентациясы, мемлекеттік билік пен қоғамның арасындағы қарым қатынасы, сонымен қатар мемлекеттің міндетін атқару іс-әрекеті қарастырылған.

Ozherelyeva A.V.,
Kazakh Ablai khan UIR&WL,
Almaty, Kazakhstan

Experience study of the concept "State" in political discourse: analysis of different approaches

The article represents the results of an analysis of different approaches to the study of the concept of "state" in the political discourse. As examples, the study of Kazakh and Russian authors, which were used as methods of psycholinguistics, linguistics and linguocognitive sciences. The unique choice of the method of conceptual and metaphorical modeling in political discourse also was explained in this article.

The study examined only a metaphorical representation of a well-defined concept of the "state". In our study, it is a metaphorical representation of the state apparatus, power-subordinating relations between state and society, as well as actions by States to implement their functions.

УДК 811.581

Бакумова Ю.А.,
КазУМОиМЯ имени Абылай хана,
Алматы, Казахстан, ulia_bak91@mail.ru

СИМВОЛИКА ЧИСЕЛ В КИТАЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ

В статье отмечена роль числа как важнейшего инструмента в определении миропорядка и показана этнокультурологическая маркированность числовых коннотаций. Автором проанализированы значения чисел первого десятка в китайской культуре, указаны причины их восприятия. Показано, что числовая символика и связанные с ней коннотации, определяются культурными, национальными и религиозными традициями. В статье сделана попытка выявить основные и дополнительные значения чисел через анализ фразеологического фонда китайского языка. Анализ особенностей культурных коннотаций чисел сопровождается многочисленными примерами.

Ключевые слова: число, числовая картина мира, коннотация, китайская культура, символ, культурная традиция

Каждый язык имеет свою особую картину мира, и языковая личность организует содержание высказывания в соответствии с этой картиной. Даже числа не являются исключением, каждая отдельная цифра обладает своей собственной реальностью, качеством и своим собственным символом в своей культуре, и эти признаки фиксируются в языке.

С древнейших времен число занимало особое место в культуре разных народов, потому что являлось одним из важнейших инструментов в определении миропорядка и в осмыслении окружающего мира. Именно поэтому в языках мира число существует как универсалия, то есть как свойство, присущее всем языкам [1, с. 583]. Однако проявляется и реализуется понятие числа в разных языках по-разному. Любовь к такому роду «инструментам» упорядочения мира пронизывает весь культурный пласт китайской цивилизации. Об этом свидетельствует наличие 像数学 *xiangshuxue* – древнекитайской нумерологии, связанной с представлениями о 陰陽五行 – «о женском и мужском начале и пяти элемента» и 八卦 *bagua* – восьми гексаграммах. Эта могучая традиция, восходящая к 易經 *Yijing* (Книга Перемен) оставила глубокий след в концептуализации мира китайцами [2, с. 71].

Один из способов обнаружить степень и характер культурологической значимости в определенной культурной традиции можно лишь обратившись к так называемым прецедентным (культурологически маркированным) текстам, включающим наименования чисел. В данной работе был проанализирован фразеологический фонд китайского языка, который был взят из фразеологических словарей китайского языка, а также с интернет источников.

Необходимо также отметить, что такого рода дополнительные значения, которые приобретают те или иные понятия, в научной литературе называются термином «культурные коннотации» – семантические наращения, интерпретации, которые сопровождают основное лексическое значение языковых единиц [3, с. 216].

Число один —. Любая нация признает, что единица является источником и корнем всех других чисел, оно связано с творчеством, прогрессом, самосовершенствованием, это основа всех чисел. В китайской культуре число один, выступая многомерным понятием в философском смысле, – это начало Вселенной, основа «десяти тысяч вещей» и единство человека с Небом 天人合一 *tianrenheyi* [4, с. 126]. Это числительное может означать как что-то малое, так и большое. Китайский философ Лао-Цзы писал: «Из Дао когда-то изошёл Один, Он взял с собой ещё Двух, те Двое – ещё Трех, и все Они занялись созданием на планете разнообразных форм жизни» [5, с. 25].

В различных фразеологических источниках нами было выявлено около 200 фразеологизмов, имеющих в своем составе число один, стоит отметить, что это намного больше общего числа фразеологизмов с другими числами. Анализ этого массива позволил выделить множество контекстуально производных значений иероглифа — *yī* «один», но самые распространенные это: единство, начало, однократность (действия). Например: 一言为定 *yīyanweiding* – договорились, по рукам, дословно: одно слово – и решено; 一见钟情 *yijianzhongqing* – любовь с первого взгляда; 独一无二 *duyiwu'er* – только один, единственный в своем роде, уникальный; 一步登天 *yibudengtian* – одним махом добиться всего; дословно: одним шагом до неба, 一国三公 *yiguosangong* – дословно: у одной страны три правителя, т.е. соответствует русской поговорке: у семи нянек дитя без глазу) [6, с. 1252].

Число два 二. Число два в китайской культуре ассоциируется с bipolarностью космоса, женским и мужским началами, которые обеспечивают порядок, стабильность и гармонию во Вселенной, отсюда у китайцев пристрастие к парности. Такое пристрастие находит свое выражение в области эстетики. Понятие парности 双 *shuang* ассоциируется с высшей степенью красоты и совершенства, а также с супружеской верностью, так об этом говорит одна из пословиц: 好事成双 *haoshichengshuang* – благополучие обязательно в парах [2, с. 72-73].

У китайцев есть два слова для обозначения этой цифры: 二 *er* и 两 *liang*. Симпатия к четным числам отражается в следующих фразеологизмах: 两全其美 *liangquanqimei* – значит: и волки сыты, и овцы целы; 两厢情愿 *liangxiangqingyuan* – по доброй воле двух сторон; 两袖清风 *liangxiuqingfeng* – быть неподкупным и честным человеком, дословно: в обоих рукавах чистый ветер; 一举两得 *yijuliangde* – одним выстрелом убить двух зайцев; дословно: одним действием добиться двойной выгоды [7].

Число три 三. В Китайской культуре число 三 *san* наряду с числами два и пять составляет триаду, лежащую в основе «стандартных для традиционного Китая нумерологических схем», о чем подробно изложено в книге А.И.Кобзева «Учение о символах и числах в китайской классической философии» [8, с. 93-105].

Примечательно, что при такой «высокой» традиционной символике числа три в обычной своей жизни современные китайцы стараются его избегать, во-первых, как указано выше, они традиционно предпочитают четные числа, во-вторых, потому что наименование числа три в ки-

тайском языке близко по звучанию к 散 *san* «рассеяться, разойтись». Кроме того число три может обозначать лишнего человека или вещь: 第三者 *disanzhe* – третий человек, т.е. лишний человек. В китайской фразеологии есть и другие устойчивые словосочетания, включающие число три и отличающиеся негативной эмоциональной окраской: 三只手 *sanzhishou* – третья рука: «грязная рука у вора», 三级镜头 *sanjijingtou* – третий кадр: так характеризуется сексуальный эпизод или фильм низкого качества, 狡兔三窟 *jiaotusanku* – дословно: у хитрого зайца есть три выхода из норы, т.е. хитрец всегда найдет выход из сложного положения [7].

Число четыре 四. Число «четыре» 四 *sì* в современной китайской культуре воспринимается не однозначно: с одной стороны, как четное число оценивается положительно, с другой стороны, произношение иероглифа 四 *сы* схоже по звучанию другому иероглифу 死 *сǐ* – умереть, смерть, помереть, но они различаются тоном произношения. Именно эта близость звучания вызывает у представителей китайской культуры негативные ассоциации и приводит к стремлению избегать, так скажем «неприятного», слова в разговоре [9].

Стоит отметить, что когда «нежелательные» числа три и четыре употребляются в устойчивом китайском выражении вместе, то такой фразеологизм приобретает обычно отрицательную окраску. Например: 不三不四 *busanbusi* – дословно: не три не четыре, что близко по значению к русским фразеологизмам: ни то ни сё, ни рыба ни мясо. Если это выражение относится к человеку, то означает тёмную личность или человека беспутного, ни на что не годного. 丢三落四 *diusanlasi* – дословно: потерять три и пропустить четыре, то есть так говорят о рассеянном человеке. 朝三暮四 *zhaosanmusi* – дословно: утром три, а вечером четыре, то есть относительно человека, у которого семь пятниц на неделе [7].

Число 5 五. В Древнем Китае число «пять» 五 *wu* имело таинственную окраску. Так, модель мироустройства состояла из 5 частей: север, юг, запад, восток, а в центре – Поднебесная. Этой Поднебесной управляли пять верховных государей и было использовано 五行 «Учение о У Хан» – учение о пяти основах. Эти основы 五行 *Wuhang*: 火 (огонь), 水 (вода), 木 (дерево), 金 (металл), 土 (земля). Древние философы Китая считали, что эти пять факторов составляют все сущее, и происхождение и изменение мира тоже зависит от них. Данные вещества признавались самыми основными и необходимыми для существования жизни во всех ее проявлениях. В доказательство этому, выделялось по «пять основ» в самых разных системах. Например, основными цветами считались: 五色:

青, 红, 黄, 白, 黑 (синий, красный, желтый, белый, черный). Среди вкусовых признаков –五味: 酸, 甜, 苦, 辣, 咸 (кислый, горький, сладкий, острый, соленый). Из состояний погоды выделялись 五气: 风, 暑, 湿, 燥, 寒 (ветер, жара, влажность, сухость, холод). Важнейшими органами в теле человека являлись 五脏: 肝, 心, 脾, 肾 (печень, сердце, селезенка, легкие, почки). связь человека с окружающим миром осуществляется через 五官: 目, 舌, 口, 鼻, 耳 (глаз, язык, рот, нос, ухо). Главными домашними животными были 五畜 – 马, 牛, 羊, 犬, 猪 (лошадь, корова, баран, собака, свинья). По словам В.Д.Гладкого, все это говорит о появлении довольно сложной системы воззрений, где все элементы находятся в постоянном взаимодействии, и о возможности передачи одних и тех же представлений с помощью разных кодов (пространственного, календарно-временного, цветового, животного, анатомического и т.п.) [10, с. 338].

Число пять широко используется и в китайской фразеологии, нередко в сочетании с другими числами. Приведем некоторые китайские фразеологизмы с числом пять: 五湖四海 *wuhusihai* – дословно: пять озер, четыре моря, т.е. это значит: по всей стране; 五花八门 *wuhuabamen* – дословно: пять расположений войск, восемь расположений войск. Данное выражение имеет значение «разнообразный, всевозможный» и используется в различных ситуациях общения, например, употребляя данный фразеологизм можно говорить о большом ассортименте на рынке. 五体投地 *wutitoudi* – дословно: пять частей тела на земле, т.е. переносное значение фразеологизма – преклоняться [7].

Число 6 六. Число «шесть» *liu* в китайском языке имеет положительное значение. В современной жизни, когда китайцы выбирают какой-то важный для них день, номер, число, если в нем оказывается цифра 6, то автоматически произносят поговорку 六六顺 *liuliushun*, это означает буквально: «шесть – благополучно, успешно, хорошо!». Дни месяца, включающие эту цифру, например: 6, 16, 26 считаются подходящими для свадьбы [11].

Коннотация «много» также возникает в фразеологизме, например, 三头六臂 *santouliubi* – три головы и шесть рук, т.е. очень умный и способный. В одном выражении может сочетаться число шесть и пять, и приобретает отрицательное значение: 六亲无靠 *liushenwuzhu* – с шестью родственниками не близок, т.е. ни роду, ни племени/нет роду племени; 六神无主 *liuqinwukao* – шесть божеств без управления, т.е. терять голо-

ву, душа не на месте. Древние Даосы признавали шестью божествами 六神 *liushu* сердце, легкие, печень, почки, селезенку и желчный пузырь.

Число 7 七. В жизни это семь планетных циклов, семь дней, но в Древнем Китае быстро отказались от семеричной недели, и 7 не употреблялась в повседневной жизни [9]. В некоторых местах Китая июль по лунному календарю считается 惡月 *eyue* злым месяцем, в особенности, если это седьмое июля (07.07), а пятнадцатое июля традиционно называется 鬼节 *guijie* праздником дьявола. Такое негативное значение нельзя не связать с тем, что семь является нечетным числом [13, с. 77-78].

Числительное семь чаще всего встречается в сочетании с числительным восемь и несет коннотацию отрицательного. Например, 七上八下 *qishangbaxia* – сердцедуша не на месте, 七嘴八舌 *qizuibashe* – говорить наперебой; 七手八脚 *qishoubajiao* – беспокойно, суматошно; 七零八落 *qilingbalu* урассстроиться; 乱七八糟 *luanqibazao* – беспорядочный, 七病八痛 *qibingbatong* – слабое здоровье, семь болезней, восемь болей.

Число 8 八. Восьмерка – самое любимое число в Китае, символ совершенства, полноты в природе и в государстве. Восемь по-китайски звучит как *ba*, однако на юге Китая читается как *fa*, что близко к 发财 *facai* – разбогатеть, именно поэтому китайцы любят номера, в которых есть число восемь. Особенно престижно иметь несколько восьмерок в номерах машин и телефонов [9]. Не случайно Олимпийские игры 2008 г. в Пекине открывались 8 августа 2008 года в 8 часов вечера 8 минут 8 секунд [14].

С числом восемь находим следующие фразеологизмы: 八斗之才 – звезды с неба хватать, 四平八穩 – четыре ровных, восемь устойчивых, т.е. справиться с каким-либо делом [12]. Числа четыре и восемь, также занимающие видное место в числовом ряду, судя по фразеологизмам, больше связаны со значениями пространства и времени: 四面八方 *simianbafang* – четыре и восемь сторон света, 四时八节 *sishibajie* – четыре времени года и восемь праздников солнечного календаря: 指立春, 春分, 立夏, 夏至, 立秋, 秋分, 立冬, 冬至, т.е. в каждом времени года есть свои праздники.

Число 9 九. Число девять символизирует завершающую стадию, наполненность и в китайской культуре считается очень сильным числом. По звучанию соотносится с иероглифом 久 *jiu* – долгий, вечный, долголетие. Символизирует могущество, ассоциируется с долголетием и

счастьем. Девять, согласно китайской традиции, это число предела. Как пишет автор книги о философии чисел Чжан Дэсинь, оно сакрально и приносит счастье [15, с.178]. «Девять» также считается цифрой императорской власти, даже по форме иероглиф девятки (九 *jiu*) похож на иероглиф дракона (龍 *long*) [16, с.141].

Число девять встречается в следующих фразеологизмах: 九牛一毛 *jiuniuyimao* – капля в море, дословно: с девяти коров один волосок; 九死一生 *jiusiyisheng* – девять смертей за одну жизнь, дословно: чудом остаться в живых. Во фразеологизмах 九天揽月 *jiutianlanyue* и 九霄云外 *jiuxiaoyunwai* «девять» обозначает «достигнуть до вершины» [2, с.73-74].

Число 10 十. Число «десять» *shi* толкуется в Китае как «целостный, цельный, законченный, завершённый, приносящий удовлетворение». Когда составляют какой-либо набор предметов или группу людей, всегда останавливаются на числе десять, потому что это число – норма всех вещей. Например, «десять известных буддийских храмов», «десять больших международных новостей», «десять лучших спортсменов», «десять кинозвезд» и т.д. Китайские фразеологизмы с числом десять, в основном, сохраняют эту семантику [9]. Приведем примеры: 十全十美 – дословно: десять полностью, десять совершенств, так говорят о том, что что-то или кто-то является совершенством, безукоризненным; 十字街头 – дословно: иероглиф десять – перекресток. Поясним: дело в том, что иероглиф десять по написанию действительно похож на перекресток. Выражение используется для обозначения оживленного, шумного места на улице, достаточно часто применяется как сравнение к современному обществу. 十年寒窗 – дословно: десять лет – холод, бедность – у окна, здесь речь идет о бедном интеллигенте, который много времени занимается в тяжелых условиях, чтобы осуществить свои мечты, т.е. все достается большим трудом.

Итак, с древнейших времен число занимало особое место в культуре разных народов, так как являлось одним из важнейших инструментов в определении миропорядка и осмысления окружающего мира и существует как универсалия, присущая всем языкам. Таким образом, мы видим, что числа как часть знаковой системы китайского языка обладают огромным потенциалом в китайском языковом сознании. Наряду со своим естественным предназначением, они еще используются для интерпретации мирознания, участвуют в категоризации знания.

Анализ фразеологического фонда китайского языка позволил нам выявить коннотации чисел первого десятка в китайской культуре и сделать вывод о том, что культура чисел – это еще одна специфика китайской цивилизации. Мы связываем такое развитие культуры чисел имен-

но в Китае с тем, что в китайской знаковой системе в силу своей аморфности, не ограниченной словоизменением, свойственна максимальная эксплуатация семантического потенциала лексических единиц. Поэтому описанные особенности, бесспорно, являются типологически обусловленными. А также, стоит отметить, что культурную коннотацию тех или иных явлений еще определяют различные традиции, ритуалы, верования, что отличает одну культуру от другой и делает ее особенной.

Список литературы

- 1 Лингвистический энциклопедический словарь. – Москва, 1990.
- 2 Тань Аошун. Китайская картина мира: Язык, культура, ментальность. – М., 2004.
- 3 Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – Москва, 1996.
- 4 Chuang Liu, Tianren he yi (天人合一): An ontology for the quantum world, University of Florida, Gainesville // Journal of East-West Thought. – 2012. - Number 1, Volume 2.
- 5 Лао-Цзы, Дао-Дэ-Цзин / Под ред. В.В.Антонова. – Одесса: New Atlanteans, 2009
- 6 吴邦成, 中华成语典故, 下, 黄山书社, 2012.
- 7 Материалы сайта. – Режим доступа – URL: <http://www.hydc.com/show/shuzichengyu.htm> - (дата обращения 11.03.2015).
- 8 Кобзев А.И., Учение о символах и числах в китайской классической философии. – Москва: Наука. 1994.
- 9 Материалы сайта. – Режим доступа – URL: <http://numerology.astrostar.ru/number/25216.html> - (дата обращения 03.04.2015).
- 10 Гладкий В.Д. Древний мир: Энциклопедический словарь. – Том 1. – Москва, 1998.
- 11 Материалы сайта. – Режим доступа – URL: <http://www.wenzhousx.com/news/baike/44665.html> - (дата обращения 12.03.2015).
- 12 俄汉成语词典, 周纪生仇潞培章其, 湖北人民出版社, 1984 年 //Русско-китайский фразеологический словарь, редакторы: Чжоу Цишэн, Чоу Лупэй, Чжан Ци. – Пекин: Хубэй жэньминь чубаньшэ, 1984.
- 13 Задоев Т.П., Хуан Шуин. Основы китайского языка. Вводный курс. – М., 1983.
- 14 Материалы сайта. – Режим доступа – URL: <https://ru.wikipedia.org> - (дата обращения 11.04.2015).
- 15 张德鑫, 数里乾坤, 北京大学出版社, ZhangDexin. Shuliqian-kun. Философия чисел. – Пекин, 1999.

16 Хуан Цинхуа, Уханьский государственный университет, Симпатия и антипатия к числам в русской и китайской культурах // Вестник МГОУ. Серия «Лингвистика». - 2010. - № 3. – С.78-82.

Бакумова Ю.А.,
Абылай хан атындағы ҚазХҚжәнеӘТУ,
Алматы, Қазақстан

Қытай мәдениетіндегі санның символикасы

Мақалада сан рөлі өмір реттілігінің ең маңызды аспабы ретінде қарастырылып, санның этномәдени таңбалық мағынасы көрсетілген. Автор қытай мәдениетіндегі бірінші ондықтың сандарының мағыналары зерттеліп, олардың қабылдану себептері анықталған. Сандардың символикасы және оған байланысты мағыналар мәдени, ұлттық, діни салт-дәстүрлермен анықталатыны көрсетілген. Мақалада қытай тілінің фразеологиялық аясын зерттеу арқылы сандардың негізгі және қосымша мағыналарын анықтау әрекеті жүргізілген. Сандардың мәдени мағынасының өзгешеліктерін саралау жұмысы көптеген мысалдармен қосақталған.

Bakumova Y.A.,
Kazakh Ablai khan UIR&WL,
Almaty, Kazakhstan

The symbolism of numbers in Chinese culture

The article deals with the role of a number as an essential tool for the world order determination; the ethno-cultural specificity of connotations of numbers is revealed. The author analyzes the meanings of the first ten numbers in Chinese culture; the reasons for their perception are indicated. It is shown that the symbolism of the numbers and the connotations linked with them are determined by cultural, national and religious traditions. The author made an attempt to determine the primary and secondary meanings of numbers through the analysis of Chinese idiomatic idioms. The analysis of numbers connotations is provided with numerous examples.

УДК 801`37

Ешмаханова А.Б.,
КазУМОиМЯ имени Абылай хана,
Алматы, Казахстан, aika_8kz@mail.ru

ГАЗЕТНЫЙ ДИАЛОГИЧЕСКИЙ ЖАНР В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ: ИТОГИ ТРАНСФОРМАЦИИ

Газетный диалогический жанр в политическом дискурсе рассмотрен как феномен языкового сознания. Выявлены основные факторы, повлиявшие на его стремительную трансформацию за последнее десятилетие: глобальный кризис, новые информационные технологии, переход к новой парадигме политической борьбы, монополизация медийного бизнеса. Под воздействием этих факторов произошли переход к качественно иным методам конструирования и репрезентации текстов общественно-политической направленности и коренной перестройке лексической системы политического языка, что и повлекло за собой полную трансформацию газетного диалогического жанра в политическом дискурсе.

Ключевые слова: газетный диалогический жанр, политический дискурс, лексическая система политического языка, новая парадигма политической борьбы, монополизация медийного бизнеса, методы конструирования и репрезентации текстов общественно-политической направленности

В теории журналистики подробно рассмотрены особенности газетных диалогических жанров; используется типология «интервью – диалог – беседа (полилог)»; эти жанры различаются количеством участников, их ролью и методами получения информации [1].

В лингвистике диалогичность газетного (и шире – журналистского) дискурса рассматривается как фундаментальное онтологическое качество [2]. Исследование газетных диалогических жанров в политическом дискурсе проводится в соответствии с методологией прагматической лингвистики (прагматики), которая использует такие фундаментальные категории, как говорящий (адресант), слушающий (адресат), речевой акт, интенция, речевая ситуация, стратегии и тактики речевого поведения [3].

В данной статье представлен третий подход: газетный диалогический жанр в политическом дискурсе рассмотрен как феномен языкового сознания; особое внимание обращено на изменения, которые определяют его стремительную трансформацию.

Результаты исследования

1. Как известно, именно с помощью языка происходит созидание новой политической реальности: можно сказать, что всякое серьезное политическое действие начинается с реформы языка, с введения – сначала в язык текстов общественно-информативной направленности, а через него уже в повседневный обиход - новых слов.

Язык является основной средой определения, сохранения и передачи социального опыта и инструментом объективации субъективных значений, преобразует психологические феномены в социальные факты, придает индивидуальным переживаниям интерсубъективное значение, функция языка лежит в основании конструирования социальной идентичности: «изобретая термин, изобретаешь явление; пока не изобретешь точный выражающий явление термин, само явление не может быть описано, понято и подвергнуто критике или встречено одобрением» [4].

Язык представляет собой главный ресурс, «символический инструмент власти» [5, с. 78]; «именами и числами человеческое понимание приобретает власть над миром» [6, с.206]; «власть, заключенная в языке, незаметна, ибо от нас ускользает то обстоятельство, что всякий язык классифицирует, а классификация – это тирания» [7, с.335]; «невозможно сделать революцию, не изменив старый язык и словарь, поскольку именно они готовят изменения сознания» [8, с.114].

Новейшая история убедительно демонстрирует нам, что любая структурная реформа общественной жизни начиналась с внедрения в политический язык и массовое сознание новых, как их метко назвал В. Набоков, «беспощадных слов» [9, с.243]. «Язык - это власть, ... точнее, власть записана в языке ... при наличии политической воли язык становится дискурсом власти» [10].

Наглядным подтверждением справедливости этого тезиса С.А. Медведева, который сформулировал его по результатам проведенного им анализа «советского новояза» как инструмента государственного переворота в России и создания нового государства СССР [10], стала получившая широкое распространение на рубеже 80-х годов прошлого века новая парадигма политической борьбы.

Наиболее содержательное ее воплощение было представлено в работах американского историка и политолога Дж. Шарпа – разработчика методов ненасильственных форм сопротивления власти. Хорошо известны его труды «От диктатуры к демократии» («From Dictatorship to Democracy») и «198 методов ненасильственных действий» («198 Methods of Nonviolent Action»). Первая апробация этих методов произошла в конце 1980-х годов в охваченной протестными настроениями Бирме – в результате использования предложенных Дж. Шарпом методов было изменено не только политическое устройство страны, но и са-

мо ее название – на Мьянму. Книги Дж. Шарпа в последствии были переведены на 44 языка и используются во всем мире [6]. Неоднократное их применение подтвердило, что методы ненасильственных действий могут быть использованы в любой комбинации в любой стране – достаточно вспомнить о прокатившихся по всему миру эпидемий сначала «бархатных», затем «цветных» и, наконец, революций «арабской весны».

Именно под воздействием «методов ненасильственных действий» за последнее десятилетие во многих странах 1) сформировался современный политический язык и 2) произошла, творимая этим новым языком, смена власти.

2. В настоящее время мир столкнулся с кризисом, специфика которого обусловлена наложением (совпадением по времени) финансово-экономического, экологического (климатического), ресурсного (сырьевого) и ценностного (социального) кризисов. Это действительно глобальный кризис [11], который описывается специалистами в области прогнозирования социально-экономических процессов, как «фаза великих потрясений» в мировом развитии [12, с.415].

Кризис оказывает свое влияние и проявляется во всех без исключения сферах нашей жизни. Причем меняется мир весьма стремительно: учеными за последние десятилетия выявлен принципиально новый характер развития человечества, качественное увеличение скорости протекания всех социальных процессов; так, «десятки тысяч лет в палеолите оказались эквивалентными по количеству изменений продолжительности жизни одного поколения в XX веке» [13].

Глобальные политические установки и принципы, казавшиеся прочными еще десятилетие назад, подверглись стремительному разрушению. Неолиберальные ценности глобализации стремительно утрачивают свое влияние, сталкиваясь с новыми социально-политическими реалиями [14]. Мир столкнулся с кризисом политических систем, в которых правит торжествующая и в то же время некомпетентная технократия. Проводимая ими политика нацелена на одно – чтобы электорат был спокоен. Краткосрочные задачи политического выживания оказываются гораздо важнее, чем задачи развития страны. Налицо кризис государств, весело и легко практиковавших покупку голосов избирателей за счет взятых в долг денежных средств – задолженности, которую будут выплачивать следующие поколения [15].

Демократия превратилась в инструментарий политической догматики: «чтобы быть принятым в западное общество, необходимо быть по умолчанию за демократию; тот, кто ставит ее под сомнение, просто выпадает из поля политкорректности» [16]. Страны Запада все чаще используют философско-политические универсалии демократии, свободы,

равенства, прав человека в качестве коммерциализированных символов своей внутренней и внешней политики [14].

На первый план в современном мире выходят отнюдь не демократические, не электоральные формы управления обществом, а совершенно другие модели. В одних странах это возврат к прямой диктатуре старых элит, в других стало возможным торжество негосударственных вооруженных организаций. Вполне вероятно, миру вскоре предстоит столкнуться с противостоянием между старыми элитами, которые перейдут к открытым диктатурам, и радикалами, которые будут опираться на всенародную поддержку.

Все эти столь непривычные и «неудобные», столь труднообъяснимые в рамках привычного, устоявшегося политического дискурса, проявления кризиса, стали одной из главных причин происходящей на наших глазах глобальной перестройки лексической системы политического языка [17].

3. Главной движущей силой, мотором этой перестройки стали новые информационные технологии, которые коренным образом изменили практику политико-коммуникативного взаимодействия и процесс принятия политических решений [18].

Мир социальных сетей произвел революцию в нашем способе общения. Люди вдруг стали «тэгить» друг друга, «твитить» о себе и «лайкать» все, что только видят. Впервые стало возможно иметь «друзей», которых вы никогда не видели. Знатоки языка социальных сетей редко используют полные предложения и даже целые слова (поскольку есть ограничение в 140 знаков). ООН уже провозгласила доступ в Интернет неотъемлемым правом каждого человека на Земле: «Всемирная сеть», без которой люди прекрасно себя чувствовали еще 30 лет тому назад, сегодня настолько же важна, как солнечный свет, вода, пища, возможность работать, зарабатывать, лечиться и отдыхать. Вполне реальным стало и такое явление, как психическое расстройство под названием «интернет-зависимость».

Свободный поток информации в Интернете означает не только свободу мнений, но и большое количество недостоверной, непроверенной, излишне субъективной информации. Внедрение электронной коммерции на газетных сайтах также привело к сглаживанию или исчезновению разграничения между информационным и рекламным текстом, традиционно жестко разделяемыми в СМИ. Соположение на одной странице информации рекламного и нерекламного характера без разграничения по степени объективности приводит к появлению сомнений у читателя в достоверности предлагаемого материала. С другой стороны, это приводит к появлению большого количества приемов, позволяющих автору дистанцироваться от выраженного им же мнения. Подача инфор-

мации с позиций неизвестного источника, использование «аксиом» («всем хорошо известно, что...») и прочие технологии управления общественным мнением получают все большее распространение как среди журналистов, так и политтехнологов, специалистов по связям с общественностью. Для таких технологий характерно сокрытие самого факта воздействия, когда мнение подается в скрытой форме, замаскированное под факт. Читателю сложно отделить случаи, когда журналист выражает собственное мнение от тех, когда аудитории под видом аналитической статьи навязывается определенная оценка. Большей частью приходится говорить о смешении открытого мнения и мнения скрытого.

По мере увеличения присутствия текстов общественно-информативной направленности в Интернете и развития мобильной телефонии первостепенное значение получает заголовок. В связи с тем, что экран имеет ограниченный размер, а количество конкурирующих сообщений необычайно высоко, сам текст в большинстве случаев представлен в виде заголовка и одного – двух первых абзацев. При составлении заголовков зачастую нарушается принцип журналистики, гласящий, что заголовок должен отражать содержание текста. Заголовок современных текстов общественно-политической направленности, размещенных в Интернете, не полностью отражает содержание, частично не договаривает, чтобы заинтриговать и заставить читателя обратиться собственно к тексту [19].

Глобальная перестройка лексической системы политического языка, изменение практик политико-коммуникативного взаимодействия нашли свое отражение в возникновении новых подходов к написанию текстов общественно-информативной направленности, как профессиональной деятельности, к фактическому переформатированию газетного диалогического жанра в политическом дискурсе.

4. Глобальный кризис и качественные изменения практики политико-коммуникативного взаимодействия, обусловленное распространением новых информационных технологий, вызвало столь же глобальную перестройку лексической системы политического языка [20].

Эти процессы проявляются в текстах общественно-информативной направленности как совершенно особые лингвистические явления. Так, по мнению доктора филологических наук, директора Института лингвистики РГГУ М. Кронгауза, «сегодняшний русский политический язык – это варево из советских клише, бандитских словечек и сленга: присутствуют как советские клише, так и фразы и речевое поведение, которое явно находится под влиянием английского языка и поведения американских политиков» [21]. Открытость современного общества для международных контактов, ориентация во многом на западную культуру, образ жизни обусловили массовое вхождение в русский язык заимство-

ванной лексики и словообразовательных элементов (преимущественно из американского варианта английского языка). Американцы очень любят изобретать новые термины: «постамериканский мир», «столкновение цивилизаций», они постоянно осуществляют экспансию терминов. В русском политическом языке используется либо калька с англосаксонского с крайне условным смыслом из-за невозможности перевода, либо результат зачастую неуклюжих попыток покопаться в собственном языке: сейчас модно копать в советском языке [22].

За последние годы в политическом языке произошел настоящий лексический взрыв, который характеризуется рядом важнейших изменений. В их числе – бурный процесс словообразования: новые производные слова появляются и входят в речевое употребление не постепенно, а в историческом масштабе практически одномоментно. Активно протекают и семантические преобразования: стремительно расширяется сочетаемость многих слов, что приводит к быстрому появлению у них новых значений. Особой приметой является и активное, неконтролируемое вторжение сниженной, жаргонной, а нередко и нецензурной лексики [20-21].

5. На смену журналистике, делающей упор на контекстуальный, углубленный, аналитичный материал приходит пропагандистская модель идеологического оболванивания, характеризующаяся укорачиванием материалов, доминированием «новостей-прорывов», с частыми повторениями и упором на броские заголовки-клише [23]. Сегодня СМИ – это оружие, главный инструмент управления массами; «информационный террор убивает гораздо больше людей, чем любое другое оружие» [24]. Сегодня монополия на применение этого оружия США.

Если ещё три десятка лет назад 90 % средств массовой информации в Америке принадлежали пятидесяти компаниям, то сегодня сферу медийного бизнеса США на 90% контролируют пять мегакорпораций. Особая роль в проведении единой информационной политики Запада принадлежит информационным агентствам. Уровень монополизации этой сферы является запредельно высоким [25]. Создание оригинального контента стало делом немногих избранных. Львиная доля всей информации, транслируемой в западных СМИ, приходится всего на три агентства - Reuters, Associated Press и Agence France-Presse. На Reuters (одна из старейших в медийном бизнесе компаний, существует с середины XIX века), работают более 14000 сотрудников в 91 стране мира, в том числе 2300 журналистов, фотокорреспондентов и видеооператоров. Reuters насчитывает в общей сложности 197 бюро по всему миру. Принято считать, что это английская компания. Однако в 2008 году она была куплена корпорацией Thomson, после чего последняя стала называться Thomson Reuters [26].

Влияние этих информационным агентств на политический дискурс столь велико, что современные исследователи говорят о возникновении т.н. «интерлингвокультуры» [27], пытающейся «подмять под себя» национальные культуры и системы ценностей.

Таким образом, основными факторами, повлиявшими на газетный диалогический жанр в политическом дискурсе как феномен языкового сознания, являются: глобальный кризис, новые информационные технологии, переход к новой парадигме политической борьбы (изменение методов политико-коммуникативного взаимодействия и принятия политических решений), монополизация медийного бизнеса, повлекшая за собой формирование интерлингвокультуры.

Под воздействием этих факторов произошли а) переход к качественно иным методам конструирования текстов общественно-политической направленности и б) коренная перестройка лексической системы политического языка. Данные факторы обусловили переформатирование (трансформацию) газетного диалогического жанра в политическом дискурсе.

Список литературы

- 1 Гуревич С.М. Газета: вчера, сегодня, завтра – М. Аспект Пресс 2004. – 288 с.
- 2 Дускаева Л. Р. Диалогическая природа газетных речевых жанров / Под ред. М.Н. Кожинной. – СПб.: СПбГУ: Филол. факультет, 2012. – 274 с.
- 3 Омаров Н. Р. Прагматические особенности газетных диалогических жанров в политическом и творческом дискурсах: автореф. дисс. ... к филол. н. – Павлодар: Инновационный Евразийский университет, 2009. – 30 с.
- 4 Межуев Б. Заказ на новые идеи [электронный ресурс] // Информационно-аналитический сайт «Взгляд» 8 ноября 2011 – URL: <http://vz.ru/opinions/2011/11/8/536931.html> - (дата обращения: 8.03.2015).
- 5 Бурдые П. Начала / Пер. с фр. – М.: Socio-Logos: Фирма "Адапт", 1994. – 287с.
- 6 Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории т. 1. Гештальт и действительность / Пер. с нем. и примеч. К.А.Свасьян. – М.: Мысль, 1993. – 672 с.
- 7 Барт Р. Нулевая степень письма // Семиотика. – М., 1983. – 450 с.
- 8 Вербер Б. Империя ангелов / Пер с фр. А.Агафонова – М.: Гелос: Рипол классик, 2006. – 448 с.
- 9 Набоков В. Лекции по зарубежной литературе. – М.: Издательство Независимая Газета, 2000. – 512 с.

10 Медведев С.А. СССР: деконструкция текста (К 77-летию советского дискурса) //Иное: Хрестоматия нового российского самосознания. – М., 1995. – 236 с.

11 Кузык Б.Н. Прогнозирование и стратегическое планирование социально-экономического развития / Кузык Б.Н., Кушлин В.И., Яковец Ю.В. – Москва: Экономика, 2011. – 604 с.

12 Моделирование и прогнозирование мировой, региональной и национальной динамики / Рук. проекта акад. В.А. Садовничий. Отв. ред. А.А. Акаев, А.В. Коротаев, Г.Г. Малинецкий, С.Ю. Малков. – М.: Либероком /URSS, 2011. – 580 с.

13 Капустин В.С. Синергетика социальных инновационных процессов.– Режим доступа – URL: <http://nonlin.ru/node/111> - (дата обращения: 18.03.2015).

14 Коробка Д.С. Политическая онтология современности: новые смыслы, новые стратегии: Автореф.дисс. ... к.пол. н. – М., 2010. – 26 с.

15 Гав Ш. Кризис капитализма? Нет, кризис государств! (Gave Charles, Le Figaro) – URL: <http://rus.ruvr.ru/2011/09/16/56243681.html> - (дата обращения: 21.03.2015).

16 Дугин А. Деконструкция демократии: Информационно-аналитический сайт «Око планеты».- Режим доступа: URL: <http://oko-planet.su/first/84871-aleksandr-dugin-dekonstrukciya-demokratii.html> - (дата обращения: 21.03.2015).

17 Воробьева О.И. Политическая лингвистика. Современный язык политики. – М.: Издательство ИКАР, 2008. – 296 с.

18 Лекторова Ю.Ю. Политические коммуникации в сетевом ландшафте: акторы и модели взаимодействия: Автореф. дисс. ...к.а полит. н. – Пермь, 2011. – 23 с.

19 Луканина М. В. Текст средств массовой информации и конвергенция // Политическая лингвистика. – 2006. - Вып. 20. – С. 205-214.

20 Ибатуллина С.Т. Изменения в лексической системе русского языка в конце XX века. – Режим доступа – URL: <http://www.lingvotech.com/leksicheskatasistema> - (дата обращения: 25.03.2015).

21 Зоркина Е. «Слова теряют смысл». Интервью с директором Института лингвистики РГГУ М. Кронгаузом. – Режим доступа: URL: <http://vz.ru/politics/2011/11/8/536630.html> - (дата обращения: 25.03.2015).

22 Телень Э.Ф., Полевая М.Ю. Язык английской и американской прессы. – М., Высшая школа, 2006. – 119 с.

23 Макеенко М.И. Американская журналистика в Интернете // Новые медиа и конвергенция: Сб. матер. Третьей летней школы по журналистике и массовым коммуникациям. – М., 2004. – С. 43-51.

24 Фионова Л., Шабалин А. Информационный терроризм – опасность номер один. Ч.1.– URL: Режим доступа: <http://www.zanauku.ru/>

index.php?option=com_content&task=view&id=9230&Itemid=35 - (дата обращения: 22.03.2015)

25 Катасонов В. Информационная война против России: откуда исходят удары. – Режим доступа: URL: <http://www.fondsk.ru/news/2015/01/29/informacionnaja-vojna-protiv-rossii-otkuda-ishodjat-udary-31527.html> - (дата обращения: 06.04.2015).

26 Шарп Д. От диктатуры к демократии: стратегия и тактика освобождения / Пер. с англ. – М.: Новое издательство, 2005. – 84 с.

27 Юзефович Н.Г. Адаптация английского языка в межкультурном политическом дискурсе «Россия – Запад»: Дисс...д.филол.н. – СПб.: СГЭУ, 2014. – 596 с.

Ешмаханова А.Б.,
Абылай хан атындағы ҚазХҚжәнеӘТУ,
Алматы, Қазақстан

**Саяси сөйлеу тіліндегі газеттік диалогтік жанр:
қайта өзгеруінің нәтижесі**

Саяси сөйлеу тіліндегі газеттік диалогтік жанр тілдік танымның ерекше құбылысы ретінде қаралды. Соңғы он жылдағы оның жедел өзгеруіне әсер етуші мынадай негізгі факторлар анықталды: жаһандық дағдарыс, жаңа ақпараттық технологиялар, саяси күрестің жаңа парадигмасына көшу, бұқаралық ақпарат құралдары (БАҚ) бизнесін монополизациялау. Осы факторлардың әсерінен қоғамдық-саяси бағыттағы мәтіндерді репрезентациялау мен құрастыру, саяси тілдің лексикалық кешенін түбірімен қайта құрудың сапалы әдістеріне көшу саяси сөйлеу тіліндегі газеттік диалогтік жанрдың толықтай қайта құрылымының да өзгеруіне әкеліп соқты.

Yeshmakhanova A.B.,
Kazakh Ablai khan UIR&WL,
Almaty, Kazakhstan

**Newspaper dialogical genre in the political discourse:
Results of the transformation**

The article deals with the newspaper dialogical genre in a political discourse as a phenomenon of language consciousness. It is revealed the major factors which influenced its transformation for the last decade: global crisis, new information technologies, transition to a new paradigm of political struggle, monopolization of media business. It is analyzed the process of the

transition to other methods of designing and representation of texts of a political orientation and radical reorganization of lexical system of political language which caused full transformation of a newspaper dialogical genre in a political discourse.

УДК 801, 36

Садыкова Р.К., ф.ғ.к., доцент,
Абай атындағы ҚазҰПУ,
Алматы, Қазақстан, roza.sadikova@mail.ru

ПАРСЫ ТІЛІНІҢ ӘЛЕУМЕТТІК ЛИНГВИСТИКАЛЫҚ ЕРЕКШЕЛІКТЕРІ

Бұл мақалада парсы тілінің дүние жүзіндегі рөлі, оның ерекшеліктері және жаһандық мәдениетте өз орны бар тіл ретінде қарастырылады. Парсы тілі немесе фарси деп дүниеге таралған атақты тілдердің бірі болып табылады. Сондай-ақ мақалада тілді тек Иран (бұрынғы Персия) емес, бәлкім Ауғанстан, Тәжікстан және Памир жерлерінде қолданатыны туралы айтылады.

Тірек сөздер: мемлекеттік тіл, парсы тілі, парсы мәдениеті, парсы тілінің фразеологиясы, қазақ әдебиеті

Парсы мәдениеті – Азия аумағына кең тараған және кеңінен ықпал еткен мәдениеттің бірі. Парсы тілі үндіеуропалық тілдер әулетінің иран тобының оңтүстік-батыс тармағына жатады және Иран Ислам Республикасының мемлекеттік тілі болып табылады. Парсы тілі ортағасырлық парсы әдебиетінің және Қайта жаңғыру дәуіріндегі әдебиеттің аса бай мұрагері болып табылады. Қазіргі кезде парсы тілінде сөйлейтіндердің саны барынша мол: бұл Иран елінің мемлекеттік тілі болып барлық әкімшілік – басқару, қоғамдық және діни салалардың барлығында, Тәжікстанда, Пәкістанда, Ауғанстанда, Парсы шығанағында орналасқан Бахрейн, Ирак, Оман, Йемен, Біріккен Араб Әміриаты сияқты елдерде кеңінен пайдаланылады. Парсы тілінде сөйлетіндердің саны- Иранның өзінде 65 миллионнан асады (шамамен 90 пайыз), Тәжікстанда 7 миллион астам адам, ал Ауғанстанда осы парсы тілінің варианты болып табылатын дари тілінде 34 миллион адам, Пәкістанда 2 миллион адам сөйлейді. Парсы тілін АҚШ-та,

Ұлыбританияда, Германияда, Ресейде тұратын диаспора қолданады. Жалпы алғанда, 61 миллион адам парсы тілін бірінші тіл, ал 62 миллион адам екінші тіл деп есептейді. Әрине, бұл арада барлық аумақта парсы әдеби тілі пайдаланылады деуге болмайды, әр жерде парсы тілінің диалектілік ерекшеліктері қалыптасқан. Қазіргі кезде жазба тіл үшін парсы әліппесі қолданылады, ол араб әліппесінің негізінде жасалғанмен, парсы тілінің заңдылықтарын қамтитын бірнеше таңбалармен толықтырылған. Дегенмен қазіргі парсы әдеби тілі көне парсы тілінен бастау алатынын айтуға тиіспіз, ал көне парсы тілі біздің эрамызға дейінгі I мыңжылдықтарда таралады да, ортағасырлық парсы тілі арамей графикасын пайдаланды. Жаңа ғасырдағы парсы тілінде жетілдірген араб жазуы қолданылады. Жаңа ғасырдағы парсы тілі-мұсылман әлеміндегі маңызды жағынан екінші тіл дәрежесінде. Осы жаңа парсы тілі – мұсылман әлеміндегі маңызы жағынан екінші тіл дәрежесінде. Осы жаңа парсы тілінде классикалық ортағасырлық әдебиет қалыптасты, Фирдоусидің, Рудакидің, Хафиздің, Омар Хайамның шығармалары парсы тілінің эталоны түрінде танылады. Аталған атақты адамдардың шығармалары әлем мәдениетінің бай қорына қосылған. XIX ғасырдың соңына қарай парсы мәдениетінде проза жанрының үлгілері өркендеді, оның дамуына Садег Хедаят, Бозорг Алави, Мухаммад Али Жамал-заде, Садег Чубак, Джелал аль-Ахмад, Хосроу Шахани, Мухаммад Доулатабади, Бахрам Садеги, Джемаль мир Садеги, Хушанг Гольшири, Исмаил Фасих және т.б көрнекті жазушылар елеулі үлес қосты.

Парсы тілінің әлеуметтік лингвистикалық жағдайын қысқаша түрде төмендегіше сипаттауға болады:

Бірінші. Парсы әдеби тілі классикалық парсы тілінен фонетика (әсіресе дауысты дыбыстарға байланысты), морфология, синтаксис, лексика жақтарынан үлкен айырмашылықтарға ие. Қазіргі кезде ауызекі сөйлеу тілінде жақындау, соған бет бұру үрдісі байқалады, бұған әсіресе XX ғасырда парсы прозашылары жасаған туындылары зор әсер етті.

Екінші. Қазіргі парсы әдеби тілі Иранның ресми тілі және білім беру жүйесінің тілі болып табылады. Бірақ парсы диалектілері өте көп, сондықтан парсы интеллигенциясының тілді толық меңгерген топтарында қостілдік сипат бар деп саналады, яғни олар қазіргі парсы әдеби тілі мен диалектілік ерекшеліктерді араластыра пайдаланады. Оларда мазендеран, гилиан сияқты иран диалектілермен қатар әзірбайжан, түркімен, қашқай сияқты түркі диалектілері де бар.

Үшінші. Парсы әдеби тілін лингва франка деп санауға болады. Бұл терминге төмендегідей анықтама берілген: «Lingua franka-әр түрлі тілдерді пайдаланушылар арасындағы коммуникацияда қызмет ететін тіл; өзіндік сипатқа ие, аралас дәнекер-тіл, ол қарым-қатынастың нақты

әлеуметтік–экономикалық ортасында (мысалы, саудада) әртілді тұрғындарға қызмет көрсетеді. Лингва франканы нақты бір жалпыұлттық немесе халықаралық тілмен теңдестіру ақиқатқа сәйкес келмейді» [1, 159-160 б.].

Төртінші. Парсы тілі мемлекеттік тіл бола тұра, орта білім беру жүйесінде араб тілі міндетті пән болып саналады, бұл тіл парсы тіліне үлкен әсер етуде.

Бесінші. Қазіргі кезеңде лингвистикалық және экстралингвистикалық факторлардың салдарынан қазіргі парсы тілі диалектілерінің арасындағы айырмашылықтар анығырақ байқалуда. Бұл жайт ауызекі сөйлеу тілінде басталады да кейінірек жазба мәтіндердің стилі мен фразеологиялық құрамына көрінді. Парсы тілін зерттеушілердің көзқарастары бойынша бұндай айырмашылықтар бүгінгі таңда іргелі сипат алып отыр, яғни тілдің барлық қаттауларына тән болып отыр. Қазіргі Иран, Ауғанстан және Тәжікстан аумақтарында өзара туыстас үш мемлекеттік тіл бар деп айтуға болады, олар: парсы, дари және тәжік тілдері. Парсы тілі мен дари араб әліппесін, ал тәжіктер ХХ ғасырдың отызыншы жылдарынан бастап кирилшені қолданғанымен, үш елдің тұрғындары өзара еркін түсінесе алатындай дәрежеде.

Парсы тілінің типологиялық сипаттамасына келетін болсақ, онда ең алдымен бұл тілдің синтетизмінің элементтері бар аналитикалық тілдерге жататындығын атауға болады.

Парсы тілінде араб сөздері, мамандардың көрсетуі бойынша 60-80 пайызды құрайды. Кейініректе парсы тілінің лексикалық құрамында монғол, түрік, батыс еуропалық және аздаған орыс тілдері пайда болды. Өткен ғасырдың бас кезінде өзге тілден енген сөздерден тілді тазарту жұмыстары жүргізілді, яғни француз және ағылшын тілдерінен тілді тазарту жұмыстары жалғасуда. Олардың орнына парсы тілінің өзінің сөзжасамдық моделдерімен жаңа сөздер жасау жолға қойылған.

Парсы тілінің әлемдік мәдениетке және әлемдік экономикаға ықпалы өте зор. Сондықтан қазіргі заманда әлемдегі барлық елдер дерлік парсы мәдениеті мен әсіресе тілін үйренуге, білуге басты назар аударылып отыр.

Бұған әсіресе орыс мемлекеті ерекше мән береді, ХҮІІІ ғасырдың өзінде-ақ Бірінші Петр парсы тілін білудің маңыздылығын байқап, бірнеше аудармашы-мамандар дайындатқызды. ХҮІІІ ғасырдың екінші жартысында орыс ғалымдары Фирдоусидің «Шахнама», «Авеста», Хафиздің «Диуан» сияқты шығармаларын аударып, лексикографиялық еңбектер жасауды қолға алды. 1804 жылдан бастап Ресей империясының жоғары оқу орындарында парсы тілін оқыту бастаған (Мәскеуде, Санкт-Петербуркте, Қазанда, Харьковте). 1826 жылы

Мәскеу университетінің доценті А. Болдырев оқулық хрестоматия жасап шығарды, оған газелдер, қасыдалар, новеллалар және көлемді шығармалардан алынған үзінділер, сонымен қатар 3500 лұғаттан тұратын парсыша-орысша сөздік енгізілген. Осы кітапта сондай-ақ парсы тілінің қысқаша грамматикасы болды. Еңбектің құндылығы соншалықты, бұл кітап ХХ ғасырдың басына дейін жоғарғы оқу орындарындағы парсы тілі үшін негізгі оқулық болып саналды және тіпті кейінгі оқу құралдарында да А. Болдырев жасаған еңбектің материалдары мен құрылымы, негізгі мәліметтер пайдаланылды.

Парсы тілі және қазақ тілі, жалпы алғанда, парсы мәдениеті мен қазақ мәдениеті арасындағы байланыстарға келетін болсақ, әсіресе мәдениеттер арасындағы байланыс ертеректен басталғанын байқаймыз. Абайтанушы ғалымдар көрсететіндей, ұлы ақын Абайдың өзінің алғашқы шығармаларын Фердоуси, Шәмсиге еліктеп бастауы парсы мәдениетінің қазақ даласында болғанын көрсетеді. Парсы мәдениеті мұсылман дінінің таралуымен байланысты қазақ даласына келді. Сонымен қатар оқу-ағарту жұмыстары да араб- парсы тіліне байланысты болды. «Өз дамуының ұзақ тарихында қазақ халқы да өзімен көршілес немесе шеткері жатқан көптеген елдермен үнемі қарым-қатынас жасап келгені мәлім. Сондықтан сол халықтардың тілдерінен қазақ тіліне көптеген сөздер және сөздік элементтер еніп, қазақтың тіл қорын молайтып, байыта тускен» .

Қазақ тілінде парсы және араб тілінен енген сөздерден саны, зерттеушілердің пікірлері бойынша, шамамен 10-15 пайызды құрайды. Бұлар, негізінен ХҮІІІ-ХІХ ғасырларда енген сөздер. Бұлардың қатарында жалпы абстрактілік түсінік, оқу-ағарту және мәдениет терминдері бар, мысалы адамзат (адамизад), әмісе (һәмишә), ғазал (ғәзәл), ыждағат (әджтеһад), пешене (пешене), ақиқат(хағиғат), ақпарат(ахбар), ақырет(аһрет), аспаз(ашпаз), әдеп(одаб), әділет(одалат), бакша(бағче),ғашық (ошеғ), дана (доно), дәреже (дәрәдже), дәстүр (дастур), жануар (джанвар), жаһан (джаһон), жұма (джоме), зерек (зирәк), дүйсенбі (душәмбә), нан (нон), патша (подәша), зындан (зендон) т.б [2].

Қазақ тіліндегі араб-парсы сөздерін зерттегендер – белгілі ғалымдар І.Кенесбаев, Н. Оңдасынов, Л. Рүстемов, Е. Бекмұхамбетов. Парсы тілінің элементтері әсіресе оңтүстік өңірдегі қазақ тілі диалектілерінде сақталған, бұған көршілес жатқан өзбек, тәжік ұлттары тілдерінің әсері бар. Парсы тілі қазақ мәдениетінде кісі есімдерінде де кеңінен қанат жайған. Жалпы алғанда, қазақ тілі тарихы бойынша зерттеулерде араб-парсы элементтері бөле-жара көрсетілмейді, екеуі тұтас қарастырылады. Бұның бірнеше себептері бар. Екі тілдің әліппесі бірдейге жақын, оның үстіне парсы тілінің өзінде араб тілінің сөздері молынан ендірілген.

Қазақстан Республикасының Президенті Н.Назарбаев 2009 жылғы 6 сәуірде Иран Ислам Республикасының Президенті Махмұд Ахмадинежадпен кездесіп, араб, иран елдерімен экономикалық және мәдени байланыстарды дамыту және нығайту үшін маман кадрлар даярлаудың маңызды екендігін атап көрсеткен болатын. («Егемен Қазақстан газеті», 2009 жылғы 7 сәуір) [3].

Осыған байланысты Қазақстанда бірнеше оқу орындарында парсы тілін жете меңгеру, арнаулы мамандар даярлау ісі жолға қойылған. Қазірдің өзінде бірнеше сөздіктер, оқулықтар мен оқу құралдары жарық көрді.

Оқып-үйренумен қатар мәдени қарым-қатынастарды нығайта түсу үшін аударма әдебиеттер жасау қажеттігі де бар. Бұл жолда Қазақстанның тәжірибесі соншалықты көп емес. Қазақ қауымы классикалық парсы әдебиетімен таныс, бірақ бұл таныстық орыс тілінен аудару арқылы қалыптасқан.

Зерттеушінің мынадай пікірі бар: «Қазақ елі мен Иран жұртының арасындағы әдеби қатынастардың тарихының тамыры тереңде жатыр. Екі елдің әдеби сабақтастықтарын, ортақ құндылықтарды зерттеуде отандық, шетелдік ғалымдар көп еңбектенсе де, олардың сыр сипаттары толықтай ашылып бітті деуге әлі ертерек. Нәзирагәйлік дәстүр мен көркем аударма мәселелері байсалды назар аударуды қажетсінуде. Қазақ әдебиетінің өркендеуіне, кемелдене түсуіне өзге халықтар әдебиетінің тигізген әсерінің орасан екендігі ақиқат. Ұлттық әдебиетіміздің өзге халықтардың әдебиетіне ықпал ете алған бай қазынасы, ғажап қоры бар екендігі ашып айтыла бермегені шындық. Ғылымдағы сондай ақтаңдақтардың орнын толтыратын күн туды» [4].

Парсы тілінің фразеологиясы өте бай және өзіндік сипатқа ие. Оларды халықтың ұлттық мәдениеті айқын көрініс табады. Кейбір афоризмдер мен тұрақты тіркестерді және қанатты сөздерді орыс тілінде беру мүмкін болмайды. Сонықтан орыс тіл біліміндегі лексикографиялық еңбектерді көбіне парсы тіліндегі контекст тұтас алынады [5]. Парсы фразеологизмдері сонымен қатар көпқырлы функционалды рөл атқарады, халықтың этнопсихологиялық және әлеуметтік-этикалық нормаларын көрсететіндіктен контрастивті-мәдениеттанулық талдау жасау үшін барынша маңызды болып саналады.

Әдебиеттер

1 Сүлейменова Э.Д., Шәймерденова Н.Ж., Смағұлова Ж.С., Ақанова Д.Х. Әлеуметтік лингвистика терминдерінің сөздігі. Словарь социолингвистических терминов / Жауап.ред. Э.Сүлейменова, А.Алдашева. – Астана, 2008.

2 Пилтанг Ж.Б., Садықова Р.К. Қазақ және парсы тілінде мағынасы бірдей сөздер. – Алматы, 2007.

3 Егемен Қазақстан газеті. - 2009 . - 7 сәуір.

4 Дүйсебаев Д.Қ. М.Әуезовтің «Абай жолы» роман-эпопеясының парсы тіліне аударылуы: ғыл.канд.дисс. – Алматы, 2006.

5 Аблақов Ә., Исаев С., Ағманов Е. Қазақ тіліндегі сөз тіркесінің дамуы мен лексикалану процесі. – Алматы: Санат, 1997. – 320 б.

Садықова Р.К., к.ф.н., доцент,
КазНПУ им. Абая, Алматы, Казахстан

Всемирная роль официального фарсидского языка

В статье рассмотрена всемирная роль официального фарсидского языка, его особенности и социально-языковая позиция в мировой культуре. Персидский язык, также известный под названием фарси, является одним из самых распространенных языков. Это язык Ирана (бывшей Персии), хотя на нем говорят в Афганистане, в Таджикистане и на Памире. В статье приведены роль и значение фарсидского языка в историческом ракурсе мировой культуры и ее влияние на современные языки и культуру народов Азии.

Sadykova R.K., Associate Professor,
KazNPU named Abay, Almaty, Kazakhstan

Iran language, about social linguistic view and peculiarities

The Persian language also known as Farsi is one of the most widespread languages. This is the language spoken in Iran (former Persia), although it is spoken in Afganistan, Tajikstan and the Pamir. The article is about world-wide role of oficial Iran language, about social linguistic view and peculiarities.

The article describes the role and importance of Iran language historical perspective of the world of culture and its influence on modern languages and culture of the peoples of Asia.

3 ТАРАУ
ҒЫЛЫМИ АУДАРМА АЯСЫНДАҒЫ ЗЕРТТЕУЛЕР

РАЗДЕЛ 3
ИССЛЕДОВАНИЯ В ОБЛАСТИ НАУЧНОГО ПЕРЕВОДА

УДК: 81'20

Асанова Г.С., PhD,
зав.кафедрой перевода и межкультурной коммуникации
Сарниязова С., студент,
факультет перевода и межкультурной коммуникации,
КазУМОиМЯ имени Абылай хана,
Алматы, Казахстан

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА НАУЧНЫХ ТЕКСТОВ
(НА МАТЕРИАЛЕ НАУЧНОЙ СТАТЬИ СТИВЕНА ХОККИНГА
«ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ВСЕЛЕННОЙ»)

В данной статье исследована актуальная проблема перевода научных текстов, в число которых входят перевод научных статей. Согласно социологическим исследованиям, современный человек интересуется всеми гранями науки – медициной, психологией, этнографией, искусствоведение, и т.д. В связи с этим, крайне важен перевод научных статей с английского языка, являющегося языком международного общения (в том числе и в научной сфере), на русский язык.

Ключевые слова: научный текст, специфика текстов, лингвистические характеристики, оригинал, исходный перевод

Различные исследования в области научного перевода – актуальная задача, которая направлена на достижение адекватности при переводе и способствующая ускорению обмена информацией в области новейших достижений науки среди специалистов и ученых разных стран. Полнота научных текстов представлена некоторыми лексическими и грамматическими особенностями. На лексическом уровне полнота достигается

выбором терминов и предъявлением их адекватных эквивалентов, которые обеспечивают ясность и недвусмысленность высказывания. Лексико-грамматические особенности научных текстов английского языка, например, отражаются в наличии двух возможностей пассивной глагольной трансформации в связи с отсутствием падежного изменения имени существительного, что делает формы прямого и косвенного объекта одинаковыми и позволяет пассивные глагольные трансформации, как при прямом, так и косвенном объекте. В русском же языке прямой объект выражен существительным или местоимением в винительном падеже. Трансформация глагола в активной форме в форму пассивную возможна лишь с преобразованием в субъект прямого объекта [1].

В английском языке в предложениях научных текстов используются местоимения *they* и *one* без указания на исполнителя действия. В русском языке местоимение отсутствует, действие передается глаголом в третьем лице множественного числа, делая предложение неопределенно-личным. Для русского языка из форм лица, большей степенью абстрактности характеризуется форма 3-го лица, например: *Проведенный опыт показывает....* В научных текстах русского языка, как известно, используются исключительно эту форму лица. Форма 1-го лица в тех немногочисленных случаях, когда она применяется, употребляется в научном тексте во множественном числе – тоже в обобщенном значении некоторой неопределенной совокупности лиц, куда включается и лицо говорящего. Научной речи русского языка свойственен, так называемый, «номинативный строй» - возрастание доли имен и уменьшение доли глаголов: первое место занимают имена существительные, второе – имена прилагательные, а третье – глаголы [2, с.22]. Специфика существительных с вещественным значением в научном стиле заключается в возможности употребления их во множественном числе для обозначения видов, сортов, веществ, инструментов (*oils, fats, sands, dividers, jointers*) [3, с.46].

Предложения научного текста строятся в строгой логической последовательности. Научное изложение представляет собой, как правило, монологическую речь. Вопросительные предложения используются с целью постановки проблемы, которая решается после постановки вопроса. Восклицательные предложения, отражающие высокую эмоциональность, не характерны для научной речи и возможны в жанре устной дискуссии. В научных текстах возможны длинные сложные предложения, которые способствуют высокой информативности: достаточно полной и подробной передаче информации. Предложения часто состоят из нескольких предикативных структур. Нередко предложения осложнены причастными оборотами, вводными структурами и т.п., увеличивающими их емкость. Большую роль при этом играют связочные элементы. В связи с последовательностью и доказательностью научного изложения, широко используются

причинно следственные союзы и логические связки *since, therefore, it follows* (так, таким образом) и др. [4, с.143].

Особенности употребления пассивного залога в английском языке, связаны с наличием двух возможностей пассивной трансформации из-за отсутствия падежного изменения имени существительного в английском языке. В научных текстах, как в русском, так и в английском языке достаточно широко распространены безличные предложения, так как результаты научных наблюдений преподносятся в обобщенном виде, но в каждом языке эти предложения будут иметь свои особенности. Так, в научных текстах русского языка употребляются безличные предложения с модальными словами и инфинитивом, с предикативными наречиями на –о, с безличными глаголами или с личными в значении безличных; например: *Любопытно знать, что... Интересно отметить, что...* Для русского языка характерны также и неопределенно-личные предложения. Что касается английского языка, то в нем безличные и неопределенно-личные предложения всегда двусоставные, имеют особые маркированные формы подлежащего. Например, неопределенно-личное местоимение *one* в функции подлежащего.

Рис.1. Классификация научных типов текста

Экспрессивные средства языка, в частности, эмоционально-экспрессивно окрашенная лексика, образные средства, не свойственны научным текстам. Эмоциональная окрашенность речи не способствует достижению точности, логичности, объективности и абстрактности изложения. Однако, следует отметить, что исследования синтаксиса научных текстов отмечают значительные выразительные возможности, которые заложены в использовании многообразных вариантов порядка слов в предложении [5]. При этом отмечается, что в основном в научных текстах используются те же лексические и грамматические средства создания образности, передачи эмоций и оценки, что и в других стилях.

Среди лингвистических характеристик, отличающих научные тексты от других типов текста, большинство авторов называют следующие:

Все эти особенности наблюдаются в русскоязычных и англоязычных научных текстах [6]. Как отмечает А.Л. Пумпянский, наиболее типичные особенности англоязычного научного текста, получившие достаточно подробное освещение в лингвистической литературе и зафиксированные при анализе материала исследования, следующие:

1. Сложные синтаксические построения представлены в научных текстах в основном сложноподчиненными предложениями;
2. Усложнение синтаксической структуры предложения может происходить за счет использования герундиальных, причастных и инфинитивных конструкций;
3. Среди грамматических конструкций в англоязычном тексте преобладает страдательный;
4. Отмечается использование синтаксических и лексических штампов, специальных устойчивых выражений, создающих логику повествования, обеспечивающих связность текста (*on the one hand, on the other hand, for example, as we have seen*, и т. д.).

Наиболее распространенной ошибкой начинающих переводчиков является стремление переводить пословно – однообразно членить исходный текст или высказывание на отдельные слова и находить их соответствие в языке перевода. Суть этой ошибки состоит в подмене представлений о характере переводимых знаков: вместо речевых единиц перевода переводчик механически подставляет языковые единицы, в то время как в разных языках языковой состав той или иной речевой единицы может не совпадать.

Главное условие правильности определения исходной единицы перевода – это выявление текстовой функции той или иной текстовой единицы. Неадекватность пословного перевода обусловлена именно неверной оценкой текстовых функций языковых единиц: попадая в тот

или иной контекст, слово как единица языка попадает в зависимость от контекста, как узкого, так и широкого. Например, если в русском языке глагол «жить» образует словосочетания «жить в населенном пункте», «жить в гостинице», то в английском языке в данных контекстах употребляются разные глаголы.

В данной статье мы остановимся на статье Стивена Хоккинга «Представления о Вселенной», обратившись к его лексическим особенностям, и проследим, как эти особенности переданы в переводе статьи на русский язык.

Рассмотрим частеречные особенности статьи и ее перевода. Соблюдение частеречной специфики оригинала является одним из условий создания адекватного перевода. Как пишет Р.Р. Чайковский, «каждая грамматическая форма содержательна, и ее замена неадекватными средствами привносит в текст перевода иной смысл, смещает акценты, искажает оригинал» [7, с.110].

Сопоставляя оригинал и перевод, я буду придерживаться количественного метода определения точности перевода, предложенного М.Л. Гаспаровым [8, с.73-78]: при анализе точности переводов необходимо сопоставлять воспроизведение в переводе знаменательных слов. Под знаменательными словами имеются в виду, как принято, существительные, прилагательные, глаголы и наречия. Для анализа воспроизведения употребления частей речи в статье «Представления о Вселенной» и его русскоязычном переводе был взят текст оригинала объемом в 2482 слова (в данный объем слов входят только существительные, глаголы, прилагательные и наречия) и соответствующие фрагменты перевода. В результате сопоставления оригинала и перевода было выявлено, что количество употреблений этих частей речи в переводе составило 1933 лексические единицы, т.е. на 549 единиц меньше, чем в оригинале. В оригинале было использовано 851 глаголов, 757 существительных, 373 наречий и 399 прилагательных.

Таблица 1. Количество слов

Текст	Количество слов			
	существительных	глаголов	Наречий	Прилагательных
Оригинал	757	851	373	399
Перевод	574	658	287	314

Как видно из таблицы, статье «Представления о Вселенной» свойственна более высокая частотность употребления глаголов по сравнению с существительными. Однако если мы добавим к числу существительных относящиеся к ним прилагательные, обнаружится, что общее число именных частей речи немного превышает число глаголов.

Перейдем теперь к рассмотрению сопоставительного анализа перевода каждого предложения. Для большей наглядности при сопоставлении лексики оригинала и перевода я использовала следующую таблицу:

Таблица 2. Количество английских слов

English/ Original text 1	Russian/ Translated text 2	Analysis 3
“Ideas about the Universe”	“Представления о Вселенной”	В этом предложении есть ложный друг переводчика «Ideas». Это слово нельзя перевести, как «Идеи». Для сохранения логического ударения.
As long ago as 340 B.C. Aristotle, in his book <i>On the Heavens</i> , was able to put forward two good arguments for believing that the earth was a round ball rather than a flat plate.	Еще в 340 г. до н. э. Аристотель в сочинении «О небе» сформулировал два веских довода в пользу того, что Земля скорее круглая, как шар, нежели плоская, как тарелка.	Произошла лексическая трансформация «book» - «сочинении». Но несмотря на выделение различных признаков, оба языка в равной степени адекватно отражают одно и то же явление действительности. Происходит замена слов “ was able to put forward”. Переводчик предпочитает заменить это словосочетание одним словом «сформулировал». Замена герундия «forbelieving» существительным «в пользу».
First, he realized that eclipses of the moon were caused by the earth coming between the sun and the moon.	Во-первых, он осознал, что лунные затмения возникают из-за прохождения Земли между Солнцем и Луной.	Происходит трансформация пассивной формы «werecaused» в активную «возникают».
The earth’s shadow on the moon was always round, which would be true only if the earth was spherical.	Тень Земли на Луне всегда круглая, а подобное возможно, только если Земля имеет сферическую форму.	Здесь ярко выражена конкретизация глагола to be. «theearthwasspherical» - «Земляимеетсферическуюформу». Также произошла лексическая трансформация из-за различий в их семантической структуре и в их употреблении. «which would be true» - «а подобное возможно».
If the earth had been a flat disk, the shadow would have elongated and elliptical, unless the eclipse always occurred at a time when the sun was directly under the center of the disk.	Будь наша планета плоским диском, тень ее была бы вытянутой, эллиптической, за исключением тех случаев, когда в момент затмения Солнце располагается прямо над центром диска.	Произошло опущение слова «always». Замена глагола «occurred» существительным «случаев».

Продолжение Таблицы-2		
Second, the Greeks knew from their travels that the North Star appeared lower in the sky when viewed in the south than it did in more northerly regions.	Во-вторых, из опыта путешествий древние греки вынесли, что в южных странах Полярная звезда стоит ниже над горизонтом, чем в тех, что лежат ближе к северу.	Произошло добавление слова «опыт». Так же видна перестановка «viewed in the south» с добавлением в ней слова «странах». Лексическая трансформация «lower in the sky» и «ниже над горизонтом». А также опущение слова «regions».
From the difference in the apparent position of the Pole Star in Egypt and Greece, Aristotle even quoted an estimate that the distance around the earth was 400,000 stadia.	Из разницы видимых положений Полярной звезды в Греции и Египте Аристотель даже вывел приближенное значение окружности Земли — около 400 тыс. стадиев.	Добавление слова «приближенное». Замена слов «that the distance around the earth was» на «окружность-Земли».
It is not known exactly what length a stadium was, but it may have been about 200 yards.	Мы не знаем точно, чему равнялся ядревнегреческий стадий. Возможно, он составлял около 200 м.	Как мы видим, в этом примере сразу несколько трансформаций. Во первых, происходит членение предложения. Одно английское предложение трансформируется в два русских предложения. Во-вторых, конкретизация глагола to be «stadium was» в «равнялся». В третьих, замена пассивной конструкции «It is not known» в активную «Мы не знаем».
This would make Aristotle's estimate about twice the currently accepted figure.	Тогда оценка Аристотеля примерно вдвое превосходит принятое ныне значение.	Добавление слова «тогда». Лексическая трансформация выражения «this would make» на «превосходит».
The Greeks even had a third argument that the earth must be round, for why else does one first see the sails of a ship coming over the horizon, and only later see the hull?	У древних греков имелся и третий аргумент в пользу шарообразности Земли: почему бы еще наблюдатель на берегу сначала замечал над горизонтом парус приближающегося корабля, а лишь затем — его корпус?	Замена прилагательного «round» на существительное «шарообразность». Произошла модуляция слова «one» на «наблюдатель».
Aristotle thought the earth was stationary and that the sun, the moon, the planets, and the stars moved in circular orbits about the earth.	Аристотель полагал, что Земля неподвижна, а Солнце, Луна, планеты и звезды движутся вокруг нее по круговым орбитам.	Замена существительного «earth» на местоимение «нее». Модуляция слова «about» на «вокруг».
He believed this because he felt, for mystical reasons, that the earth was the center of the universe, and that circular motion was the most perfect.	Он считал так, поскольку в силу мистических соображений был убежден, что Земля — центр Вселенной, а круговое движение — самое совершенное.	Опущение глагола «to be».

Продолжение Таблицы-2		
This idea was elaborated by Ptolemy in the first century A.D. into a complete cosmological model.	VI в. н. э. Птолемей развил эти идеи в целостную космологическую модель.	Замена пассивной конструкции и перестановка частей речи.
The earth stood at the center, surrounded by eight spheres, which carried the moon, the sun, the stars, and the five planets known at the time: Mercury, Venus, Mars, Jupiter, and Saturn.	Земля располагалась в центре, окруженная восемью сферами, несущими на себе Луну, Солнце, звезды и пять известных в то время планет (Меркурий, Венеру, Марс, Юпитер и Сатурн).	Замена имен нарицательных на имена собственные «sun» - «Солнце».
The planets themselves moved on smaller circles attached to their respective spheres in order to account for their rather complicated observed paths in the sky.	Планеты перемещались по малым окружностям, закрепленным на соответствующих сферах, что требовалось для объяснения их весьма сложных наблюдаемых движений по небосклону.	Опущение слов «themselves», «respective».
The outermost sphere carried the so-called fixed stars, which always stay in the same positions relative to each other but which rotate together across the sky.	На внешней сфере размещались так называемые неподвижные звезды, которые всегда остаются в одинаковом положении относительно друг друга, но все вместе совершают круговое движение по небу.	Лексическая трансформация слова «rotate» на выражение «совершают круговое движение». ВИЯ главной подлежащим является «sphere», а в ПЯ подлежащим становится «звезды».
What lay beyond the last sphere was never made very clear, but it certainly was not part of mankind's observable universe.	Что лежит за пределами внешней сферы, оставалось неясным, эта область Вселенной не была доступна для наблюдений.	Произшла модуляция «was never made very» на «оставалось неясным». Очевидно, что в ПЯ заметно сократилось количество слов (см.табл.2)
Ptolemy's model provided a reasonably accurate system for predicting the positions of heavenly bodies in the sky.	Модель Птолемея позволяла с достаточной точностью предсказывать видимые положения небесных тел.	Переводчик также использовал лексическую трансформацию выражения «reasonably accurate system» на «достаточной точностью», что не меняет смысл предложения.
But in order to predict these positions correctly, Ptolemy had to make an assumption that the moon followed a path that sometimes brought it twice as close to the earth as at other times.	Но для этого пришлось допустить, что Луна, двигаясь по своей траектории, в отдельные моменты подходит к Земле вдвое ближе, чем в другие.	Опущение почти половины предложения и перестановка частей речи.
And that meant that the moon ought sometimes to appear twice as big as at other times!	А это означало, что периодически Луна должна казаться вдвое больше обычного.	Конкретизация слов «ought to appear» нас «должна казаться».

Продолжение Таблицы-2		
Ptolemy recognized this flaw, but nevertheless his model was generally, although not universally, accepted.	Птолемей знал об этом недостатке, тем не менее его модель была принята если не всеми, то абсолютным большинством.	Лексическая трансформация «recognized» на «знал». Конкретизация и замена наречия на существительное «universally» на «всеми», и «generally» на «большинством». Добавление слова «абсолютным». Перестановка частей речи с конца в середину предложения «принята».
It was adopted by the Christian church as the picture of the universe that was in accordance with Scripture, for it had the great advantage that it left lots of room outside the sphere of fixed stars for heaven and hell.	Она была одобрена христианской церковью, как картина мира, согласующаяся со Священным Писанием. Большим преимуществом в глазах богословов было то, что эта модель оставляла за пределами сферы неподвижных звезд достаточно места для рая и ада.	Произошло деление одного предложения ИЯ в два в ПЯ. Добавление «в глазах богословов», и лексическая трансформация слова «goom» на «места».
A much simpler model, however, was proposed in 1514 by a Polish priest, Nicholas Copernicus.	Тем не менее в 1514 г. польский каноник Николай Коперник предложил гораздо более простую космологическую теорию.	Перестановка членов предложения. Замена пассивной формы ИЯ в активную ПЯ.
At first, for fear of being accused of heresy, Copernicus published his model anonymously.	Сначала, опасаясь обвинений в ереси, он обнарудовал свою модель анонимно.	Замена имени собственного «Copernicus» на местоимение «он». Замена пассивной конструкции на деепричастный оборот.
His idea was that the sun was stationary at the center and that the Earth and the planets moved in circular orbits around the sun.	Он считал, что в центре располагается неподвижное Солнце, а Земля и остальные планеты обращаются вокруг него по круговым орбитам.	Замена частей речи, существительное «idea» на глагол «считал». Добавление слова «остальные». Перестановка слов в конце предложения. Замена существительного «sun» на местоимение «него».
Sadly for Copernicus, nearly a century passed before this idea was taken seriously.	К несчастью для Коперника, прошло почти столетие, прежде чем его идеи были приняты всерьез.	Замена пассивной конструкции ИЯ в активную в ПЯ.
Then two astronomers – the German, Johannes Kepler, and the Italian, Galileo Galilei – started publicly to support the Copernican theory, despite the fact that the orbits it predicted did not quite match the ones observed.	Лишь тогда два астронома – немец Иоганн Кеплер и итальянец Галилео Галилей – публично выступили в поддержку теории Коперника, несмотря на то что предсказываемые ею движения не вполне совпадали с наблюдаемыми.	Транскрибирование имен собственных. Лексическая замена слова «started» на «выступили».
The death of the Aristotelian–Ptolemaic theory came in 1609.	Теория Аристотеля-Птолемея фактически «умерла» только в 1609 г.	Добавление слова «фактически». Лексическая замена существительного «death» на глагола «умерла».

Продолжение Таблицы - 2		
In that year Galileo started observing the night sky with a telescope, which had just been invented	В тот год Галилей приступил к изучению ночного неба при помощи недавно изобретенного телескопа.	Перестановка частей речи. Слово «телескоп» перешло в конец предложения.
When he looked at the planet Jupiter, Galileo found that it was accompanied by several small satellites, or moons, which orbited around it.	Наблюдая Юпитер, Галилей заметил, что планету сопровождают несколько небольших спутников (лун), которые вращаются вокруг нее.	Замена пассивной формы предложения ИЯ «that it was accompanied» в активную в ПЯ «планету сопровождают».
This implied that everything did not have to orbit directly around the Earth as Aristotle and Ptolemy had thought.	Это опрокидывало убеждение Аристотеля и Птолемея, что все небесные тела обращаются непосредственно вокруг Земли.	Перестановка частей речи. Лексическая трансформация слова «everything» на «небесные тела».
It was, of course, still possible to believe that the Earth was stationary at the center of the universe, but that the moons of Jupiter moved on extremely complicated paths around the Earth, giving the appearance that they orbited Jupiter.	Конечно, можно было по-прежнему считать, что Земля покоится в центре Вселенной, а спутники Юпитера движутся вокруг нее по исключительно сложным траекториям, создающим видимость их обращения вокруг Юпитера.	Замена существительного «the Earth», на местоимение «нее». Замена глагола «they orbited» на существительное «их обращения».
However, Copernicus' theory was much simpler.	Однако теория Коперника была гораздо проще.	Калькирование.
At the same time, Kepler had modified Copernicus's theory, suggesting that the planets moved not in circles, but in ellipses.	Примерно в это же время Кеплер развил модель Коперника, предположив, что планеты движутся не по круговым, а по эллиптическим орбитам.	Замена существительных «circles» и «ellipses» на прилагательные «круговым» и «эллиптическим». Добавление слова «орбитам» в конце предложения в ПЯ.
The predictions now finally matched the observations.	Предсказания теории теперь окончательно совпали с наблюдениями.	Добавления слова «теории».
As far as Kepler was concerned, elliptical orbits were merely an ad hoc hypothesis – and a rather repugnant one at that because ellipses were clearly less perfect than circles.	Однако сам Кеплер рассматривал эллиптические орбиты как искусственную гипотезу, притом весьма досадную, потому что эллипс — фигура не столь совершенная, как круг.	Добавление слова «фигура». Замена множественной формы слов «ellipses» и «circles» на единственное число «эллипс» и «круг».

Продолжение Таблицы - 2		
Having discovered, almost by accident, that elliptical orbits fitted the observations well, he could not reconcile with his idea that the planets were made to orbit the sun by magnetic forces.	Открыв (почти случайно), что эллиптические орбиты соответствуют наблюдениям, Кеплер не мог согласовать это со своей идеей, что планеты обращаются вокруг Солнца под действием магнитных сил.	Замена местоимения ИЯ «he» на имя собственное «Кеплер» в ПЯ. Замена прошедшей формы глагола «weremadetoorbit» на «обращаются». Заметно сокращается количество слов.
An explanation was provided only much later, in 1687, when Newton published his Principia Mathematica Naturalis Causae.	Объяснение нашлось гораздо позднее, в 1687 г., когда Ньютон опубликовал свои «Математические начала натуральной философии».	Замена пассивной конструкции.
This was probably the most important single work ever published in the physical sciences.	Это, по-видимому, самый важный из когда-либо публикуемых науч. трудов по физике.	Опущение слова «single».
In it, Newton not only put forward a theory of how bodies moved in space and time, but he also developed the mathematics needed to analyze those motions.	В нем Ньютон не только развил теорию движения тел в пространстве и времени, но и разработал математический аппарат для анализа этого движения.	Лексическая трансформация выражения «putforward» в «развил». Замена глагола «analyze» на существительное «анализа».
In addition, Newton postulated a law of universal gravitation.	Вдобавок он сформулировал закон всемирного тяготения.	Замена имени собственного «Newton» на местоимение «он».
This said that each body in the universe was attracted toward every other body by a force which was stronger the more massive the bodies and the closer they were to each other.	Этот закон гласит, что каждое тело во Вселенной притягивается к любому другому телу с силой, величина которой тем больше, чем массивнее тела и чем ближе они находятся друг к другу.	Добавление слова «закон» в начале предложения. Замена пассивной конструкции.
It was the same force which caused objects to fall to the ground.	Именно эта сила заставляет тела падать на Землю.	Опущение глагола «tobe» в начале предложения.
The story that Newton was hit on the head by an apple is almost certainly apocryphal.	История же со свалившимся на голову Ньютона яблоком почти наверняка сомнительна.	Замена пассивной конструкции. Следовательно, произошла перестановка частей речи в предложении.
All Newton himself ever said was that the idea of gravity came to him as he sat in a contemplative mood, and was occasioned by the fall of an apple.	Сам Ньютон упоминает лишь о том, что идея о земном тяготении пришла к нему, когда он, пребывая в созерцательном настроении, заметил падение яблока.	Замена пассивной конструкции. Опущение слова «All». Лексическая трансформация слова «said» на «упоминает».

Продолжение Таблицы 2		
Newton went on to show that, according to his law, gravity causes the moon to move in an elliptical orbit around the Earth and causes the Earth and the planets to follow elliptical paths around the sun.	Ньютон показал, что, согласно его закону, тяготение заставляет Луну обращаться по эллиптической орбите вокруг Земли, а Землю и все остальные планеты – следовать по эллиптическим траекториям вокруг Солнца.	Лексическая трансформация выражения «went on to show» на «показал». Тут заметно сократилось количество слов. Добавление в переводе слова «planets» - «все остальные планеты».
The Copernican model got rid of Ptolemy's celestial spheres, and with them the idea that the universe had a natural boundary.	Модель Коперника покончила с небесными сферами Птолемея, а заодно и с представлением о том, что Вселенная имеет какую-то естественную границу.	Лексическая трансформация «with them» на «заодно».
The fixed stars did not appear to change their relative positions as the Earth went around the sun.	Так называемые неподвижные звезды не меняют своего взаимного положения при движении Земли вокруг Солнца.	Добавление выражения «Так называемые» в начале предложения.
It therefore became natural to suppose that the fixed stars were objects like our sun but much farther away.	Поэтому сама собой напрашивалась мысль, что это объекты, подобные нашему Солнцу, но расположенные гораздо дальше.	Лексическая трансформация слова «stars» на «объекты». Опущение слова «fixed». Добавление слова «расположенные».
This raised a problem.	И это рождало вопросы.	Лексическая трансформация слова «raised» на «рождало». Переводчик применил смысловой, контекстуальный перевод.
Newton realized that, according to his theory of gravity, the stars should attract each other; so, it seemed they could not remain essentially motionless.	Ньютон понимал, что, согласно его собственной теории тяготения, звезды должны притягиваться между собой, а стало быть, не могут оставаться абсолютно неподвижными.	Добавление слова «собственной». Лексическая трансформация «so» на «а стало быть».
Would they not all fall together at some point?	Почему же тогда они не упадут друг на друга, собравшись в одну точку?	Переводчик множество добавлений и лексических трансформаций для передачи главной идеи оригинала для читателя.
In a letter in 1691 to Richard Bentley, another leading thinker of his day, Newton argued that this would indeed happen if there were only a finite number of stars.	В письме 1691 г., адрес. Ричарду Бентли, другому видному мыслителю того времени, Ньютон отмечает, что подобное неизбежно случилось бы, будь число звезд конечным.	Добавление слова «адресованном».

Продолжение Таблицы - 2		
But he reasoned that if, on the other hand, there were an infinite number of stars distributed more or less uniformly over infinite space, this would not happen because there would not be any central point for them to fall to.	Однако, продолжает он, если бесконечное число звезд распределено более-менее однородно в бесконечном пространстве, такого не может произойти, потому что нет никакой центральной точки, в которую они могли бы упасть.	Лексическая трансформация выражения «Buthereasoned» на «Однако, продолжает он». Опускания выражения «on the other hand».
This argument is an instance of the pitfalls that one can encounter when one talks about infinity.	Этот аргумент – пример ловушки, в которую можно угодить, рассуждая о бесконечности.	Замена личной формы предложения в ИЯ «onesanencounter» на безличную форму в ПЯ «можно угодить».
In an infinite universe, every point can be regarded as the center because every point has an infinite number of stars on each side of it.	В бесконечной Вселенной каждая точка может считаться центральной, поскольку в любом направлении от нее находится бесконечное число звезд.	Перестановка частей речи. Замена существительного «center» на прилагательное «центральной».
The correct approach, it was realized only much later, is to consider the finite situation in which the stars all fall in on each other.	Правильный подход, как стало ясно намного позднее, заключается в том, чтобы рассматривать конечную область, в которой все звезды притягиваются друг к другу.	Замена пассивной конструкции в начале предложения. Лексическая трансформация глагола «tobe» в «заключается в том».
One then asks how things change if one adds more stars roughly uniformly distributed outside this region.	Но тогда можно поставить вопрос, что же изменится, если добавить звезд, распределив их приблизительно равномерно за пределами этой области.	Лексическая трансформация начала предложения, а также личное предложение в ИЯ переводчик предпочел перевести в обобщенно-личное в ПЯ.
According to Newton's law, the extra stars would make no difference at all to the original ones, and so the stars would fall in just as fast.	В соответствии с законом Ньютона эти добавленные звезды не изменят ничего и звезды в ограниченной области будут приближаться друг к другу с прежней скоростью.	Лексическая трансформация выражения «wouldmake nodifferenceatall» на «неизменятничего». Опускание «totheoriginalones». Еще одна модуляция в конце предложения «asfast» - «прежней скоростью».
We can add as many stars as we like, but they will still always collapse in on themselves.	Можно добавить сколько угодно звезд – коллапс будет неизбежен.	Транскрибированный перевод «collapse» - «коллапс». Замена личного предложения в ИЯ на обобщенно-личное в ПЯ.
We now know it is impossible to have an infinite static model of the universe in which gravity is always attractive.	Сегодня мы знаем, что невозможно построить бесконечную стационарную модель Вселенной, в которой гравитация всегда оказывает притягивающий эффект.	Модуляция слов «tohave» - «построить», «gravityis» - «гравитация оказывает», а также «attractive» - «притягивающий эффект».

Продолжение Таблицы - 2		
It is an interesting reflection on the general climate of thought before the twentieth century that no one had suggested that the universe was expanding or contracting.	И вот интересная особенность общего образа мыслей до XX в.: никто не предполагал, что Вселенная расширяется или сжимается.	Грамматическая особенность этого предложения заключается в том, что в конце предложения изменилось время с прошлого продолжительно-го в настоящее.
It was generally accepted that either the universe had existed forever in an unchanging state or that it had been created at a finite time in the past, more or less as we observe it today	Было принято считать, что она либо существовала вечно в неизменном виде, либо была сотворена некогда в прошлом примерно такой, какой мы видим ее сегодня.	Лексическая трансформация слова «accepted» в «принято считать». Здесь переводчик развил мысль, чтобы русскоязычному читателю было понятнее.
In part, this may have been due to people's tendency to believe in eternal truths as well as the comfort they found in the thought that even though they may grow old and die, the universe is unchanging.	Отчасти такие представления могли быть обусловлены склонностью людей верить в вечные истины и находить утешение в мысли, что Вселенная не меняется, пусть сами они стареют и умирают.	Перестановка частей речи в предложении. Модуляция слова «comfort» как «утешение».
Even those who realized that Newton's theory of gravity showed that the universe could not be static did not think to suggest that it might be expanding.	Даже понимавшие, что теория тяготения Ньютона не допускает существования стационарной Вселенной, не заходили настолько далеко, чтобы предположить возможность.	Перестановка частей речи. Добавление слова «существования». Антонимический перевод «showed» и «не допускает».
Instead, they attempted to modify the theory by making the gravitational force repulsive at very large distances	Вместо этого они пытались подправить теорию, предполагая, что на очень больших расстояниях гравитационная сила отталкивает тела друг от друга.	Перестановка частей речи. Произшла конкретизация «theorymakingthegravitationalforcerepulsiveatverylargedistances» - «теорию, предполагая, что на очень больших расстояниях гравитационная сила отталкивает тела друг от друга» Заметно увеличилось количество слов.
This did not significantly affect their predictions of the motions of the planets. But it would allow an infinite distribution of stars to remain in equilibrium, with the attractive forces between nearby stars being balanced by the repulsive forces from those that were farther away.	Это почти не сказывалось на прогнозах движения планет, но позволяло уравновесить бесконечное распределение звезд за счет того, что притяжение между близкими звездами компенсировалось отталкиванием между далекими.	Соединение двух предложения ИЯ в одно в ПЯ. Замена существительного «equilibrium» глаголом «уравновесить».

Продолжение Таблицы - 2		
However, wenowbelievesuchanequilibrium-wouldbeunstable.	Однако теперь мы знаем, что такое равновесие было бы неустойчивым.	Калькирование.
If the stars in some region got only slightly near each other, the attractive forces between them would become stronger and would dominate over the repulsive forces	Стоит звездам в небольшой области Вселенной немного сблизиться, как силы притяжения начнут преобладать над силами отталкивания.	Опущение слова «stronger». Добавление слова «Вселенной».
This would mean that the stars would continue to fall toward each other.	В итоге звезды продолжат сближаться друг с другом.	Лексическая трансформация «Thiswouldmean» на «В итоге».
On the other hand, if the stars got a bit farther away from each other, the repulsive forces would dominate and drive them farther apart.	С другой стороны, если звезды несколько разойдутся, возобладают силы отталкивания, которые заставят звезды «разбегаться» все дальше.	Добавление «которыезаставятзвезды». Опущение «fromeachother».
Another objection to an infinite static universe is normally ascribed to the German philosopher Heinrich Olbers.	Ещеодновозражение против бесконечной стационарной Вселенной обычно приписывают немецкому философу Генриху Ольберсу.	Антонимический перевода «toaninfinite» - «против бесконечной».
In fact, various contemporaries of Newton had raised the problem, and the Olbers article of 1823 was not even the first to contain plausible arguments on this subject.	На самом деле проблему поднимали многие современники Ньютона, и вышедшая в 1823 г. статья Ольберса не была первой из содержащих убедительные аргументы.	Добавление слова «вышедшая».
It was, however, the first to be widely noted.	Однакоонапервойполучилаширокуюизвестность.	Замена пассивной конструкции предложения.
The difficulty is that in an infinite static universe nearly every line or side would end on the surface of a star	Сложность состоит в том, что в бесконечной стационарной Вселенной почти каждая линия или сторона должна заканчиваться на поверхности какой-либо звезды.	Лексико-грамматическая особенность перевода этого предложения состоит в том, что переводчик перевел артикль «a», как «какой-либо» для достижения большей эквивалентности перевода.
Thus one would expect that the whole sky would be as bright as the sun, even at night.	Отсюда следует, что все небо должно бы светиться как Солнце, притом даже ночью.	Замена прилагательного «bright» на глагол «светиться».
Olbers's counterargument was that the light from distant stars would be dimmed by absorption by intervening matter.	Ольберс возражал на это, что свет далеких звезд тускнеет, поглощаемый материей, которая встречается на его пути.	Добавление «которая встречается на его пути».
However, if that happened, the intervening matter would eventually heat up until it glowed as brightly as the stars.	Однако в таком случае материя, нагреваясь, сияла бы столь же ярко, как сами звезды.	Опущение слова «intervening».

Продолжение Таблицы - 2		
The only way of avoiding the conclusion that the whole of the night sky should be as bright as the surface of the sun would be if the stars had not been shining forever, but had turned on at some finite time in the past.	Избежать вывода о том, что все ночное небо должно быть столь же ярким, как поверхность Солнца, можно, только предположив, что звезды не светили вечно, а зажглись в какой-то конечный момент в прошлом	Лексическая трансформация фразеологизма «turned on» на «зажглись». Добавление «только предположив».
In that case, the absorbing matter might not have heated up yet, or the light from distant stars might not yet have reached us.	В этом случае межзвездная материя, возможно, еще не успела раскалиться до высоких температур либо свет самых далеких звезд пока что не достиг нашей планеты.	Лексическая трансформация «heated up yet» - «раскалиться до высоких температур». Переводчик предпочел развить и раскрыть мысль автора, для сохранения логического ударения предложения.
And that brings us to the question of what could have caused the stars to have turned on in the first place.	И это подводит нас к вопросу о том, что же могло послужить причиной первоначального возгорания звезд.	Замена пассивной конструкции.

Научный стиль характеризуется логической последовательностью изложения, упорядоченной системой связей между частями высказывания, стремлением авторов к точности, сжатости, однозначности при сохранении насыщенности содержания. В основе стиля современной английской научно-технической литературы лежат нормы английского письменного языка:

1. Лексика
2. Грамматика
3. Способ изложения материала.
4. Установление связей между всеми компонентами термина
5. Подбор русского эквивалента термина, структура которого определяется нормами русского языка, а также нормой и узусом конкретной терминосистемы.

Часто в научных текстах встречаются различные сокращения: аббревиатуры и акронимы. Обычно там же дается и их расшифровка, если ее нет, то перевод сокращений проверяется по терминологическим словарям.

Перевод научных текстов должен верно передавать смысл оригинала в форме, по возможности близкой к форме оригинала. Отступления должны быть оправданы особенностями русского языка, требованиями стиля. Перевод в целом не должен быть ни буквальным, ни вольным пересказом оригинала, хотя элементы того и другого обязательно присутствуют. Важно не допускать потери существенной информации оригинала.

В процессе исследования были выявлены и проанализированы трудности перевода научных текстов, а именно: ложные друзья переводчика, логическое ударение, пассивные конструкции, эквивалентность терминов.

В заключение можно сказать, что все рассмотренные особенности перевода научных текстов свидетельствуют о важности изучения данной темы, и дальнейшего подробного изучения ее со всех сторон.

Список литературы

- 1 Доктештейн С.Я., Макарова Е.А., Родионова С.С. Практический курс перевода научно-технической литературы. – Москва, 1973.
- 2 Парахина А.В. Пособие по переводу технических текстов с английского языка на русский. – Москва, «Высшая школа», 1982.
- 3 Пумпянский А.Л. Введение в практику перевода научной и технической литературы на английском языке. – Москва: Наука, 1981.
- 4 Судовцев В.А. Научно-техническая информация и перевод. – Москва, 1989.
- 5 Пумпянский А.Л. Чтение и перевод научно-технической литературы. Лексика и грамматика. Издательство Академии наук СССР. – Москва, 1961.
- 6 Чебурашкин Н.Д. Технический перевод в школе. – Москва: Просвещение, 1976.
- 7 Гаспаров М.Л. Точные методы и проблемы перевода // Список литературы и перевод: проблемы теории. – М.: Изд. гр. «Прогресс»: Литера, 1992. – С.73-78.
- 8 Комиссаров В.Н., Коралова А.Л. Практикум по переводу с английского на русский. – М., 2010.

Асанова Г.С., PhD,

Аударма және мәдениетаралық коммуникация кафедрасының
менгерушісі, Абылай хан атындағы ҚазХҚжәнеӘТУ

Сарниязова С., студент,

Аударма және филология факультеті, Алматы, Қазақстан

Ғылыми мәтіндерді аудару мәселелері (Стивен Хоккингтің «Әлем туралы көзқарас» мақаласы негізінде)

Беріліп отырған мақала лингвистика мен аударматану саласының өзекті мәселелерінің бірі ғылыми мәтіндерді аудару ерекшеліктеріне бағытталған. Мақалада ғылыми стиль, ғылыми мәтін, ғылыми мәтіндерді аудару мәселелері сөз болып, ғылыми мәтіндерді аударудағы лингвистикалық, лексикалық, грамматикалық және стилистикалық

ерекшеліктерге мән беріледі. Сондай-ақ аударма мәселелерін ескере келе Стивен Хоккингтің «Әлем туралы көзқарас» мақалсына ағылшын тілінен орыс тіліне аудару қиындықтары, мысалдары, анализі беріледі.

Assanova G.S., PhD,
head of translation and intercultural communication chair,
Kazakh Ablai khan UIR&WL
Sarnyiazova S., 4 course student
of translation and philology department, Almaty, Kazakhstan

Translation peculiarities of scientific texts (on the materials of the article of Stephen Hawking «Expanding the Universe»)

The article under review is about the translation problems of scientific texts from one language into another. The article gives information on the linguistic features of scientific translation, scientific style, scientific texts, the peculiarities of translation of scientific texts, from linguistic, grammar and stylistic points of view. And it also is devoted to the translation approaches and methods of analysis of the article by Stephen Hawking «Expanding the Universe».

УДК 81'25+8111.133.1

Амандықова Г.Я., ф.ғ.к., доцент,
Аударма және мәдениетаралық коммуникация кафедрасы,
Абылай хан атындағы ҚазХҚжӘТУ,
Алматы, Қазақстан

АУДАРМА ЭКВИВАЛЕНТТІГІНЕ КОГНИТИВТІ ЗЕРТТЕУ

Мақалада когнитивті зерттеуді француз тілінен қазақ тіліне аударудың эквиваленттілігін айқындауда ең маңызды аспап деп қарастырылған. Бір-бірінен құрылымдық жағынан алыс жатқан тілдердің ең маңызды айырмашылықтарын айырып көрсетуге талпыныс жасалған. Француз тілінен қазақ тіліне және керісінше аударма жүргізудің когнитивті үлгісіндегі категоризация және репрезентация мәселелері талданады.

Эквиваленттікті айқындап, қазақ тіліндегі оның терминін анықтау мысалдармен дәлелденеді.

Түйін сөздер: эквиваленттік, категоризация, репрезентация, контекст, коммуникативті ситуация, универсалийлер, ұлттық ерекшеліктер

Аударманың когнитивті аспектілерін зерттеу бүгінгі таңда өзекті және қиын үрдістерді ашуға үлесін қосады. Жеке тілдерге қатысты аударма ерекшеліктерін зерттеуде когнитивті тұрғыдан басты мәселе болып табылатындар: әлемнің тілдік бейнесі, концепт, концептуализация және лингвистиканың түрлі категориялары.

Бүгінде эквиваленттілік ұғымына балама ретінде қазақ тілінде *дәлдік, ұқсастық, толықтылық, үйлесім* деп қолданып жатады, дегенмен, *дәлдік, ұқсастық, толықтылық, үйлесім лексемалары семантикалық тұжырымдылығы, нақтылығы төмен болғандықтан, термин қызметін атқара алмайды. Соған орай*, аударма теорисы мен практикасында маңызды **эквиваленттілік** терминін қазақ тілінде де өзгертпей қолдануды ұйғардық. Өйткені, эквиваленттілік терминінің семантикалық жүгі түпнұсқа мен аудармадағы қатыстық, мағыналық, стилистикалық және функционалды-коммуникативті ақпаратты бере алу қабілетінде, сондай-ақ, оның мәні түпнұсқа мен аударманың тұтастығы неде екенін анықтауда емес, бір тілден екінші тілге төте жүргізілген аудармалардың көптеген нұсқасын түпнұсқамен салыстырып, мағыналық, стильдік, құрылымдық жақындығы қаншалықты екенін анықтауда эквиваленттілік термині толыққанды қызмет атқарады (Комиссаров В.Н.).

А.Д.Швейцер еңбектерінде коммуникативті-функционалды инвариантты түбегейлі жеткізуді толық эквиваленттілік деп атап, оған қойылған барынша үлкен талаптарды анықтайды, сондай-ақ, аударманың адекваттығы мен эквиваленттілігі ұғымдарын ажыратады.

Категоризация мәселесі әрқашан аударманың маңызды аспектісі болып есептеліп келеді. Аударманың когнитивті моделі деген не, қандай жалпы талаптар қолданылады, мағынаның құрылымы қалай сипатталады және олардың ойлау қабілетіне әсері қандай деген сұрақтарға жауап алу үшін, когнитивті үрдістерді сипаттау керек, себебі олар тілдік бірліктер мен мағыналарын, яғни біздің ойымызда жатқан таңбалық белгілерді өңдеу қабілетін айтамыз. Осы бағытта терең де жан-жақты зерттеу жұмыстарын жүргізген ғалым С.Е. Исабековтың айтуынша, когнитивті лингвистиканың орталық ұғымы «репрезентацияға», яғни адамның ақыл-ой қызметі, бүкіл болмысы, ойлау қабілетіне сайып келеді [1]. Бұл әр тілдік мағынаның артында концепт, концептуалды құрылым тұрғанын айғақтайды, және тілдің,

когнитивті лингвистиканың, жалпы лингвистиканың мақсаты – концептінің, концептуалды құрылымның, коммуникативті, ақпаратты құрылымның, адам ойлауының мазмұнын ашады [2].

Аударманың мәдениетаралық коммуникация ретінде қаралуы тілді мәдениет құрамы ретінде біртұтас әлеуметтік-мәдени құрылым ретінде түсінуден туындайды, ол өз тарапынан көп өлшемді және көп аспектілі құбылыс болғандықтан, мынадай лингвистикалық және экстралингвистикалық факторлардан тұрады: екі тілдің системасы мен нормасы, мәдениеті, коммуникативті ситуациясы, бастапқы мәтіннің функционалды сипаты, аударма нормасы.

Демек, тіл біртұтас әлеуметтік-мәдени құрылым ретінде, басқа мәдениеттердің арасында айрықшаланатын және өзгешеленетін белгілі бір мәдениет иеленуші этностың ерекшелігін көрсетеді. Түрлі мәдениеттер қатынасы барысында мәтіннің лингвомәдени сипатын ғана емес, тілде және сөйлеуде жалпыадамзаттық және ұлттық ерекшеліктің пайда болуының бастамасы «социум әлемінің концептуалды және тіл көрінісі» сияқты түсінікті зерттеуде анықталады. Бүгінде, тіл шынайылықты тепе-теңдіксіз бейнелейтініне ешкім күмәнданбайды [3].

Аударма эквиваленттігін анықтаудың бір амалын эмпирикалық деп атаса болады, ол В.Н. Комиссаровтың жұмыстарында келтірілген [4].

Аударма – алғашқы мәтіннің коммуникативтік нәтижесін жеткізуге бағытталған сипаттағы екі тіл, екі мәдениет және екі коммуникативті жағдайлар арасындағы айырмашылықтармен ішінара өзгеретін процесс [5].

Мысалы, әлемдік тілдің репрезентациялау көрінісі тепе-теңді болмағанымен, мәнісінде баламалы болып келетінімен кездесеміз: салыстырмалы стилистика ғылымы «*көзілдірік*» сөзінің этимологиясын сипаттап зерттейді. Француздың "*lunettes*" лексемасында негізінде «ай» болса, яғни оның негізіне толық айдың бейнесі тұр, ал ағылшынның "*glasses*" деген сөзінде оның жасалған материалы алынған. Ал, қазақ тілінде «көзге ілу» семантикасына саяды. Тағы да бір мысалдан айқын көрінетіндей: қазақ тілінде *кемпірқосақ* сөзі – әшекейлі доға деген ұғымды білдіреді, орыс тілінде *радуга* - түрлі-түсті доға, ал француз тілінде *arc-en-ciel* – аспандағы доға. Бұл тілдердің бәрінде де ортақ белгі – доға бар. Алайда, бұл «доғаның» коннотациясы, стильдік аффекті әртүрлі, қазақшадағы – «әшекейлі», орысшадағы – «түрлі-түсті» және француз тілінде – аспандағы» тұрған орнына байланысты ажыратылады.

Абстракциялаудың түрлі сатыларын, танып-білудің когнитивтік қызметінің жалпы және жеке қайшылықтарын көрсететін көп белгілердің бірі – француз тіліндегі *genre* категориясы грамматикалық және құрылымдық, семантикалық тұрғыдан сан алуан мәліметтер беретіндіктен, типологиялық зерттеулердің нысанасына айналған. Осы грамматикалық категорияға байланысты аударма теориясында атап

көрсетілетін 3 негізгі бағыт бар: *épicènes*, есімдіктердің экспликациясы және персонификация, морфемалардағы женский род көрсеткіші. *Professeur, auteur, docteur* сынды сөздер әйел адамға да, ер адамдарға да ортақ өзгеріссіз айтылатын сөздер деп есептелсе де, француз тілінде сөйлеушілер артикль қоярда дегенмен ойланыңқырап алады. Сондай-ақ келесі мысалдарда *Nos lecteurs et nos lectrices* – Біздің оқырмандарымыз, *le souverain- la souveraine* – алдияр, *le chef cuisinier, la chef cuisinière* – бас аспазшы.

Есімдіктерді түсіндіріп аудару қажеттігі контекст пен коммуникативті ситуацияның өзінен туындайды, *оқушылар – écolier, écolière, étudiant, étudiante*.

«*Мен (сізді көргеніме, сізбен пікірлескеніме) қуаныштымын*» деп әйел адам тарапынан айтылса, француз тілі оны міндетті түрде нақтылайды.

Je suis heureuse ... ,

Je suis contente...

Осылайша, мәтіннің авторы ер кісі ме әлде әйел ме деген сұрақ аудармашыны француз тіліне аудару кезінде немқұрайды қалдырмайды. Ал, керісінше, француз тілінен қазақ тіліне аударуда род категориясының беретін айрықшалау, нақтылау сипатын жоғалтады, сондықтан қазақ тілінде бұл сипатты қалпына келтіруде компенсациялаудың түрлі жолдарына жүгінуге тура келеді.

Fillette , gamin сөздерін нақтылап аудару керек болса,

Fillette - қыз бала,

Gamin - ұл бала

Бала сөзін – *l'enfant* деп эквивалентті сөзбен беру мүмкін болады.

Абстракттілі персонификациялауда көрініс табатын, ел аттарының көбі, «табиғат», «жан», «парасат» - *nature, âme, raison* ұғымдары да, негізінен, *la* артиклімен қолданылады, «махаббат», «күн» - *amour, soleil* *le* артиклімен айтылуын жалпы ереже ретінде қолдансақ, оның түпкі семантикасын тіл тарихы түсіндіреді.

Сөз туындау түрлерін айтқанда морфемалар *genre* категориясының басты көрсеткіші болатынына бірер мысал: француз тілінде – *e, teur – trice* жалғаулары арқылы жүзеге асады,

Fiancé- fiancée

Modérateur - modératrice

Алғашқысын қазақ тілінде лексикалық эквивалентпен *күйеу жігіт, қалыңдық* деп нақтыласақ, *modérateur – modératrice* жүргізуші деп нақтылаусыз қабылданады.

Осы тұрғыда ағылшын тілі мен француз тілін салыстырмалы түрде зерттеушілер *J.-P.Vinay, J.Darbelnet* аударма түрлерін саралап, талдап, баянды тұжырымдамалар жасайды. Бұл ғалымдар «жұмысшы ара»

ұғымын аударуда «guêpe-ouvrière» француз тілінде ара женский род болғандықтан, аудармашының өзіне қиындық туғызған контексті былайша аударғанын мысал ретінде келтіреді:

I am not naturalist and I allude to this worker-wasp as a male because he was a business-like and practical fellow...

... à voir la façon pratique et affairée avec laquelle cette guêpe attaquait son morceau du sucre, j'ai supposé qu'il s'agissait d'une femelle (The Linguist, février 1955, p. 44) [6].

... бұл араның соншама пысықтықпен, ынталанып өзіне қойған қант түйіріне ұмтылғанын көргенімде, менің ойымша, бұл әйел болды деп болжадым.

Түпнұсқа мен аударманың біріктілігі бірдей тілдік ситуацияны ғана емес, бірдей коммуникациялы мақсаттарды бейнелейді.

J.-P. Vinay, J. Darbelnet бұл аударма мәтін француз қоғамының психологиялық ерекшеліктерін, құндылықтарын, өмір жағдайын, оның ішінде француз тілінің де барлық қырын қарастыратынын, сондықтан да мәдениетаралық байланыста басты мәселе сөзбе-сөз балама табуда емес, алайда контекстің оқырманға берер эффектiне орай, аудармашыға окказионалды эквивалент іздеу маңыздырақ екенін атап көрсетеді [6].

Қоғамның материалдық және рухани жетістіктерінің жиынтығы мәдениет болғандықтан, ұлтаралық коммуникация сияқты құбылысты зерттеуде лингвистикалық, экстралингвистикалық универсалийлермен қоса, ерекшелікті, ұлттықты анықтау негізге алынады. Қазіргі кезде аударма ісінің алуан аспектілерінде зерттеудің когнитивті тәсілі белсенді түрде қолдануы да – соның бірден-бір себебі.

Әдебиеттер

1 Исабеков С.Е. Межкультурные коммуникации как направление в зарубежной лингвистике. Сборник. Язык и культура: лингводидактический аспект. – Алматы, 1998.

2 Исабеков С.Е. Основы когнитивной лингвистики. - Алматы, 2010. - 359 с.

3 Бархударов Л.С. Язык и перевод: Вопросы общей и частной теории перевода: на материале переводов художественной и общественно-политической литературы, с английского языка на русский и с русского на английский. – М.: ЛКИ, 2008.

4 Комиссаров В.Н. Теория перевода – М.: Высшая школа, 1990.- 80 с.

5 Швейцер А.Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. – М., 1988. – 75 с.

6 Vinay J.-P., Darbelnet J. Stylistique comparée du français et de l'anglais. – Paris: Didier, 2000.

Амандыкова Г.Я., к.ф.н., доцент,
Кафедра перевода и межкультурной коммуникации,
КазУМОиМЯ имени Абылай хана, Алматы, Казахстан

Когнитивный подход в выявлении эквивалентности при переводе

В статье отмечена роль когнитивного подхода как важнейшего инструмента в выявлении эквивалентности при переводе с французского языка на казахский и сделана попытка выявить основные различия неродственных языков. Проанализированы вопросы категоризации и репрезентации в когнитивной модели перевода с французского на казахский и с казахского на французский язык. Анализ выявления эквивалентности и определения ее термина в казахском языке сопровождается примерами.

Amandykova G.Ya., c.ph.sc.,
associate professor of translation and intercultural communication chair, Kazakh Ablai khan UIR&WL, Almaty, Kazakhstan

Analysis of detection and determination of the equivalence of her term in the Kazakh language

This article stresses the role of the cognitive approach as an essential tool in identifying equivalence in translation from French into Kazakh. The paper attempts to identify the main differences of unrelated languages and analyzes issues of categorization and representation in the cognitive model of translation of its term in the Kazakh language is accompanied by examples. Analyze issues of categorization and representation in the cognitive model of translation from French to Kazakh and from Kazakh into French. Analysis of detection and determination of the equivalence of her term in the Kazakh language is accompanied by examples.

УДК 81' 25

Скендирова Ж.,
магистрант, аударма ісі факультеті,
Абылай хан атындағы ҚазХҚжәнеӘТУ,
Алматы, Қазақстан

КОГНИТИВТІ ЛИНГВИСТИКА ЖӘНЕ АУДАРМАТАНУ ҒЫЛЫМДАРЫНЫҢ САБАҚТАСТЫҒЫ

Бұл мақалада когнитивті лингвистика мен аударматану ғылымдарының және соған қатысты мәдениетаралық байланыс теориясы арасындағы сабақтастық қарастырылады. Сонымен қатар, мұнда қазіргі кезде когнитивті лингвистика саласында орын алып жатқан зерттеулерге шолу жасалынып, аударма теорияларында көрініс табатын когнитивистиканың аспектілері анықталады.

Сөйлеу қызметінің когнитивті аспектілері көп ғалымдарының еңбектерінде кең түрде қарастырылғаны көрсетілген

Тірек сөздер: когнитивті лингвистика, концептуализациялау, концептуалды жүйелер, концепт, аударма теориялары, аударманың когнитивті теориясы

Әр түрлі лингвомәдени қауымдастыққа жататын адамдардың қарым-қатынасқа түсуіне байланысты когнитивті үрдістер бойынша жүргізілген зерттеулердің нәтижесінде мәдениетаралық коммуникация теориясында когнитивті парадигманың пайда болуы туралы айтуға болады. (Б.Д.Гудков, В.И.Карасик, О.А.Корнилов, В.В.Красных, О.А.Леонтович, Ю.С. Степанов, Е.Ф. Тарасов, С.Г. Тер-Минасова және тағы басқалар). Қазіргі таңда мәдениетаралық байланыстың бір түрі болып саналатын аударманы зерттеу саласында когнитивті бағыт негізгі бағыттардың бірі ретінде танылып келеді.

Жиырмасыншы ғасырдың басында-ақ, Гумбольдтың лингвофилософиялық көзқарастарының жалғасы болған Ф.Боас, Э.Сепир, Б.Уорфтың идеялары ғалымдардың назарын ой, мәдениет және сөйлеудің бір-бірімен байланыстылығы мәселесіне бұрды. Осыған байланысты, сөйлеу қызметінің когнитивті аспектісін зерттеу саласындағы негізгі бағдар белгіленді.

Сөйлеу қызметіне қатысты когнитивті үрдістерді зерттеудегі жаңа дем өткен ғасырдың елуінші және алпысыншы жылдары құрылған, американың психологиялық мектебінің белгілі өкілдерінің есімдерімен байланысты (Дж. Брунер, Дж. Мандлер, Дж. Миллер, У.Найсер, Г.Саймон және т.б.) Осы кезде адам қандай да бір ақпарат көлемінің

«ену» (input) және «шығу» есігі бар коммуникативті жүйе ретінде қарастырыла бастайды [1]. Осы орайда, аударма үрдісінің когнитивті құрамын түсінуде Дж. Миллердің ұсынған идеялары үлкен қызығушылық тудырады. Әсіресе, оның «Сиқырлы сан -жеті» атты еңбегі ерекше. Ғалымның ойынша, ақпарат «коммуникативтік жүйе» арқылы өту кезінде біршама өзгерістерге ұшырайды, яғни жүйеге кіретін ақпарат пен шығатын ақпарат арасында біршама айырмашылықтар болады. Бұл жерде «коммуникативтік жүйе» деп отырғанымыз адамның ойлау қызметі болып табылады [1]. Дж. Миллердің бұл ойлары аударманың коммуникативті, ақпараттық және семиотикалық теорияларының негізгі ұстанымдарын күні бұрын белгілеп берді.

Танымдық қызмет саласындағы психологиялық зерттеулер лингвистикалық бағыттың дамуына үлкен үлес қосты. Осы жерде айтып өтетін жай бұл, Н.Хомский мен Дж.Миллердің Handbook of Mathematical Psychology (1963) атты еңбегінде пәнаралық байланыс орнатудағы бірлескен жұмысы. Бұл еңбекте олар қандай да бір сөйлеу моделі жүзеге асуы үшін қажетті когнитивті механизм мен лингвистикалық құралдардың арасындағы қатынастарды көрсетіп, сөйлемнің прототиптік моделін ұсынды.

Алпысыншы жылдары Хомскийдің сөйлеу қызметінің генеративті моделі кең таныла бастайды. Сол модельге сүйенетін болсақ, сөйлеу қандай да бір ішкі құрылымның трансформациялық операциялардың көмегімен сыртқы құрылымға айналуы ретінде пайда болады. Хомскийдің ойынша, сыртқы құрылымның вербалді түрде, яғни субъект және предикат ретінде көрсетілгендігі тікелей физикалық сигналмен байланысты. Ал ішкі құрылымды алатын болсақ, негізі «эмбебап грамматика» (universal grammar), ол одан гөрі абстрактілі сипатқа ие және екі пропозиция жүйесі арқылы көрсетілген. Бұл пропозициялардың вербалді емес болғандығына қарамастан, олардың өзара әрекеттесуі сөйлемнің мағынасын жеткізеді [2, 29 б.]. Хомский және оның жақтастарының идеялары аударманың трансформациялық теориясына негіз болды.

Мәдениетаралық қатынас теориясының когнитивті аспектісінің дамуы үшін когнитивті лингвистиканың елеулі өкілдері Р. Лангакер мен Дж.Лакофф ойларының үлкен маңызы бар. Адам санасының қоршаған ортамен қатынасқа түскен кезде болатын когнитивті үрдістерді түсіну үшін Дж. Лакофф менталді құрылымдардың **дәріптелген когнитивті моделін (ДКМ) (idealized cognitive model)** ұсынды. Сол арқылы біз өзіміздің әлем туралы білімімізді ұйымдастырамыз. Ғалым ДКМ-ді төрт негізгі түрге бөліп қарастырады: 1) пропозиционалды модельдер (элементтерді жекелейді, олардың қасиеттері мен байланыстарын

анықтайды); 2) бейне-схемалық модель (схемалық бейнелерді жекелейді); 3) метафоралық модельдер (бір саланың пропозиционалды немесе бейнелік-схемалық модельдерінің екінші бір саланың соған сәйкес құрылымдарына көрініс беруі); 4) метонимиялық модельдер (модельдің бір элементін басқаларымен байланыстыратын қосымша қызметі бар, жоғарыда көрсетілгендердің біреуі немесе одан көбінің модельдері) [3, 157-158 б.]. Лакоффың концепциясы бойынша, абстрактілі ойлаудың көзі – адамдардың қоршаған ортадан алатын сенсорлық ақпаратты концептуализациялау қасиеті.

Р. Лангакер когнитивті домендер туралы гипотезаны ұсынды. Яғни когнитивті домендер дегеніміз адам санасындағы қоршаған орта туралы білімнің ұйымдастыруына көмектесетін құрылымдар. Лангакер теориясына сүйенетін болсақ, адамда негізгі домендерді құрайтын туа біткен нақты бір білім жинағы болады, олар: түс, иіс, дыбыс, дәм айыру қасиеттері; сипап сезу, кеңістікті сезу және уақытты сезу қасиеттері; қандай да бір эмоцияға берілу қасиеттері және т.б. Сонымен қатар, адам бойында когнитивті қасиеттер бар, олар негізгі домен болып саналады және концептілердің пайда болуына негіз болады [4, 2 б.]. Лангакердің пікірінше, лексикалық бірлік концепт пен концептуалды жүйелерге енуді қамтамасыз етеді. Қандай да бір лексикалық бірлік іске қосатын домен сәйкес концептінің мазмұнын ашады [4, б.4-5]. Алайда, көптеген ғалымдардың пайымдауынша, ақпарат тек вербалді түрде ғана емес, сонымен қатар, нақты бір мінез-құлық көрсету сияқты басқа да семиотикалық жүйелер арқылы ашылуы мүмкін, демек, қалай болғанда да «концептуалды құрылымдарға ену тек жанама түрде ғана болады» [5, б.89]. Ю.С. Степановтың сөзімен айтар болсақ, концептілер концептуалданған салалар үстінен «ұшып жүріп», «сөз арқылы да, бейне немесе материалды объект арқылы да берілуі мүмкін» [6, 75 б.].

Менталді үрдістерді зерттеу кезінде, ғалымдар адамның когнитивті дамуының мәдениетпен сабақтастығы мәселесіне келіп тіреледі. Сондай-ақ, Дж.Лакофф әр түрлі тілде сөйлейтін адамдардың когнитивті жүйелері бір-бірінен ақиқатты концептуализациялау тұрғысынан ерекшеленеді деген ойды ұстанады. Альтернативті концептуализациялау жүйелерінің болуы тәжірибені концептуализациялауға деген адамның іргелі қабілеттерінің бар болуымен түсіндіріледі [3, 75 б.].

Сөйлеу қызметінің когнитивті аспектілері ресей ғалымдарының еңбектерінде кең түрде қарастырылады (А. Г. Баранов, О. А. Корнилов, Е. С. Кубрякова, А. А. Леонтьев, Ю. А. Сорокин, Ю. С. Степанов, Е. Ф. Тарасов, Л. О. Чернейко және т.б.), осыған орай, біз ресейлік когнитивистика мектебі бар деп тұжырымдай аламыз. Когнитивті процестердің мәдениет сабақтастыра қарастыру ресейлік зерттеулердің

ерекшелігі болып табылады. Осы ерекшелік бұл еңбектерді мәдениетаралық байланыс пен аударма саласында өте маңызды етеді.

Аударматанудағы когнитивистика саласындағы пәнаралық зерттеулердің ықпалымен, қазіргі таңда, қарқынды түрде, аударманың когнитивті моделі жасалынып жатыр (В.Н.Комиссаров, В.И.Хайруллин, М.Я.Цвиллинг және т.б.). Бұл жағдайда бірінші ретте қарастырылатын ой – аударма үрдісінің барлық сатылары әр түрлі мүмкіндіктер ішінен ретпен таңдауға байланысты эвристикалық, тіпті интуитивтік сипатқа ие. Дегенмен де, аударма инвариантын таңдауға бағытталған эвристикалық операциялардың негізінде әр түрдегі білімді өңдеуге қатысты күрделі когнитивті үрдістер жатыр. Аудармашы интуициясы оның кәсіби білімі, дағдысы және қабілеттеріне сүйенеді. Сондай-ақ, ол аудармашыға күрделі аударма мәселелерінің жылдам, күтілмеген және өте сәтті шешімдерін бере алады. Аударма интуитивтілігі аудармашының кәсіби біліктілігінің бәр ғана беті болып табылады.

Жоғарыда айтылғандарды қорытып келетін болсақ, аударма дегеніміз логикалық, алгоритмделген операциялар мен интуитивті-эвристикалық әрекеттердің үйлесімі. Басқаша айтқанда, аударма кезінде орын алатын ассоциациялар, тосын пайымдаулар және ойлар аудармашының когнитивті тәжірибесіне негізделген.

Әдебиеттер

- 1 Miller G.A. The magical number seven, plus or minus two: some limits on our capacity for processing information. - // Psychological Review. – 1956. - № 63 (2). – P. 81–97.
- 2 Chomsky N. Language and Mind . – N.Y., 1972.
- 3 Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. – М., 2004.
- 4 Langacker R. W. Grammar and Conceptualization. – Berlin; N.Y., 2000.
- 5 Лебедко М.Г. Время как когнитивная доминанта культуры. – Владивосток, 2002.
- 6 Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. – М., 2001.

Скенди́рова Ж., магистрант,
специальность «Переводческое дело»,
КазУМОиМЯ имени Абылай хана, Алматы, Казахстан

Связь когнитивной лингвистики и переводоведения

В этой статье рассматривается связь между когнитивной лингвистикой и переводоведением, а также теорией межкультурной коммуникации, которая тесно связано с переводоведением. Кроме того, здесь устанавливаются аспекты когнитивистики, которые отражаются в теории перевода при рассмотрении современных исследований в сфере когнитивной лингвистики.

Раскрывается перевод с логической точки с алгоритмическими операциями и интуитивно-эвристическими попытками ее раскрытия или, говоря по иному, влияние и роль ассоциаций в переводе и когнитивный опыт переводчика.

Skendirova Zh.,
Kazakh Ablai khan UIR&WL,
2 year Master's Course student, «Translation studies» specialty,
Almaty, Kazakhstan

Interrelation of cognitive linguistics with translation studies

This article considers connection between cognitive linguistics and translation studies, and also with cross cultural communication which is closely linked to translation studies. Beside this, the aspects of cognitive science which are reflected in the theory of translation have defined by considering contemporary researches in the field of cognitive linguistics. Expands translation from a logical point of algorithm operations and intuitive-heuristic attempts disclosure or speaking a different impact and the role of associations in the translation and cognitive experience of the translator

УДК 811.111:811.512

Kabdrgalinova S.B., c.ph.sc.,
International Information Technology University,
Almaty, Kazakhstan, ksaniyabah@mail.ru

STRUCTURAL-SEMANTIC AND COMMUNICATIVE-PRAGMATIC PECULIARITIES OF KAZAKH SENTENCES WITH QUESTION WORDS AND THEIR TRANSLATED EQUIVALENTS

The communicative and pragmatic functions of the Kazakh interrogative sentences with the question word 'kaytedi' appear in special way, since the use of the word characterizing the conversational speech, carries certain amplifying effects.

Pragmatic thrust of the sentences with the question word 'kaytedi' is manifested, firstly, by means of interrogative sentence form, and secondly, in the use of the word represented by the verb of intensive semantics as well as the morphological means of expressivity.

Keywords: structural-semantic peculiarities, interrogative sentence, anthropocentric direction, morphological means, conversational speech, functional-semantic analysis

Contrastive linguistics is based on the theories of studying different structural linguistic systems by pairwise comparison of compared linguistic units. It emphasizes the needs for the synchronous contrastive analysis of linguistic structures at different levels based on the differences in the two compared languages.

Variety of interrogative sentences, their diversity, and the possibility of classification on the basis of different features creates a multiplicity of studying approaches: aspect, level-triggered, and functional. An interrogative sentence is a grammatical category of syntax and possesses predicativity; it has many aspects. Level-triggered approach makes it possible to analyze the interrogative sentence as static and dynamic linguistic unit. In this case, the interrogative sentence has a specific meaning and a certain structural form.

An interrogative sentence is a multifunction unit, which is characterized by all linguistic features, the communicative one being the most important and another one is cognitive, i.e. a direct means of expression. Communicative are the functions of assimilation (connotative), influence (volitional), phatic (interconnecting), storage function and the function of expressing the national identity, culture, traditions, and etc.

Interrogative sentences are investigated as structural and semantic (static) aspect, as well as from communicative and pragmatic (dynamic) perspective, at the same time modern for Kazakhstan research the anthropocentric direc-

tion, is taken into account. In some cases, the functional-semantic analysis is done.

In the "Kazakh dictionary" [1, p.359] the word 'kayt' is presented as the shortened form of a compound word/phrase 'kalay et'. Thus, we can consider the word 'kaytedi' to be the shortened form of 'kalay etedi', including its derivatives, varying in personal cases.

Equivalents of interrogative sentences with the word 'kaytedi' are sentences with interrogative pronouns *what, how, why, who, where* or interrogative sentences, expressed by *general/intonation/disjunctive* questions.

The following sentences are examples of sentences with interrogative words 'kaytedi' – 'what', presented with their structural expressions:

1. Endi kayttik?! [2, p.53]. (Other Parts of the Sentence + Question Word);

- What shall we do? [3, p.101] (Question Word+ Auxiliary Verb + Main Verb);

2. Kayteyin, men kayteyin? [2, p.54]. (Question Word + Subject + Question Word).

- What's to be done? What can I do? [3, p.102]. (Question Word + Modal Verb + Main Verb); (Question Word + Modal Verb + Main Verb).

3. Ol endi kaytedi? [2, p.221]. (Other Parts of the Sentence+ Question Word);

- What is he going to do? What can he do? [3, p.349]. (Question Word + Auxiliary Verb + Subject+Main Verb); (Question Word + Modal Verb+ Subject + Main Verb).

Pragmatic influence of the sentences with the question word 'kaytedi' is highlighted, firstly, by use of the interrogative sentence form, and secondly, by the fact the question word is a verb of intensive semantics, expressing morphological means as well. And, of course, there is a big number of various additional to the above mentioned basic means of influence presented, for example, in the first sentence:

- Structural incompleteness – the lack of the subject,
- Graphic reinforcing element - an exclamation mark,
- Morphologically shortened form of the verb – 'kayttik',
- Repetition of clarifying verb – 'kayteyin'
- and no subject in the first part of the statement;

In the second sentence:

- Graphic intensifier - continuation notation;
- Emphatic subject – 'ol' - in the third sentence.

In the equivalent translated sentences:

In the first one:

- Question form -as the main marker of expressiveness,

- The use of temporal verb – shall;
- in the second and third sentences:
- Doubled interrogative form - lexical and grammatical repetition,
- Syntactic repetition of interrogative words - what,
- The use of intensification verbs - to be to, can.

Sentences with interrogative words ‘kaytedi’ – ‘how’, and their structural expressions:

1. Koyyn kaytedi? [2, p.175]. (Other Members of the Sentence+ Question Word);

-- How will he herd the sheep? [3, p.284]. (Question Word+ Auxiliary Verb + Subject + Main Verb);

2. Kaytip Kelem? [2, p.172]. (Question Word. + V);

-- How could I? [3, p.280]. (Question Word+ Modal Verb+ Subject);

3. Karashegir kayter Eken? [2, II, p.460]. (Subject+ Question Word+ V);

-- How did Karashegir fly over the pass? [4, p.263]. (Question Word+ Auxiliary Verb + Subject + Main Verb + Other Parts of the Sentence).

Sentences with interrogative words ‘kaytedi’ – ‘why’, and their structural expressions:

1. Argysyn kaytesin sol, shyragym? [2, p.112]. (Other Parts of the Sentence + Question Word+ Other Parts of the Sentence);

- Why must you know what happened then, my boy? [3, p.191]. (Question Word + Modal Verb + Subject + Main Verb + Subordinate Sentence).

2. Ətten Abay – ah, keshe aken Bolys bol degende bolmaymyn dep, bas tartkanyndy kayteyin ?! [2, p.273]. (Other Parts of the Sentence + Question Word);

- [Ah, Abai!] Why did not you accept the volost your father asked you to? [3, p.430]. (Question Word + Auxiliary Verb +not+ Subject + Main Verb + Subordinate Sentence).

3. Yapyrmay, agayyn, osy baska bireudin aldyna baryp tergetsender kaytedi? [2, II, p.570]. (Other Parts of the Sentence + Question Word);

- Why do not you ask someone else to settle this? [4, p.406]. (Question Word + Auxiliary Verb +not+ Subject + Main Verb + Other Parts of the Sentence).

These fragments demonstrate the rich variety of bright colours, an abundance of intense exposure of the elements characterizing the original text and less emotion and colorlessness of the translated text.

Examples of sentences with the interrogative words ‘kaytedi’ – ‘who’ and their structural expressions:

1. Ulgi-onegesin kaytip alasyn? [2, p.244]. ((Other Parts of the Sentence + Question Word+ Verb);

- Who shall set us an example? [3, p.384]. (Question Word + Auxiliary Verb ++ Main Verb + Other Parts of the Sentence).

2. Dilda bolsa kaytushy edi? [2, p.297]. (Other Parts of the Sentence + Question Word + Auxiliary Verb);

- Who else? [4, p.27]. ((Question Word + Other Parts of the Sentence).

Examples of sentences with the interrogative words '*kaytedi*' – '*where*' and their structural expressions:

1. Birak kaytip okimyn? [2, p.280]. (Other Parts of the Sentence + Question Word + V);

- [I've been wanting to study,] but where? [3, p.442]. (Question Word)ю

Interrogative sentences with 'kaytedi' - a general question, and their structural expressions:

1. Birak bugin kaytip ol turaly anasymen aytysady? [2, p.318]. ((Other Parts of the Sentence + Question Word + Other Parts of the Sentence + Verb);

- But could he have said this to Ulzhan, his kind mother...? [4, p.59]. (Modal Verb + Subject + Auxiliary Verb + Main Verb + Other Parts of the Sentence).

2. Kepil, däl osy kynderde, kerek bop kalsa, kayttik? [2, II, p.406]. ((Other Parts of the Sentence + Question Word);

--Is there no way out? [4, p.188]. (V + Other Parts of the Sentence).

3. Endi bir zherge tysip tynygyp, myzgyп korsek kaytedi? [2, II, p.475]. (Other Parts of the Sentence + Question Word);

- Shall we stop for a while and have a doze? [4, p.281]. (Auxiliary Verb + Subject + Main Verb + Other Parts of the Sentence).

The above given interrogative sentences have their own intensive means of influencing the recipient. What are they in each one?

1. Structural incompleteness – lack of subject,

- the use of:

- Conjunction of amplifying semantics – birak – in the beginning of the sentence,

- unusual structurally [morphologically] changed verb form – kaytip,

- Verb-intensifier – aitysu,

- semantically unusual word combination - anasymen aitysu - - In Kazakh.

The use of:

- Conjunction of amplifying semantics - but - in the beginning of the sentence,

- Verb – intensifier could,

- adjective of unusual semantics – kind,

- Graphic intensifier – ellipsis;

- Ellipsis of phrases – his kind mother - - In English.

2. Lexical means of expressiveness –

- Noun of unusual semantics – kepil,

- Adverb-intensifier – dəl;
- Syntactic means of expressiveness
- Verb form of unusual structures – bop,
- Ellipsis of word combination – kerek bop kalsa

In Kazakh.

In the English equivalent:

- Pronoun-enhancer – no,
- idiom – way out.

3. adverb-intensifier – endi,

- Verbs of intensive semantics – tynygyp, myzgyp,
- phrase of unusual semantics – myzgyp kørsek –
- In Kazakh.

Using of the temporal verb – shall,

- of word combination of non-neutral semantics - stop for a while, have a doze --

- in English.

If the first pair of interrogative sentences is full of emotional and expressive means, the third one is the least expressive, especially in the invariant, while the second pair of the original sentences is much richer by intensive lexical and syntactic elements influencing the addressee than the English equivalents.

Interrogative sentences with the word 'kaytedi'- intonation question', as well as their structural expressions:

-- Emdese kaytedi? [2, p.11]. (Other Parts of the Sentence + Question Word).

-- But perhaps your ears could be cured if one really tried? [3, p.29]. (Subject + Modal Verb + Main Verb + Other Parts of the Sentence).

Sentences with the question word 'kaytedi' – 'disjunctive question' and their structural expressions:

-- Meni kaytip zhemeysin, Meni kaytip tastaysyn? [2, p.95]. (Other Parts of the Sentence. + Auxiliary Verb + Main Verb);

-- You could not refuse, could you? [3, p.165]. (S + Modal Verb + not, +ModalVerb +Subject).

These interrogative sentences from the functional-semantic points of view, appearing in the secondary functions are interrogative sentences initiating to performing certain activities. Their communicative and pragmatic functions are shown very clearly:

In Kazakh:

- The lexical-syntactic repetition – Meni kaytip,
- figurative statement - the acquisition of "speechless" inanimate objects, moving them to the number of animate objects;
- the antithesis – zhemeysin – tastaysyn;

- Structural incompleteness – lack of subject;

In English:

- Lexical and syntactic repetition – you could,
- Antithesis – could not – could,
- Use of the verb semantic – refuse,
- Retention of imagery expressiveness of the idea.

Thus, the communicative and pragmatic functions of the Kazakh interrogative sentences with the question word 'kaytedi' appear in special way, since the use of the word characterizing the conversational speech, carries certain amplifying effects.

Pragmatic thrust of the sentences with the question word 'kaytedi' is manifested, firstly, by means of interrogative sentence form, and secondly, in the use of the word represented by the verb of intensive semantics as well as the morphological means of expressivity.

And, of course, in addition to the above mentioned various basic means of influence used in these interrogative sentences are:

- structural incompleteness – lack of the subject;
- graphic reinforcements – an exclamation mark, ellipsis;
- the repetition of the verb 'kayteyin';
- the use of the emphatic subject 'ol';
- conjunction of the amplifying semantic 'birak' - in the beginning of the sentence;
- the verb-intensifier 'aitysu';
- the phrase of unusual semantic 'anasymen aitysu';
- the noun of peculiar semantics 'kepil'; the adverb-intensifier 'dәl';
- structurally peculiar verb form 'bop';
- ellipsis of the word combination 'kerek bop kalsa';
- the adverb-intensifier 'endi';
- verbs of peculiar semantics 'tynygyp', 'myzgyp';
- the phrase of peculiar semantics 'myzgyp kәrsek'.

In the English equivalent the means of influencing the reader are expressed by the use of:

- question form as the main marker of expressivity;
- temporal verb 'shall';
- the doubled interrogative form - lexical and grammatical repetition;
- syntactic repetition of interrogative word 'what'; verbs -intensifiers 'to be to', 'can';
- conjunction of amplifying semantics 'but' – in the beginning of the sentence; verb intensifier 'could';
- adjective of peculiar semantics 'kind';
- graphic enhancer - an ellipsis;

- ellipsis of the word combination ‘his kind mother’;
- pronoun-enhancer ‘no’; idiom ‘way out’;
- the phrases of peculiar semantics ‘stop for a while’, ‘have a doze’, and others.

The majority of equivalents of question words of the Kazakh language *kayt/edi/ip/yp/eyin*, etc. are represented as interrogative words of the English language ‘what’ and ‘how’. As well as equivalents may be presented by question words ‘why’, ‘who’, ‘where’. English equivalent interrogative sentences are presented as general questions, intonation questions, and disjunctive questions [5].

The analysis shows the question word ‘*kaytedi*’ being a predicate and at the same time a marker of interrogative sentence in Kazakh is positioned in the end of the interrogative sentence in the structural group ‘Other parts of the sentence + Interrogative word’. The equivalent sentence has structural form ‘Interrogative Word + Modal Verb’ or ‘Interrogative Word + Auxiliary Verb’.

Modal verbs ‘must’, ‘can’, ‘could’ are used after the question words ‘what’, ‘how’, etc. in the English equivalent interrogative sentences, consequently we can consider the interrogative verb ‘*kaytedi*’ has modal meaning in the Kazakh language.

From the functional-semantic point of view Kazakh interrogative sentences and their equivalent English sentences, coinciding on the basic semantics, may belong to different functional types, depending on the nature and extent of the information requested and on the awareness of the requesting the communicant’s and the expected response, if the question is manifested in the primary functions; and in the secondary functions as well when the main issue is not objectively obtaining information, and the transfer of communicant’s emotional affective state, it may be an incentive or rhetorical question.

References

- 1 Қазақ тілінің сөздігі / Жалпы ред. басқарған Т. Жанұзақов. – Алматы, 1999. – 359 б.
- 2 Әуезов М. Абай жолы. Роман-эпопея. Бірінші кітап. Абай. – Алматы, 1989. – 608 б.
- 3 Әуезов М. Абай жолы. Роман-эпопея. Екінші кітап. Абай. – Алматы: Жазушы. – 2007. - 433 б.
- 4 Auezov M. Abai. A Novel, Book One. – Moscow: Foreign Languages Publishing House, 1966. – 451 p.
- 5 Auezov M. Abai. A Novel, Book Two. – Moscow: Foreign Languages Publishing House, 1966. – 432 p.

Кабргалинова С.Б., ф.ф.к.,
Халықаралық ақпарат технологиялары университеті,

Алматы, Қазақстан

Қазақ тіліндегі сұраулы сөйлемдердің құрылымдық-семантикалық және коммуникативтік-прагматикалық ерекшеліктері, олардың аударма баламалары

Мақалада қазақ тіліндегі кейбір сұраулы етістік/есімдік қолданылған сұраулы сөйлемдер және де солардың ағылшын тіліне аударылған сұраулы сөйлем инварианттары құралымдық-мағыналық және қатысымдық-прагматикалық ерекшелік жағынан қарастырылған. Сонымен қатар негізгі тілге салыстырылғанда аударылған сөйлемдерде әр-түрлі тыңдаушыға немесе оқушыға әсер ететін қатысымдық және прагматикалық тәсілдердің қысқаруы, экспрессивтік мағынаның жоюлығы анықталған.

Кабдрғалинова С., к.ф.н.,
Международный университет информационных технологий,
Алматы, Казахстан

Структурно-семантические и коммуникативно-прагматические особенности вопросительных предложений в казахском языке и их переводные английские инварианты

В статье рассматриваются структурно-семантические и коммуникативно-прагматические особенности отдельных глагольных/местоименных вопросительных предложений в казахском языке и их переводные английские инварианты, представленные как предложениями с вопросительными словами, так и общими, разделительными и интонационными вопросительными предложениями. При этом подчеркивается, что при переводе стирается коммуникативно-прагматическая направленность языка оригинального текста.

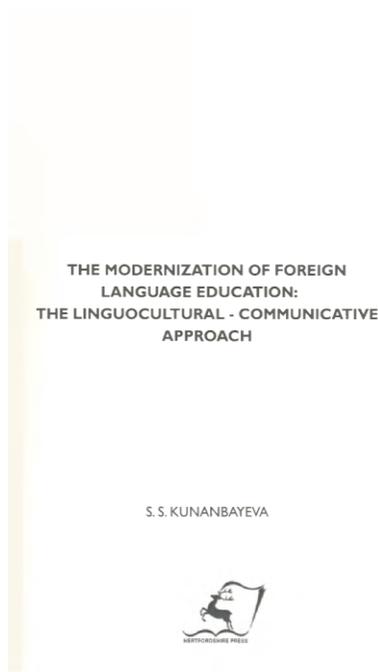
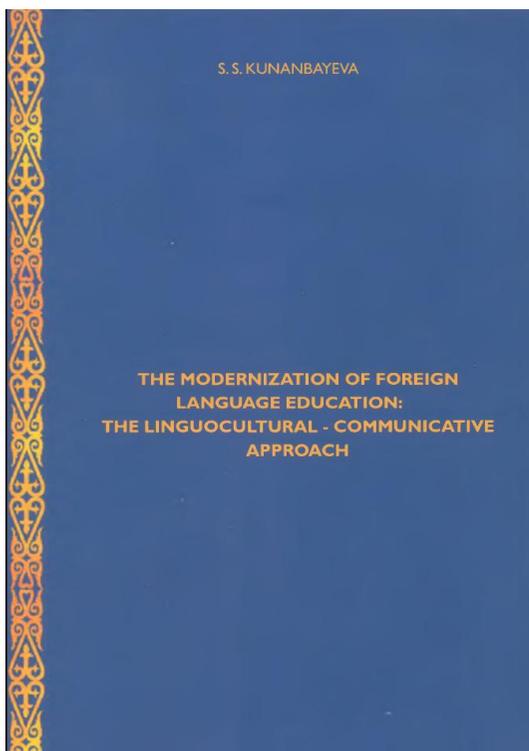
**Уважаемые авторы и читатели научного журнала
Известия Казахского университета международных отношений и
мировых языков имени Абылай хана
серии «Филологические науки»!**

Редакционная коллегия доводит до вашего сведения, что мы продолжаем публиковать в рубрике «Труды ученых Казахстана» фрагменты фундаментальных работ ученых КазУМОиМЯ.

Актуальные исследования, опубликованные в разные годы ограниченным тиражом, остаются востребованными в международном научно-образовательном пространстве.

Желающие пополнить личную и ведомственную научную библиотеку могут обращаться в УМО университета к Кульбаевой Аиде Рустемовне.

Телефоны: 375-07-63, +7 701 680-80-77.

Chapter 3: Intercultural Communication as the Theory of the Modern Paradigm of MFL Education

There is an indisputable common view that the knowledge of the culture, values and national characteristics of a foreign-language conversational partner allows language to be fully used as a means for intercultural communication and that this is a precondition for mutual-understanding between individuals and societies from different cultures generally. One cannot but agree with the view that one should not so much teach 'language', as the 'meaning' of its content, as found in a country where it is the native tongue. After all, language is the greatest indicator of culture. It is generally established that the greater the difference between one's own culture and a foreign one, the harder it is to use the language of the foreign culture communicatively. The influence of the cultural-historical element in foreign language learning is so great that it has had an impact upon the choice of teaching method. Indeed, this accounts for the prevalence of the so-called intercultural approach to MFL teaching which, in some countries, has taken the guise of a whole new methodological approach.

The question of the interrelationship between language, society and culture has not only pedagogical interest but, during the last century, has been central to the studies of philosophy, history, culturology, ethno-linguistics, anthropology, linguistics and other academic disciplines. Their views on this issue are, however, far from unanimous and a whole series of problems have been left open and unresolved, especially as regards the applied aspects of intercultural communication.

During the development of the theory of intercultural communication, the term 'society' received its formal definition as

an instrument of intercultural co-operation relatively late on, since it was only in the middle of the twentieth century in the USA that intercultural studies became regarded as an independent academic field. The appearance of this aspect of 'intercultural communication' was governed by the social and historical circumstances of an increase in migration. Researchers have emphasized the following factors behind the creation of this new academic discipline and its present-day state:

1) increased social and cultural contacts and the necessity of widespread communication between representatives from different cultures;

2) the existence of a rich body of anthropological empirical research which could serve as its scientific base and upon which a theory could be created regarding the relationship between an individual, language and culture (E. Sapir's and B. Whorf's Theory of Linguistic Relativity, the anthropological studies of F. Boas, A. Gardiner, R. Benedict and others);

3) the working out of the conceptual-theoretical basis and subject-content limits of the discipline in the 1940s-50s.;

4) an approbation of the practical experience of the languages courses conducted by the Peace Corps, the US voluntary organization, which taught foreign language communication in different registers (diplomatic, business etc.) during academic exchanges in the 1960s and 70s.;

5) a deepening of the conceptual understanding of the emerging of a communicative-orientated theory of intercultural communication in the 1980s and 90s.;

6) the acknowledgement of intercultural communication as a developed discipline with its own research field and methodology (from the 1990s to the present).

This very synthesis of 'communication' and 'culture' created the foundation for later research into the relationship between

these two concepts, the study of bicultural communicative processes and so on.

The research area of intercultural communication is both expanding and being integrated with other intra-disciplinary fields such as acculturation, cross-cultural studies, cultural identity (U. Kim). Intercultural research into forms of ethnic and national communication (P. Japf) has provided a psycho-cultural aspect to the field. New terms such as 'anticipation', 'identity crisis' and 'culture shock' have entered the terminology of the subject.

Academic works using the concept of 'language-consciousness-culture' **as integrated aspects of intercultural communication** have become popular. They are based on the results of the theory of the mind, psycholinguistics, the sociocultural theory of language as an interactive system (M. Cole, Lee), communication and cultural studies (E. Hall) and others.

The study of the ethno-cultural elements of language consciousness and a comparative study of its national-cultural features has become one of the main directions of general psycholinguistics in CIS. The **conceptual base of the psycholinguistic approach to the study of intercultural communication** is founded upon the **idea of E. F. Tarasov that the theory of intercultural communication is in fact a new ontology of the theory of consciousness**. According to this theory, intercultural communication: (i) is an independent theory of speech communication (ii) should be studied in union with language conscious (iii) the communicative act in intercultural communication is understood to be a reflection of the process of mental construction made during the activity between co-operating individuals (the communicative-activity-based approach); (iv) research should concentrate on the qualitative aspects and characteristics of the cultural indicators displayed by bearers from different national cultures.

Thus, the psycholinguistic comparative study of language consciousness seen through the prism of national-cultural influences was developed as an independent research direction in the former USSR and continues to be researched by academics in Russia and Kazakhstan.

Lu.S.Sorokin's hypothesis - that there are two types of consciousness, the Oriental and European, which can be viewed as two inert systems and that the transition between them requires a transformation of reflexive co-ordinates – has been developed by the introduction of I.V. Privalova's concept of **'ethno-linguo-cultural consciousness'**. **The latter is said to be a manifestation of the reflexive activity of bilingual communicators during intercultural communication** when the forms of the language consciousness of one's mother tongue co-exist with that of an assimilated foreign language and which are constantly creating a comparative informational introspective reflex during the reception and production of speech during intercultural communication. Within this complicated structure of ethno-linguo-cultural consciousness, the researcher must identify the linguistic, cognitive and cultural realms which are being constructed by operational units. **The units of the cognitive realm** are the mental constructions which categorize activity (concepts, framework, cognitive prototypes and so forth). **The operational units of the cultural realm** are known as culturemes, rituals, stereotypes, symbols and standards. Linguistic units include language universals, language markers of a national-cultural consciousness and semantic primes. In introducing the concept of 'language markers of national-cultural consciousness' and its interconnected manifestation as speech utterances during intercultural communication, I.V.Privalova identified three types of connection: linguo-structural, linguo-cultural and linguo-ecological.

Our analysis of the historical development of 'intercultural communication' demonstrates that during this period the latter developed as an academic discipline with its own methodological base and integrated research field based on the idea of 'language-consciousness-culture'. Thanks to this development, psycholinguistics also began to focus on intercultural communication (M.Cole, U.Lee, Lu.S.Sorokin, E.F.Tarasov, I.V.Privalova) as did other branches of various academic disciplines. As a result, the idea of a pedagogical modeling of 'intercultural communication' for the purposes of MFL teaching without a prior-existing clear definition of intercultural communication significantly complicated the process of organizing the latter as the foundation for MFL education.

The resulting over-generalization found in the definitions of '**intercultural communication**' meant that it was subject to interpretations ranging from (i) a **social-philosophical understanding of cultural interaction** (G.V. Gundenaf, A. Wallace – cognitive approach to linguistic anthology ; K. Girts – semiotic anthropology; E.V.Vesner – cultural relativism) (ii) to a **multi-faceted interpretation of the interaction between language and culture as a means for fulfilling three functions: a social function of communication, a semiotic function** of representing objects, phenomena and relationships and a **cognitive function** of forming thought (iii) to that of a **usage-behavioural theory of speech stereotypes**. This state of affairs could not but be reflected in the aims underpinning the training of new specialists who have been called upon to provide international co-operation.

For these reasons, a number of issues came to the fore, namely the necessity of studying the processes behind the formation of a 'second language personality' as well as its 'realization' and the degree to which a secondary socialization was

possible outside the socio-cultural environment of the foreign language in question.

Studies in 'intercultural communication' have established that one must bear in mind two groups of defining characteristics when considering the process of intercultural communication:

firstly, intercultural communication is complicated by a range of factors, namely, (i) **communicative factors** (situation, style and genre of language, form of communication, the presence of non-verbal means of communication, forms of behaviour) (ii) **psychological factors** (type of reception, reaction, stereotyping, empathy; various types of reaction to a foreign culture such as **alienation, assimilation, acculturation**) (iii) **cultural factors** (basic outlook, norms, values, experience); **secondly**, different circumstances, situations and types of contact create different **types of intercultural communication**. Some basic models of the latter are needed in order to develop the ability in intercultural communication (P. N. Donets):

(i) conditions of **intercultural borrowing** (one culture borrows from another);

(ii) conditions of **intercultural co-existence** (the bearer of one culture lives in another);

(iii) conditions of **intercultural activity** (co-operation between bearers of different cultures for work or intellectual activity);

(iv) conditions of **inter-generational communication** (a bearer of a culture interacts with and, gains knowledge of, a culture through historical sources etc.).

During the last decades of the twentieth century, the question of global communication became a priority in education. In the 1970s, the question of **intercultural communication** became highly topical within the various academic disciplines of many countries concerned with society and culture.

During this period, there were attempts made to:

(i) describe and research the relationship between culture, language (as a formal construct) and speech as a dynamic phenomenon. (D. Katz, C. Berger, R.W. Brislin) (ii) establish the defining features of interpersonal and intercultural relations (C. Berger, H. Gardner, M. Parks) (iii) establish the psychological foundations of cross-cultural communication (K. H. Pribram, N. Quin, D. Holland) (iv) create specialized university courses on intercultural and cross-cultural communication.

The most widely-accepted academic definition of 'intercultural communication' is: 'an adequate mutual-understanding achieved during a communicative act between two participants from different national cultures' (E. M. Vereshchagin, V. G. Kostomarov).

There are two approaches regarding the understanding of the nature of 'intercultural communication':

(i) some researchers understand the terms *obshchenie* and *kommunikatsia* as having equivalent meanings (A. A. Leont'ev, B. F. Lomov, I. A. Zimniaia, S. G. Ter-Minasova). Their equivalence is grounded in their common functional purpose of providing a connection since the participants require a common code in order to create a direct and reciprocal connection.

For in the structure of communication there must necessarily be present: a source of communication, the message itself, a technique for conveying the message, a channel of transmission and a common system of meanings for coding and decoding messages, that is to say, a common system of speech and communication;

Footnote: There are two commonly-used words for 'communication' in Russian – *obshchenie* and *kommunikatsia*. *Obshchenie* is a native word covering many types of 'social interaction'. It has multiple possible English translations such as 'socializing' though no single one quite encapsulates the Russian original. *Kommunikatsia* is used in Russian as a European loanword. It possesses more or less the same range of meanings as the English 'communication' and has a more formal feel than *obshchenie*. (G.B. Elizarova)

(ii) other researchers consider that only *obshchenie*, especially in an intercultural context, entails to **creation of a new common meaning**, whereas *kommunikatsia* refers specifically to the **transmission** of meaning (G. B. Elizarova, E.I.Pasov, M. S. Kagan). This is cited as the important difference between *obshchenie* and *kommunikatsia* hence the two are not considered coterminous.

If one were to accept the second viewpoint and introduce the term '**intercultural *obshchenie***' (in this context, it would probably be best translated into English as '**intercultural social interaction**') then it would be defined as **the process of a collective working out of a common new meaning for all the participants relating to all actions and motives that have been produced or perceived.**

G.B. Elizarova considers the advantages of making such a distinction between *obshchenie* (henceforth 'social interaction') and *kommunikatsia* (henceforth 'communication') to be:

- only 'social interaction' is capable of creating 'commonality' amongst the participants (these two words/concepts are etymologically connected in Russian: *obshchenie* and *obshnost'*)
- this 'commonality' specifically relates to the participants as being 'culture mediators';
- 'social interaction' is characterized by the unique ability of the mediators to comprehend action through the prism of two or three cultures simultaneously;
- this interaction takes the form of a personal contact between communicators from different cultures;
- most importantly, thanks to its intercultural nature, this type of interaction is **culturally-dependent** in that its principles, models and styles vary from culture to culture.

It is difficult to agree with the conclusion of this approach concerning the definition of 'intercultural social interaction' for

the following reasons:

(i) how significant can the difference between the terms 'communication' and 'social interaction' be if all the components of both concepts coincide with one another (addresser, addressee, message, channel, code, co-operation etc.)? According to G.V.Elizarova, in 'communication' there is necessarily a union of a 'common code' and a 'common meaning' whereas in 'social interaction', even whilst a 'common code' is present, the native speaker and foreigner will each have a different '**system of meanings**';

(ii) to a certain degree one may agree with the details of the conclusions since during the formation of a 'second language personality', the well-known situation of constantly encountering differences in the cultural component will stubbornly accompany the process of interaction;

(iii) However, without denying the aim that a future 'intermediator of intercultural communication' should not only comprehend, but reflect in their speech, features and concepts of a different culture, in a teaching context, it is **essential to preserve** the term 'intercultural communication' since:

(a) **firstly**, in a teaching context, it is necessary to collate common meanings in different languages and to **consciously develop new cognito-linguocultural complexes** within an **individual's general cognitive mechanism** that are appropriate to their level of assimilation;

(b) **secondly**, if, during the course of teaching, 'new meanings' have not yet developed as 'common and general', then, during communication, a process of mutual-adaptation will occur. That is why MFL education places great significance on derivations of the lexeme 'communication'. A long list of pedagogically-established intercultural-communicative categories and concepts exist in MFL teaching methodology and are of key significance in

the modern **intercultural-communicative theory of MFL education**, for example: **intercultural-communicative** conception, paradigm, competency, concept, approach, principle, system, intermediary of intercultural communication and so forth;

(c) **thirdly**, the students' progression to the level of 'intermediator of intercultural communication' or 'cultural mediator' and the change in the object of study from one of the quest for '**common, general meaning**' to that of a '**common, general yet new meaning**' is gradually achieved during the teaching process, although, in our opinion, it is **barely possible to form a 'second language personality' within the artificial confines of a teaching context**. Some researchers, however, consider this to be precisely the ultimate aim. It is for this reason that the introduction of the term 'intercultural social interaction' is supported, where the learning outcome is defined as the creation of a 'second language personality'.

Researchers within this interdisciplinary field of knowledge who have marked their arrival into the scientific-research arena with an eruption of research in existing interdisciplinary fields of knowledge as well as with the creation of a whole range of new fields of knowledge (discourse analysis, communication studies, linguoculturology, inter-language pragmatics, language-area studies etc.) have noted the stagnation as regards the practical results and full development of **intercultural communication as a field of knowledge** which reveals itself even at the level of the conceptual apparatus.

As O.A. Leontovich has noted, researchers have not attempted to define precisely either the very concept 'intercultural communication' itself, the nature of its subject content or present the whole range of its functions. On a backdrop of tempestuous development, the field of 'intercultural communication' is growing ever wider and it has become an interdisciplinary field

covering the humanities and social sciences.

Although there are no precise definitions of 'intercultural communication' as a theoretical-applied scientific field, perhaps, in view of its multifaceted nature and dependence upon inter-related academic disciplines, we can, at the present time, note of the existence of only a single classification of intercultural communication, namely, as being a stratified typology of **existing approaches to communication and cultural studies (W. Hart)**:

(i) **traditional approach** – as a social science researching intercultural communication;

(ii) **interpretative approach** – as an ethnographically-based analytical method;

(iii) **critical approach** – as research into the components which collectively influence the development of intercultural communication (history, role of context, chronological periodization, relations between communicators);

(iv) **dialectical approach** – as a dialectical understanding of the integrated development of the interdependent aspects of knowledge (the dialectic of culture and the individual, the dialectic of the personality and context etc.)..

As researchers in this field have noted, the majority of attempts to define 'intercultural communication' have resulted, as previously, in the presentation of differing definitions united only by the idea of a juxtaposition of the two discrete concepts 'culture' and 'communication' with one or the other being assigned a leading role.

Bearing in mind both our rejection of G.V.Elizarova's definition on the grounds that it neither reflects nor facilitates the accomplishment of the goals of MFL education and the current crisis surrounding the definition of intercultural communication, it is necessary to accept a very generalized definition which

integrates all its main features and emphasizes in particular the presence of different cultures and languages. 'In this case, intercultural communication can be defined as the process of verbal and non-verbal communication between communicators who are the bearers of different cultures and languages' (or, in other words, as the sum total of the processes specific to the interaction between peoples from different cultures and language backgrounds) N. I. Khaleeva.

For the remainder of this work, we shall keep to this presently most widely-accepted definition of intercultural communication.

The theory of intercultural communication is the conceptual-practical approach behind the modern MFL education paradigm. It is based on a cognito-linguoculturological methodology that is adequate for providing the formation of 'intermediator of intercultural communication', capable of intercultural communication in differing professional and everyday situations.

'Competency' is the key foundation of the activity-based learning structure of a 'intermediator of intercultural communication'. This demands a change in the **knowledge-based model** of education in the direction of a **competency-based** one and a definition of the latter's role in the modern MFL educational paradigm.

The change from a '**knowledge-based**' education model to that of a '**competency-based**' one that is currently taking place may be viewed as a change in 'paradigm' or as a new **philosophy of education**.

It is therefore first necessary to define more precisely these two concepts. There are many different interpretations of the term '**philosophy of education**', ranging from it as:

(i) a universal within the specific chronological parameters of an educational paradigm;

(ii) government educational policy;

(iii) an independent branch of knowledge;

(iv) a meta-theory for the pedagogical branches of knowledge up to the idea of 'philosophy of education' as a field of philosophical anthropology (culturology, ontology, praxeology etc.).

All these interpretations are orientated around the social processes which have a direct influence upon the field of education and which are predicated upon the appearance of new ideas, values and goals within the social sphere.

It follows that, **since 'philosophy of education' belongs to the field of social science knowledge, this should predetermine the direction of its development. Based on the development of social processes, it should, in the near future, formulate philosophical conceptions of education in the shape of new educational models.**

The concept 'paradigm', as regards the methodology of epistemology, constitutes the basic principle behind the process of gathering knowledge and serves as the source for the methods and standards needed for resolving problematic situations i.e. it is understood as being the 'widely-accepted type of formulating and resolving a problem'.

In this respect, researchers, who have noted in pedagogical works the existence of **'multiple paradigms' (knowledge-based, competency-based, reproductive, humanities-based, culturally-orientated, anthropological and so forth)** are attempting to ascertain whether this state of affairs is due to **(i) a change in the scientific model of epistemology (ii) a change in pedagogical science (iii) a change in pedagogical theory.**

Researchers have used T. Kuhn's idea that a new paradigm, in rejecting old theories and replacing them with new ones, in fact

constitutes a scientific revolution. As regards the hierarchy of paradigm types (**general scientific, specialized** – relating to a certain branches of knowledge, **localized** – relating to specific civilizations, regions), they have noted that since all these types are interconnected, the **general scientific paradigm** must have the dominant role. If the scientific development of an academic field is centred on a 'knowledge of humankind' then it is correct that the '**anthropological educational paradigm**' should be considered the most general, as opposed to the other, more specific, paradigm types such as the humanities-based, culturological, personality-centred and so forth.

The contemporary abundance of pedagogical paradigms is due the appearance of innovative ideas in pedagogical theory and practice and changes in the pedagogical/theoretical models of education (for example, the technocratic model has been replaced by the liberal arts model and the authoritative-reproduction by the creative-production). These latter changes in educational models are frequently and incorrectly, understood as constituting changes in the **pedagogical paradigm**. In reality, **the model of pedagogical science comes first and it determines the methodology of pedagogical theory and constructs the educational model** – not the other way round (V.V. Kraevskii, N. L. Korshunov, V. Nurgaliev, L. Baranovskaia and others).

In recent years, within pedagogy, the term '**pedagogical paradigm**' has been widely used and linked to the structure and aims of the **educational model**. An educational model may be defined as a **general conceptual model representing the structure and function of a concrete type of means for implementing the educational process**.

Assuming that any pedagogical paradigm will be represented within its own educational model, then a **pedagogical para-**

digm may be understood as being the sum total of the stable, permanent, conceptual characteristics which determine the essential features of a scheme of pedagogical theory and practice and its interaction with education regardless of the degree and forms of its reflexes.

Researchers have proposed a typology of so-called '**paradigm models of education**' which distinguish, for example, between the authoritative-imperative, cognitive-pedagogical and personality-based pedagogical paradigms (E. A. Iamburgskii, M. A. Amonashvili and others). Typologies of pedagogical models are usually based on two 'philosophies of education' - **the cognitive and the personality-centred** - which determine the strategic aims of education, thought paradigms and the nature of the resolution of general pedagogical problems. The cognitive pedagogical paradigm is said to be centred on the intellectual (cognitive) development of a child and that the tactics and strategy for solving educational issues should be viewed through this lens. The personality-centred pedagogical paradigm shifts emphasis away from intellectual to emotional and character development. The question therefore arises as to the degree to which these 'pedagogical paradigms' are a reflection of a global theory/model of pedagogical science which have brought to life corresponding pedagogical theories based on the construction of educational models reflecting these scientific ideas.

If one were to use this scientific-applied or methodological interpretation of the concept 'paradigm' which emphasizes the rejection of old scientific theories as its defining characteristic, then, of all the above-mentioned 'paradigms', only the 'anthropological' may be truly considered a paradigm. It is sometimes used interchangeably with the 'humanist paradigm', although researchers consider that they are in fact 'two sides of the same

phenomenon – the knowledge of one form or another of the life and consciousness of the **individual**'.

It should be noted that the **humanist paradigm** is centred on the value of a rounded personality and its ethical values whereas the anthropological paradigm, in all its main directions (psychological, culturological, social etc.) considers individual development as a harmonious whole and reflects all aspects of human life and an individual's interconnection with society, nature and culture. The **anthropological paradigm** emphasizes an individual's right to express their abilities, allows a presentation of the essence of being human in all its variety and complexity and allows this essence to serve as the methodological basis for a range of modern pedagogical theories. Thus only the anthropological can be considered a 'scientific paradigm', since, in this case, 'knowledge of humankind' is the field of pedagogical science.

How justified is it to speak of the existence of **paradigms** such as the '**knowledge-based**' or '**competency-based**' or, more precisely, how correct it is to consider these two educational models to be '**scientific paradigms of education**'? We consider the use of term 'paradigm', even in the sense of a 'pedagogical paradigm', to be most unhelpful, as regards the definition of innovative models or pedagogical theories for this only serves to introduce ambiguity and conceptual uncertainty into the term, the semantic dominant of which is the model and basic principles of scientific activity as a reflection of the methodology of epistemology. Instead, it is more justifiable to speak of the change from a 'knowledge-based' pedagogical theory to a 'competency-based' one.

A competency-based pedagogical theory aims to unite into a whole the educational process which develops a student's personality and attitude to activity. The dominant feature of the

competency-based approach is its concern not only with 'building up' knowledge but the acquisition of varied practical experience.

The fundamental characteristics of the **pedagogical theory of competency** are as follows:

- its **learning outcomes** correspond, to a very large degree, to the overall goals of education, namely, the preparation of citizens who are capable of active social adaptation, an independent choice of lifestyle and are prepared for the onset of working life, professional training and future self-improvement;
- it is aimed at developing the students' self-assessment of their possibilities and 'impossibilities' and a self-awareness of the present limits of their competencies;
- it combines within itself the intellectual, skill-based and character-based (emotions and values) aspects of modern educational ideas;
- its educational content, including its standards, should be results-orientated, thus departing from the limits of the aforementioned *ZUN* system;
- the idea of creating competent school-leavers and graduates, grounded in educational standards will undoubtedly lead to a cardinal change in both in the content and methods of education.

➤ This approach possesses a clearly expressed integrative principle, uniting in a single whole all the necessary skills and knowledge required in many spheres of activity as well as the character traits for providing the most effective utilization of the *ZUN* system.

There also exist various theories which integrate the competency-based approach with the **culturological**. **Its supporters maintain that such an integration is justified** since a character-based aspect (emotions and values) has always been

included in the content structure of the latter. Researchers believe that the culturological approach of M. N. Skatkin, I. Y. Lerner and V.V. Kraevsky provides an understanding of educational content as a pedagogically-adapted cultural-social experience which provides a mechanism for forming the content and structure of a learning process which is targeted towards the student's gaining experience of different types of activity and relations. This is precisely the founding idea behind the competency-based approach.

However, in our opinion, the idea that these two approaches are identical is unjustified. This is revealed in the question of the educational learning outcome. In the culturological approach, it is to become acquainted with culture as an aspect of social experience. In the competency-based approach it is, as already stated, is to acquire a personal experience of various forms of activity which are also drawn from human experience. Moreover, the assimilation of any aspect of culture is achieved through the individual, subjective prism of the student.

On the basis of our analysis of the defining features of innovative pedagogical approaches as a new 'pedagogical paradigm', it has been established that the **competency-based approach may only be defined as a pedagogical theory if it alone constitutes the innovative aspect of an educational model.**

Bearing in mind that a paradigm is essentially an **epistemological method**, our proposal that the cognito-linguocultural methodology and **new type of MFL education** should be understood as the **modern paradigm of MFL education** rests upon the following arguments:

- it is wholly justified to consider 'MFL education' to be an independent field within pedagogy. According to Iu. V. Yakots typology of paradigms, this now allows MFL education to be

considered a specialized type of paradigm concerned with epistemology;

- as a specialized type of epistemological paradigm, the modern MFL educational paradigm is based on a cognito-linguoculturological methodology which itself represents one variant within the overall methodology of epistemology;

- the modern paradigm of MFL education should, as an independent paradigm, possess, in addition to a **cognito-linguocultural methodology**: (i) a set of **methodological principles** (ii) an **underlying pedagogical theory**, in this case, the **theory of competency** which, in turn, creates, an **educational model** (iii) a model of MFL education, in this case, the **system of 'intercultural-communicative MFL education'**.

This integrated, multi-layered **paradigm of MFL education** is, in our opinion, a scientifically-based approach to MFL education reflecting an **anthropological-philosophical theory of epistemology** which is put into practice by:

(i) the **cognito-linguoculturological methodology** of MFL education since its **conceptual basis is anthropological** (personality-centred), culturological, cognitive, psychological and social;

(ii) the **intercultural-communicative MFL model**, which is based on the **pedagogical theory of competency and the culturological** concept of 'intercultural communication'.

In the modern paradigm of MFL education, the **theory of competency** serves to **integrate** the set of **methodological principles** of the cognito-linguocultural method. The reflection of methodological principles in the pedagogical theory of competency constitutes a structure-activity relationship which develops the competency-based model of 'intermediator of intercultural communication' and **acts as its integrative concept**. The mechanism by which this integrative concept is

formed will be outlined in a separate section of this work.

Practical Tasks and Case Studies

1. Define 'intercultural communication'. What are the existing approaches to the definition of intercultural competencies and to what extent are they applicable for a pedagogical modeling of intercultural competencies?

2. Why does G.V.Elizarova's theory maintain the necessity of distinguishing between 'intercultural social interaction' and 'intercultural communication'? Does the theory complicate our understanding of 'social interaction' and 'communication'? Do you agree with the theory?

3. Define 'philosophy of education'. What influence might it have on the selection of an education model?

4. How does the term 'philosophy of education' differ from 'paradigm of education'. To what degree is the current existence of multiple paradigms in pedagogy justified?

5. What are the main characteristics of the 'competency-based pedagogical theory and technology'?

6. On what grounds might one argue for the existence of an independent 'modern paradigm of MFL education'.

**Требования
к статьям, представляемым в
«... Известия КазУМОиМЯ им. Абылай хана»**

Представленные для опубликования материалы должны соответствовать следующим требованиям:

1. Содержать результаты научных исследований по актуальным проблемам в области лингвистических, филологических, педагогических наук, переводческому делу, межкультурной коммуникации, востоковедения, международных отношений, международного права и экономических отношений, регионоведения, менеджмента и международных коммуникаций, маркетинга, туризма.

2. Доминантная идея публикаций: следование принципам научности, инновационности, целостности и системности.

3. Статья предоставляется в бумажной и электронной форме.

Шрифт Times New Roman, кегль – 14, интервал – 1, 5, поля: верхнее, нижнее, левое, правое – 2 см.

Абзац (отступ) – 1 см.

4. Принимаются статьи от 5 до 16 страниц (1 п.л.), включая таблицы, рисунки.

Структура статьи:

1. В левом верхнем углу – шифр УДК

2. Автор

(по центру, фамилия полностью, имя, отчество – инициалы, с указанием должности, ученой степени, места работы жирным шрифтом)

3. Название – по центру (жирным шрифтом).

4. Аннотация на языке статьи (без написания самого слова «аннотация», 70-80 слов, 10-12 строк), на каз., рус., англ.яз. (без ключевых слов) – в конце статьи.

5. Ключевые слова (8-10 слов).

6. Текст статьи

7. Ссылки на использованную литературу (список литературы, references) Ссылки на использованную литературу даются цифрами в прямых скобках по мере упоминания [1, с.15]. Постраничные сноски не допускаются.

8. Список использованной литературы (не менее 5 наименований), в котором указывается литература за последние 5-7 лет.

1. Кунанбаева С.С. Реализация культурного проекта «Триединство языков в Республике Казахстан // Известия КазУМОиМЯ им. Абылай хана. Сер. «Филология». - 2012. - № 1.- С. 3-9.

2. Усубалиева С.Ж. Экологический менеджмент: уч.пособие. – Алматы: Экономика, 2011. – 128 с.

7. Urbain C., Bissot H. Cuisines en partage. Le plov dans tous ses états. Constitution d'une diaspora autour d'un plat d'Asie centrale // *Diasporas*. – 2005. – N 7. [электронный ресурс] – Режим доступа – URL: http://w3.framespa.univ-tlse2.fr/revue/articles_fiche.phpid=335 (дата обращения 31.07.2012).

Таблицы, схемы, графики и т.д. создаются средствами Microsoft Word, нумеруются, имеют название, которое печатается без отступа строки.

Например,

Таблица 1. Систематизация текстов о хронологии

Таблица вставляется в текст сразу после ссылки на нее.

Графики и диаграммы создаются средствами Microsoft Excel, снабжаются заголовками, соответствующими подрисуночными подписями, расположенное по центру, и вставляются в текст сразу после ссылки на них.

Например,

Рис.1. Портрет Бальзака

Фотографии (изображения), иллюстрации представляются в формате JPEG (jpg), разрешение не менее 300 пикселей, и предоставляются отдельными файлами. К каждому изображению обязателен заголовок (сопроводительный текст, аннотация).

Формат 60x84/16, средний объем - 12 п.л. = около 200 стр. формат А4.

Публикации для зарубежных авторов – платные или бесплатные?

1. Серия «Филологические науки».
2. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация».
3. Серия «Востоковедение», выходит с 2004 г.
4. Серия «Педагогические науки»,
5. Серия «Международные отношения»

Пример

УДК 39; 572.9

Н.Б.Ем, д.и.н.,

*Казахский университет международных отношений и мировых языков
имени Абылай хана, Алматы, Казахстан
(E-mail: Natalya.Yem@ablairhan.kz)*

Основные тенденции трансграничного брачного рынка в Южной Корее в 2000-е годы: факторы спроса и предложения для женщин Центральной Азии (на основе статистических данных)

В статье отмечено, что в исторически моноэтнической среде южнокорейского общества численность межнациональных браков растет

ежегодно. Показано, что этническая структура женихов и невест значительно расширились; заметное место в ней занимают женщины из постсоветских стран Центральной Азии. Автором сделана попытка раскрыть основные тенденции межэтнической брачности, показать уровень эндогамности внутриэтнических брачных предпочтений, определить факторы спроса и предложения на брачном рынке страны и место в нем женщин Центральной Азии на примере Узбекистана и Казахстана.

Ключевые слова: межэтнический брак, мультикультурная семья, политика Дамунхва, Южная Корея, Узбекистан, Казахстан

Текст статьи

Список литературы

Н.Б.Ем (выходные данные)

2000 жылғы Оңтүстік Кореядағы трансшегаралық некелесудегі негізгі ағымдар: Орталық Азия әйелдері үшін сұраныс пен ұсыныс факторлары (санак деректерінің негізінде)

Оңтүстік Корея қоғамының тарихи моноэтникалық ортасында ұлтаралық некелесудің саны күннен күнге өсіп келеді, күйеу бала мен қалыңдықтардың этникалық құрылымы неғұрлым кеңейген. Олардың арасында бұрынғы Кеңес үкіметінен, яғни, Орталық Азия әйелдері көрнекті орында шоғырланған. Мақалада этносаралық некелесудің негізгі ағымдарын ашып көрсетуге, яғни этникалық эндогамдық некелесудің деңгейін, ел ішіндегі некелесудегі сұраныс пен ұсыныс факторларын және ондағы Орталық Азия, мысалы өзбекстандық пен қазақстандық, әйелдердің орнын анықтауға әрекеттер жасалған.

N.B. Yem (выходные данные)

Trends of inter-ethnic marriage market in South Korea in the 2000 's: supply and demand factors for women in Central Asia (statistics)

In mono-ethnic environment, South Korean society inter-ethnic marriages are growing in the last decade. The ethnic diversity of the brides and grooms is extended. Among them are popping up, women from Central Asia, the former Soviet Union. This article reveals the main trends of inter etc.

Абылай хан атындағы ҚазХҚжәнеӘТУ
ХАБАРШЫСЫ
ИЗВЕСТИЯ
КазУМОиМЯ имени Абылай хана

«ПЕДАГОГИКА ҒЫЛЫМДАРЫ» сериясы
1 (36) 2015
серия «ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ»

ISSN 2411 - 8745